

К65
ИЗ05

ЧИТ.ЗАЛ

В. В. Седов

**ИЗБОРСК –
ПРОТОГОРОД**

ЧИТ. ЗАЛ

8683.

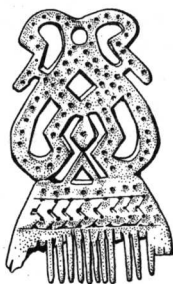
К65
ИЗБ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЧИТ.ЗАЛ

В. В. Седов

ИЗБОРСК – ПРОТОГОРОД

Москва, 2002

УДК 902/903
ББК 63.4
С28

*Книга издана при содействии
Российского гуманитарного научного фонда
(грант № 00-01-00103а)*

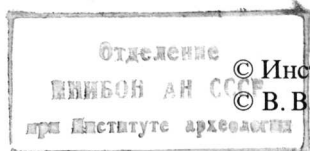
С28   **Седов В. В.** Изборск – протогород. – М., 2002. – 96 с.: ил.
ISBN 5-94375-006-1

В книге публикуются материалы археологического изучения ранних культурных напластований Изборского городища – памятника известного по летописям древнерусского города Изборска, – относящихся к тому времени (VII/VIII – первая половина X в.), когда здесь зарождалась и устанавливалась городская жизнь.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 5-94375-006-1

© Институт археологии РАН, 2002 г.
© В. В. Седов, 2002 г.

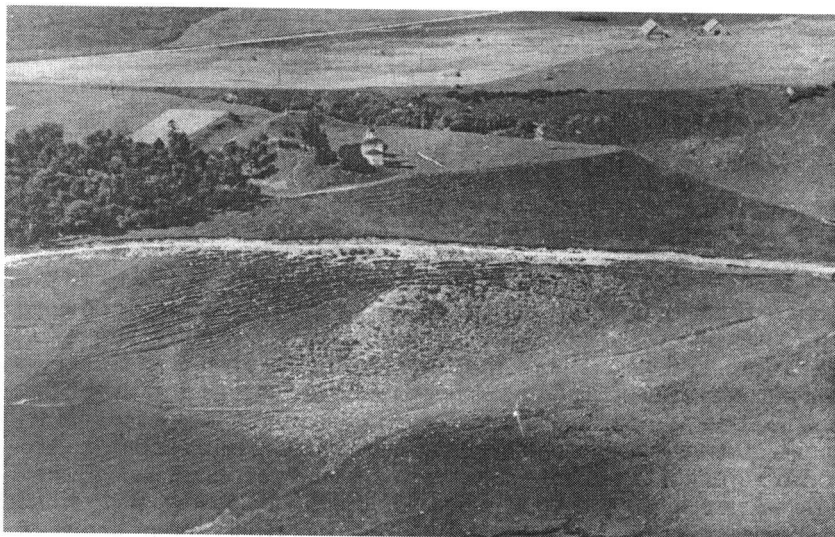
Электронная библиотека ИА РАН: <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

2002 2 20

ВВЕДЕНИЕ

Изборск принадлежит к древнейшим городам Руси. Согласно русским летописям, в середине IX в. на территории будущего Древнерусского государства было девять ранних городов. Это Киев, Новгород, Белоозеро, Изборск, Ладога, Муром, Полоцк, Ростов и Смоленск. Первая информация об Изборске содержится в Повести временных лет под 862 годом и связана с легендой о призвании тремя племенами – словенами ильменскими (новгородскими), кривичами и мерей (в некоторых летописях – весью) – варяжских князей-братьев с целью прекратить имевшую место в то время межплеменную вражду. В летописи сообщается, что «...старейший, Рюрикъ, седе Новегороде, а другой, Синеусъ, на Беле-озере, а третий Изборъсте, Труворъ» (ПВЛ, 1950, с. 18). «Сказание о призвании варягов», из которого рассказ о призвании Рюрика с братьями попал в летописи, является литературным произведением фольклорно-легендарного характера. Крупнейший исследователь древнерусских летописей А. А. Шахматов полагал, что эта легенда была создана в славянской среде и синтезировала местные новгородские, изборские и белозерские предания (Шахматов, 1908, с. 311–314). Наоборот, А. Стендер-Петерсен считал, что эта легенда возникла в варяжской среде в начале XI в. Норманны таким образом пытались обосновать свое право на властвование на Руси (Stender-Petersen, 1934, s. 66). Согласно Б. А. Рыбакову, «в летопись попал пересказ какого-то скандинавского сказания о деятельности Рюрика» (Рыбаков, 1982, с. 298). Как бы то ни было, Изборск оказывается в центре исторических событий IX столетия.

Становление в середине IX в. политического образования в виде конфедерации словен, кривичей и мери на основе всей суммы данных, которыми располагает современная наука, представляется достаточно реальным (Седов, 1999в, с. 100–137). К этому времени славянское население лесной полосы Восточно-Европейской равнины налаживает международные контакты не только с Северной Европой но и Причерноморьем, Кавказом, а через их посредство со странами Востока, и в их землях получает широкое хождение арабское монетное серебро. Наряду с многочисленными поселениями, обитатели которых занимались земледелием, животноводством и охотой, в VIII–IX вв. в словенско-кривичском ареале возникают неаграрные поселки, в которых сосредотачиваются племенная и дружинная знать и купечество. В них

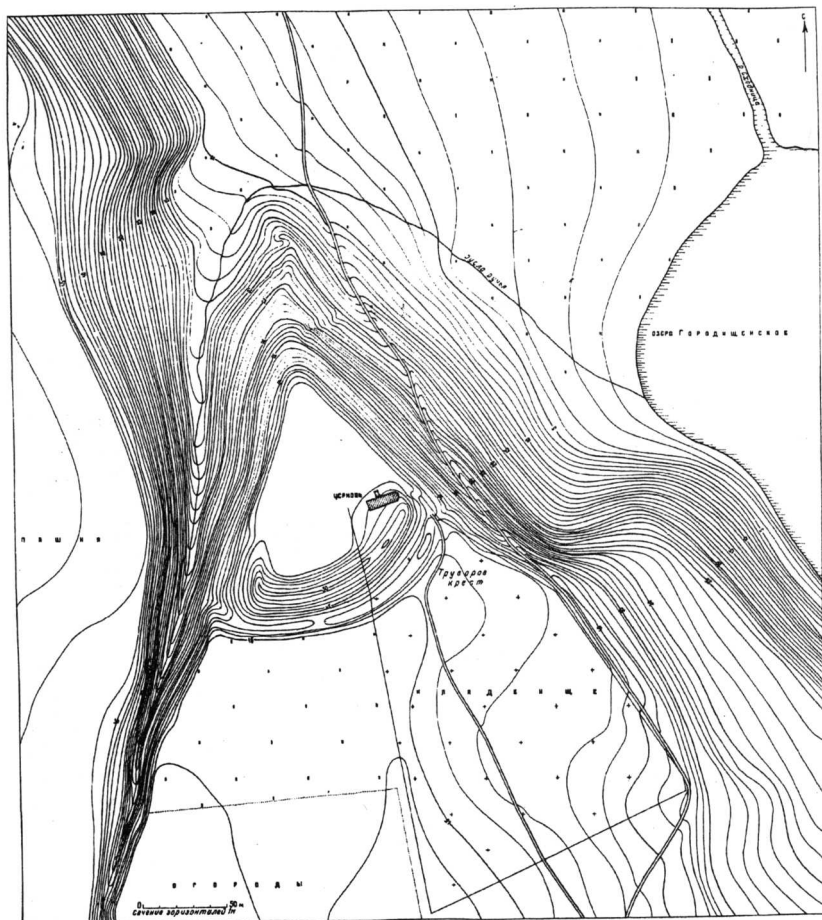

Рис. 1. Изборское городище. Снимок с вертолета, с востока.

активно развивается и ремесленная деятельность. Таким образом, складываются предпосылки, необходимые для формирования ранней государственности и трансформации части неаграрных селений, в основном тех, которые сочетали в себе административно-политические функции, в раннесредневековые города.

Одним из таких поселков и был Изборск. Он возник в области расселения псковской группы кривичей, которая формировалась в сложных условиях метисации славянского населения с местным прибалтийско-финским и частично с представителями балтского этноса. Распространение древнейших погребальных памятников кривичей псковских – длинных курганов (Седов, 1974) – показывает, что земли, примыкающие к Псковскому озеру с юга, где был основан Изборск, были регионом концентрации кривичского населения. Последнее и стало одним из конфедерантов раннегосударственного образования середины IX в. – «ас-Славийа», как его называли некоторые восточные авторы (ал-Балхи, ал-Истахри), писавшие в первой половине X в., но отражавшие историческую ситуацию второй половины IX в. (Новосельцев, 1965, с. 408–411; Седов, 1999в, с. 111–142).

Древнейшая часть Изборска – городище (рис. 1) – располагалась на выском мысе с довольно крутыми склонами на берегу озера, ныне именуемого Городищенским, при впадении в него глубокого оврага, по которому протекает безымянный ручей. Рекой Сходницей Городищенское озеро связано с Мальским озером, а вытекающая из последнего

Рис. 2. Изборское городище. Топографический план.

р. Абдеж впадает в Псковское озеро. Таким образом, водными путями Изборск оказывается связанным с Балтийским регионом, игравшим большую роль в истории раннего средневековья. Площадка Изборского городища имеет подтреугольные очертания размерами около 1 га и в дошедшем до нас виде с напольной стороны защищено валом высотой до 6 м и рвом глубиной около 3 м. Возвышается городище над озером на 44–46 м (рис. 2).

Археологическими раскопками в течение 18-ти полевых сезонов изучена основная часть Изборского городища. Исследования велись в

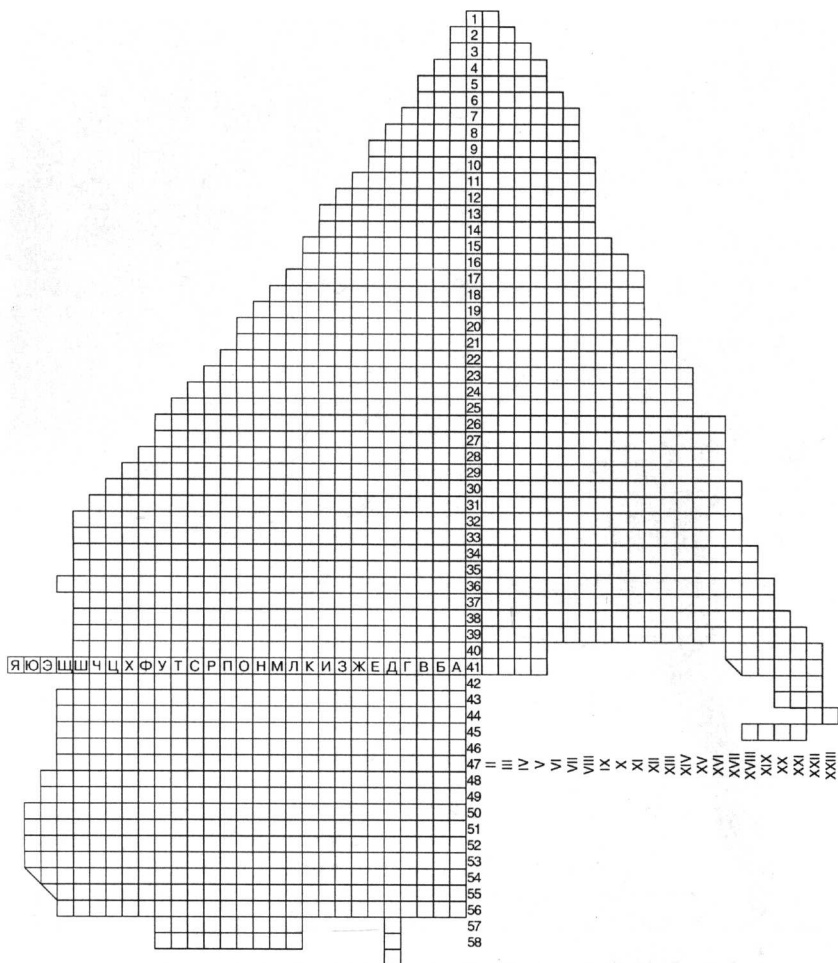

Рис. 3. Схема раскопа с обозначением квадратов.

70–80-х годах XX в. экспедицией Института археологии АН СССР (теперь Российской академии наук), Псковского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и его Изборского филиала (ныне Государственный музей-заповедник «Изборск») под руководством автора. В полевых работах участвовал большой коллектив археологов, музейных работников, художников, аспирантов и студентов университетов и ВУЗов Иванова, Пскова, Москвы, Ленинграда, Орла, школьников ряда российских городов. Среди них

нельзя не отметить плодотворную деятельность по ведению раскопочных изысканий и научной документации в течение нескольких полевых сезонов А. Р. Артемьева, П. Г. Гайдукова, Л. Е. Грушиной (Сергеевой), Н. В. Лопатина, Б. Н. Харлашова, ставших ныне известными археологами России. Большую помощь в организации и проведении экспедиции постоянно оказывали сначала зав. Изборским филиалом Псковского музея-заповедника В. Д. Розова, позднее директор Изборского музея Л. Н. Панов.

Для фиксации результатов раскопочных изысканий исследуемая площадь городища была поделена на квадраты размерами 2 x 2 м. С севера на юг они пронумерованы арабскими цифрами от 1 до 58 (и далее в траншее, разрезавшей вал и ров). В направлении с востока на запад от центральной оси городищенской площадки ряды квадратов обозначены буквами от А до Я, а восточнее оси – римскими цифрами от I до XXIII (рис. 3). Таким образом, каждый квадрат имел буквенно-цифровое обозначение или документировался римской и арабской цифрами.

В настоящей работе вводятся в научный оборот археологические материалы начального, догородского периода истории Изборска, от времени возникновения поселения приблизительно до середины X в. Культурные напластования этого времени именуются нижним слоем.

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ГОРОДИЩА

Культурные напластования памятника имели мощность от 1–1,2 м в северной, мысовой части и до 2,5 м в южной, примыкающей к валу. Эти различия в толщине культурных отложений обусловлены тем, что материковая поверхность городища была не горизонтальной, а имела заметный наклон в южном направлении. Разница между уровнями материка в северной и южной частях городища составляет около 1 м.

До начала раскопок площадка городища была плотно задернована. Таковой она была, судя по описаниям, и в те годы, когда памятник находился на территории Эстонии. Однако, в XIX в. и, по-видимому, в начале XX в. некоторые участки городищенской площадки распахивались, вспашка была относительно неглубокой.

Известно, что в XVI–XVIII вв. на территории городища находился Николо-Городищенский монастырь. К этому времени относится каменная церковь св. Николая, находящаяся в юго-восточной части памятника. Участок около церкви занят могилами XVIII – первой половины XX вв., поэтому не был затронут раскопочными изысканиями.

Раскопками выявлено, что под дерновым слоем, имевшим толщину 3–8 см, залегал темно-серый, рыхлый или средней плотности супесчаный слой с мелкими камнями. Отмечены участки некоторого скопления камней. Это – пахотный слой, толщина которого не превышала 15–20 см. При его снятии встречено большое количество фраг-

ментов глиняной посуды, среди которых преобладают мелкие. Вся керамика в западной половине городищенской площадки древнерусская гончарная, в восточной части, особенно там, где располагались постройки монастыря, остатки которых были исследованы при раскопках, наряду с доминирующими фрагментами древнерусской посуды обнаружена и поздняя керамика, датируемая в основном XVI–XVII вв.

На участках, где пахотный слой отсутствовал, непосредственно под дерном, а также под пахотным слоем залегал более светлый и более плотный серый слой с большим количеством камней, с многочисленными точечными включениями кусочков красно-оранжевой обожженной глины, с неравномерным содержанием угольков и угольной пыли. В ряде мест из-за значительного содержания угольной пыли и сгоревших остатков древесины слой приобретал черно-серую окраску. Дерево в сухом слое городища не сохраняется. Облик построек удается восстанавливать лишь по их сгоревшим остаткам и печам. На других участках из-за содержания перегнившего деревянных конструкции слой имеет коричнево-серую окраску. В отличие от пахотного характеризуемый слой содержал нередко крупные камни, преимущественно плитняковые, иногда фиксировались их нерегулярные скопления. По периметру городища в верхних горизонтах этого слоя открылась кладки из плитнякового камня крепостной стены и башни в мысовой части, наблюдались и развалы этих крепостных сооружений. В процессе изучения характеризуемого слоя зафиксировано множество разнообразных включений необожженной красной или светло-желтой глины, преимущественно небольшие песчаные прослойки. На ряде участков из-за насыщенности глиной или песка слой, преимущественно в нижних горизонтах, приобретал желто-серую или бледно-серую окраску. При изучении это слоя выявлено множество остатков печей трех видов – каменок, сооруженных из валунного и плитнякового камня; глиняных, сложенных целиком из глины и комбинированных, при строительстве которых использовались камень и глины.

Мощность описываемого серого слоя на разных участках городища колебалась от 0,3 до 2 м. В целом для этого слоя характерна древнерусская гончарная керамика. В отличие от пахотного слоя здесь нередко встречались крупные ее фрагменты. Слой весьма насыщен керамическим материалом, во многих квадратах раскопов во втором – четвертом пластах встречено по несколько сотен фрагментов глиняной посуды. Наряду с гончарной в нижних горизонтах характеризуемого слоя встречены и немногочисленные обломки лепной посуды. Их присутствие объясняется значительной потребностью нижележащего слоя, для которого эта керамика характерна. Вместе с тем, самые нижние горизонты характеризуемого серого слоя откладывались в тот период, когда в быту вместе с гончарной использовалась и лепная посуда. В этих слоях фрагменты последней нередко численной доминируют над раннегончарной.

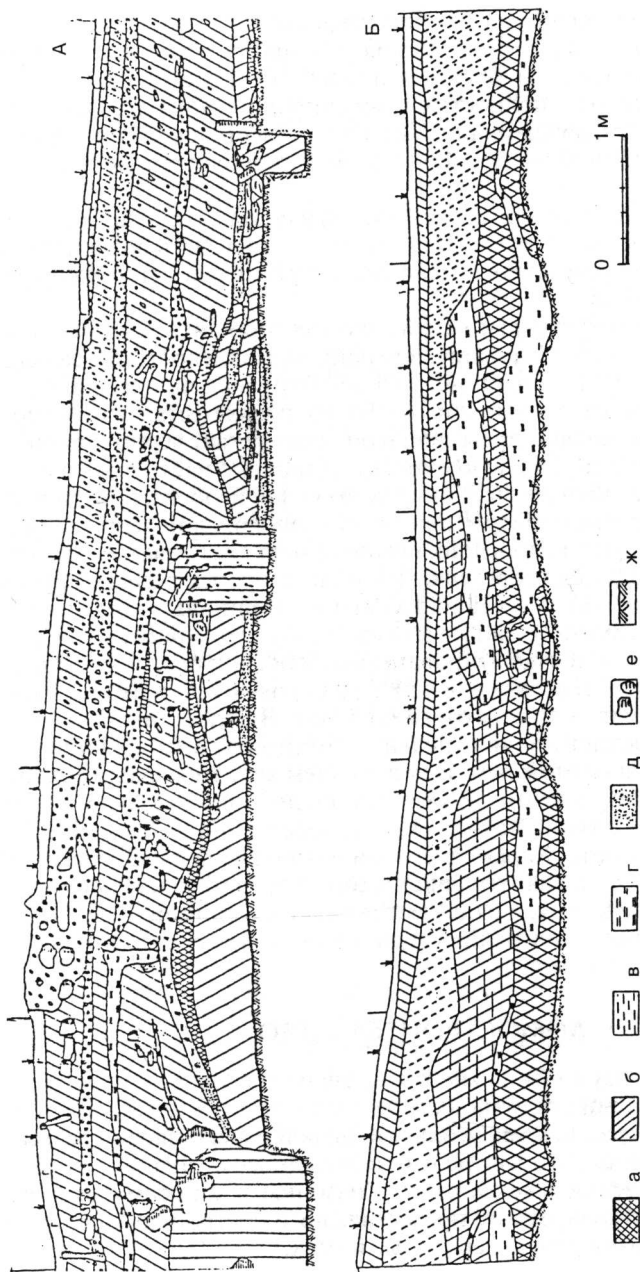
В юго-восточной части городища зафиксированы места нарушений древнерусского культурного слоя. В монастырский период при возведении построек с углубленным полом в этом слое было вырыто несколько котлованов, полностью разрушивших ранние напластования. В 1943–1944 гг. во время Великой Отечественной войны культурному слою в восточной части городища был нанесен урон немецкими захоронениями.

На многих исследованных раскопками участках городища под серым слоем открылся материк. Древние отложения здесь были полностью разрушены в результате интенсивной строительной деятельности изборян в X–XIII вв.

Самые ранние культуры напластования городища, которым посвящено настоящее исследование, сохранились далеко не на всей его площади. Это – черный, черно-серый или бурый слой, насыщенный угольками и угольной пылью (рис. 4). В отдельных местах в этом слое фиксируется перегнившая древесина и он приобретает черно-коричневую или буровато-коричневую окраску. Довольно часто в этом слое выявляются прослойки серой или серовато-белой необоженной глины, имелись и небольшие бесформенные включения бледно-желтого песка. Некоторые крупные прослойки глины могут трактоваться как остатки глинобитных полов бревенчатых жилищ, происхождение других остается неясным. В самых нижних, предматериковых горизонтах слой в ряде мест имеет сероватую или светло-бурую окраску. При изучении нижнего слоя документированы остатки глиняных и каменных печей, выявлены и открытые очаги. На различных участках памятника этот слой имеет толщину от 10 до 50 см. В целом нижний слой аморфен и расчленил его на отдельные горизонты по консистенции не представляется возможным. Исключением является сравнительно небольшой участок раскопа 1978 г., площадью около 120 кв. м, где слой довольно отчетливо по окраске и консистенции дифференцировался на три горизонта. Характеризуемый нижний слой начал откладываться непосредственно на материке, который представляет собой массив плитнякового камня, в ряде мест покрытого глиной. Кое-где на глинистом материке удалось проследить тонкие фрагментарные прослойки погребенного дерна.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО

В результате изучения нижнего культурного слоя городища, в частности исследований остатков сгоревших построек и наблюдений участков концентрации угля, угольной пыли и перегнившей древесины, устанавливается, что жилые и хозяйственные строения с самого начала возникновения поселения были наземными и преимущественно срубными. Для конкретного представления о постройках начального Изборска охарактеризую некоторые из них.

Рис. 4. Разрезы культурных напластований.

А – восточная стенка по линии квадратов V-37, V-38, V-39, V-40, V-41 (раскоп 1979 г.); Б – южная стенка по линии квадратов E-51, Ж-51, 3-51, И-51, К-51 (раскоп 1973 г.)

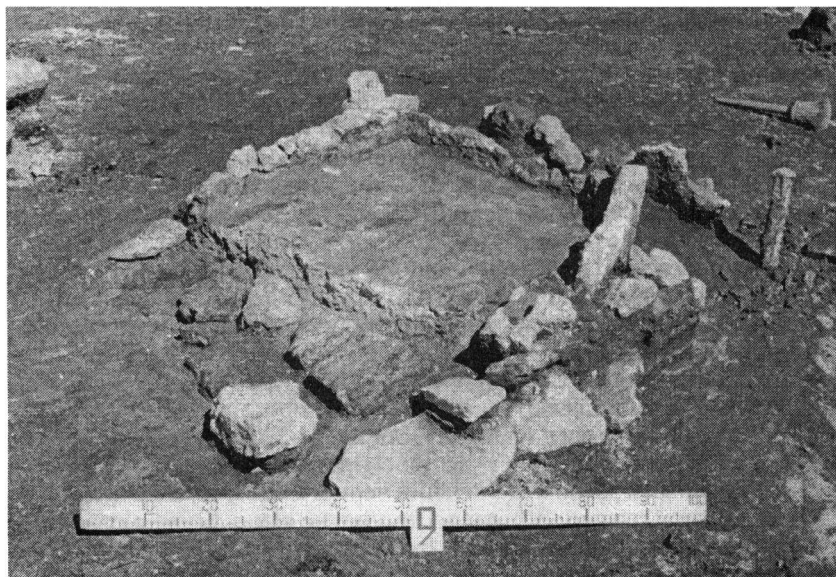
а – черный или черно-серый слой с большим содержанием угольной пыли и угольков; б – бурый слой с большим содержанием регнившей древесины; в – слой и прослойки глины; г – включения обожженной глины; д – песок; е – камни; ж – поверхность материка.

Следами одной из жилых построек является пятно темно-серого слоя с большим содержанием золы и с многочисленными угольками толщиной до 7–8 см, зафиксированное в пятом пласте в кв. Л-27, М-27, К-28, Л-28 и М-28. В плане оно имело вытянутые подпрямоугольные очертания размерами 5,2 x 2,7 м. Стены постройки не прослеживаются. Нужно полагать, что строение было срубным. Около западного угла его находились остатки печи – скопление небольших камней со следами пребывания в огне. Это была печь-каменка, о конструкции которой судить невозможно. Предположительные размеры ее основания, читающегося по плотной каменной укладке, – 1 x 0,8 м. Остатки постройки и печи лежали на сероватом суглинистом слое, отложившемся в предшествующий период жизни поселения. При исследовании остатков жилища обнаружены фрагменты лепной керамики и бронзовый цепедержатель.

Остатки подобной сгоревшей постройки прослежены в виде зольно-угольной прослойки в пятом пласте кв. М-30 и М-31. При ее разборке выявлены небольшие участки сгоревшего пола из плаха и несколько крупных и мелких включений черного слоя, насыщенного углями и угольной пылью. Детали постройки не ясны. Можно говорить только о наличии входа в жилище с северной стороны (кв. М-30), где выявлена небольшая вымостка из плитнякового камня. Остатки постройки находились на таком же сероватом суглинистом слое.

Большинство жилых построек представлено в раскопах фрагментарно. Так, в кв. Л-22, М-22 М-23 в четвертом – пятом пластах от сгоревшей прослойки исследованы фрагменты обугленных бревен и слой красной обожженной глины толщиной 5–15 см от глиняной печи, остатки которой еще в древности оказались разбросанными на большой площади. Остатки срубной постройки, погибшей в огне пожара, выявлены еще в пятом пласте кв. Л-29, Л-30 и соседних с ними. От юго-восточной стенки жилища остались крупные части сгоревших бревен. Южный угол его занимала печь. Ее основание размерами 1,4 x 1,3 м было сложено из пяти крупных плитняковых камней, положенных горизонтально. Швы между ними были забиты мелкими камнями. Верхняя часть печи была глиняной, от которой до нас дошел массив обожженной глины толщиной до 20 см. Края печи были выложены камнями, отдельные камни встречались и внутри слоя глины.

Остатками сгоревшей постройки является и зольно-угольная прослойка с включениями темно-серой супеси и песка, выявленная в нижних горизонтах четвертого и верхних горизонтах пятого пласта в кв. Е-29, Ж-29 и 3-29. В плане она имела вытянутые прямоугольные очертания размерами 5,5 x 2 м и толщину 4–6 см. При ее изучении найдены глиняное пряслице, язычок бронзовой пряжки и фрагменты лепной посуды. Стены постройки не фиксировались, но, очевидно, что были срубными. В южной части постройки (кв. Ж-29) находился овальный в плане очаг. Его срединная часть состояла из золы, а края образыв-

Рис. 5. Остатки печи (5, Ж-29, 3-29).

Здесь и далее первая цифра обозначает пласт, затем – обозначения квадратов.

вали плитняковые камни, поставленные вертикально. Размеры очага – 1 x 0,7 м.

Остатками постройками является и угольная прослойка, исследованная в пятом пласте кв. 3-29, 3-30, И-29 и И-30. Стратиграфически с этой постройкой связана печь, находящаяся в юго-восточной части кв. 3-29 и занимавшая, как можно полагать, северо-восточный угол жилища. Сверху это был массив обожженной красновато-оранжевой глины размерами 2 x 1,6 м и толщиной до 15 см. Внутри выявлено несколько булыжных камней со следами пребывания в огне, конструктивное значение которых установить не удастся. У края массива глины найдено каменное пряслице.

В основании печь с трех сторон была обрамлена вертикально поставленными плитняковыми камнями, с четвертой, очевидно, находилось ее устье (рис. 5). Подчетыреугольное основание имело размеры 1 x 0,9 м, внутреннее пространство печи – 0,8 x 0,5 м. Основу пода образовывал слой красной прокаленной глины толщиной 6–8 см, на которой лежало несколько плитняковых камней. Разрез верхней части печи зафиксировал два слоя обожженной глины, разделенных тонкой угольной прослойкой. Таким образом, выделяется два этапа функционирования печи – первоначальная печь была разрушена при пожаре и через какое-то время была восстановлена.

Верхняя часть печи не сохранилась, но, очевидно, что она была сложена из глины. Эта постройка стратиграфически относится к среднему периоду отложения нижнего слоя Изборского городища.

В некоторых случаях остатки сгоревших построек выявляются по заметной концентрации крупных и мелких углей в черно-сером или черно-буром слое. Следami одной из таких является участок напластований пятого пласта в кв. В-44, В-45, Г-44 и Г-45. В кв. В-45 было расшищено скопление фрагментов обугленных бревен диаметром до 35 см, лежащих в направлении север – юг, и отмечена насыщенность перегнившей древесины. По всей вероятности, это остатки восточной стены срубного строения. Некоторые сгоревшие плахи могут трактоваться как остатки деревянного пола. Приблизительные размеры жилища – не менее 4 x 3 м. Отапливалось оно глиняной печью, остатки которой находились в кв. Г-44. Это – массив красноватой обожженной глины размерами 40 x 20 см при толщине 20 см и большое число кусков и крошки сильно обожженной глины. В слое пожарища найдены железный нож, кусок бронзовой проволоки, небольшое скопление обугленного зерна, небольшая глиняная чаша и маловыразительные фрагменты лепной керамики.

Следы подобной постройки изучены в шестом – седьмом пластах кв. Е-42, Е-43, Ж-43. Прослойка, лежащая непосредственно на материке, отчетливо выделялась среди окружающего слоя сильной насыщенностью углем и угольной пылью. В кв. Ж-43 открыты остатки печи-каменки, относящейся к этой постройке, но используемой и позднее, после того как она сгорела. От печи осталось множество прокаленных камней, часть их находилась в подпечной яме, имевшей овальную, воронкообразную форму размерами 2,1 x 1,9 м и глубину 25 см.

Следы еще одной постройки зафиксированы при снятии слоя пятого пласта в кв. Е-35, Е-36, Ж-35 и Ж-36. Участок слоя отчетливо выделялся значительной насыщенностью угольной пылью (толщиной 5–7 см). Здесь же встречены крупные и мелкие угольки, а в кв. Е-35 и Е-36 – несколько кусков обугленных бревен. Предположительно можно говорить, что строение имело размеры около 4 x 4 м. Глиняная печь занимала его юго-восточный угол. Здесь находился массив красно-оранжевой обожженной глины до 1,7 м в поперечнике и до 12 см в толщину.

Остатки сгоревшей деревянной постройки в виде прослойки из угля, угольной пыли и золы толщиной от 2–3 до 7 см исследованы также при снятии четвертого пласта кв. Н-29, Н-30, Н-31, О-29, О-30, О-31, П-28, П-29, П-30. В плане прослойка имела подчетыреугольные очертания, позволяющие предполагать, что строение погибшее в пожаре имело размеры около 5 x 4 м. В его юго-восточном углу находилась печь-каменка, остатки которой (булыжные камни со следами пребывания в огне на площади 1 x 0,9 м) зафиксированы в смежных частях кв. Н-30 и Н-31.

Рис. 6. Остатки печи (4, Г-25, Д-25).

Следы еще одной сгоревшей постройки зафиксированы при снятии пятого пласта в кв. Е-35, Е-36, Ж-35 и Ж-36. Черный слой, насыщенный крупными и мелкими углями, прослежен на площади свыше 4 x 4 м. В нем выявлены крупные куски обугленных бревен восточной стены срубного строения. В юго-восточной части его открыта подпольная яма подпрямоугольных очертаний размерами 1,4 x 0,9 м и глубиной 55–60 см. Заполнена она была черно-серым слоем с включениями глины. Печь-каменка находилась в северо-западном углу жилища (кв. 3-36). После разборки скопления сильно прокаленных крупных и мелких камней открылось основание печи, которое было глиняным (прослойка глины неправильно-овальных очертаний имела размеры около 2 x 1,5 м).

Особым типом изборских жилищ являются наземные срубные постройки с углублениями в срединной части. Остатками одной из таких является яма, выявленная в кв. В-25, Г-25 и соседних частях кв. В-24 и В-25. В плане она имела подовальные очертания размерами 3,2 x 2,2 м при глубине 35 см. Стенки ямы близки к отвесным, дно почти горизонтальное. Заполнение ее составлял черный слой с многочисленными углестыми включениями в нижних горизонтах, где были найдены четыре фрагмента стенок лепной керамики. На дне этого углубления зафиксированы три столбовые ямы диаметрами 30–40 см и глубиной 20–30 см, которые имели такое же заполнение (черный слой с углем), в одной из ям обнаружены два обломка лепной глиняной посуды. За пределами углубления, около его северо-западного края

(смежные части кв. Г-24 и Г-25) исследована глиняная печь, сложенная на ранее отложившемся черно-сером слое толщиной около 10 см. Остатками печи является массив красной обожженной глины, овальный в плане размерами 1,5 x 1,1 м и толщиной до 30 см. Основание печи по периметру было обложено булыжными и плитняковыми камнями (рис. 6). Сверху печь была срезана при последующей строительной деятельности.

Жилищной является также яма, исследованная в кв. IV-32 и частично в кв. IV-31. В плане она имела неправильно-подпрямоугольные очертания размерами около 2,5 x 1,8–2,2 м. Стенки ямы наклонны, дно неровное, глубина 20–40 см. С северной и западной сторон к ней вплотную примыкают четыре столбовые ямки. Заполнение всех ям – черно-серый слой со значительной примесью угля. На дне обнаружены обугленные зерна злаков, остатки берестяного сосуда, точильный брусок, обломок бронзовой проволоки, кость со следами обработки, скоба и несколько неопределенных железных предметов. С северной стороны к яме примыкала глиняная печь, остатками которой был массив красной сильно обожженной глины рваных очертаний в плане. Его размеры около 2 x 2 м, толщина 20–40 см (кв. IV-31). Строение печи восстановить не удается, можно только констатировать, что она была сложена целиком из глины.

Несколько построек представлено лишь подпольными ямами. Одна из них изучена в смежных частях кв. Е24 и Е-25. Яма имела неправильно-овальные очертания размерами 2 x 1,2 м. В нижней части ее черно-серого заполнения с множеством угольков документированы включения, образовавшиеся от упавшего в яму сгоревшего деревянного пола жилища.

Некоторые постройки раннего Изборска имели глиняные полы. Явным остатком такого пола является прослойка глины красноватого цвета с черно-серыми включениями, расчищенная в кв. К-29, К-30, Л-29, Л-30, М-29 и заходящая частично в соседние квадраты. В плане она имела рваные очертания размерами 7 x 3–3,5 м, верхняя поверхность была близка к горизонтальной. По всей вероятности, постройка была двучленной. Западную часть ее составляла жилище размерами около 4 x 4 м, где глиняный пол имел толщину 8–10 см. Стены его, как можно предполагать, были срубными. В полу зафиксированы четыре столбовых ямы и несколько ямок от кольев. По всей вероятности, это следы скамеек и столов, устроенных в жилище. В юго-восточном углу постройки находилась печь. Это была линза красной обожженной глины, округлая в плане, диаметром около 1,4 м и толщиной до 18 см. Под слоем глины открылся под печи, выложенный из плитняковых и булыжных камней на тонкой подушке из желтой глины. С востока к жилищу примыкала хозяйственная постройка с глиняным полом, в котором также прослежены бессистемные ямки от столбиков или кольев. Никаких следов стен ее выявить не удалось. При разборке глиняного

пола описываемых жилища и хозяйственной постройки обнаружены глиняное пряслице, заготовка каменного, железный нож и множество мелких фрагментов лепной керамики. Эти постройки с глиняными полами были сооружены в тот период, когда на этом участке поселения уже отложился культурный слой до 10–15 см толщины.

Скорее всего, остатками глиняного пола является прослойка, прослеженная почти на материке (ее отделяет от последнего серовато-бурая прослойка с содержанием глины и песка толщиной 3–5 см), в кв. А-52, А-53 и Б-53. Ее составляла необожженная глина сероватого цвета толщиной 6–10 см. С южной стороны к ней примыкал слой пожарища, в котором зафиксированы куски обугленных бревен. По всей вероятности, это – остатки южной стены сгоревшей постройки. Каких-либо следов отопительного устройства при этом не обнаружено, поэтому не исключено, что строение было хозяйственным. При разборке глиняного пола найдено только железное кольцо от пробоя или удил., в слое пожарища встречено несколько мелких обломков лепной посуды и железный костылевидный предмет неизвестного назначения.

Не исключено, что остатками глиняных полов являются и некоторые другие прослойки глины, зафиксированные в раскопах. Такова, например, прослойка необожженной красноватой глины рваных очертаний, исследованная в пятом пласте кв. С-45, С-46, Т-45, и У-45. Толщина ее колеблется от 3 до 10 см. Внутри прослойки выявлен массив обожженной глины оранжево-красной окраски размерами около 1,5 x 1,5 м (толщиной до 15 см). Это – несомненные остатки глиняной печи. Остатками пола могла быть и выявленная в нижних горизонтах черного слоя в кв. О-47, О-48 и П-48 крупная прослойка плотной глины серого цвета, овальных очертаний в плане, размерами около 4 x 2 м при толщине от 5 до 12 см. Каких-либо следов отопительного сооружения, связанного с этой постройкой, не обнаружено.

Исследования нижнего слоя Изборского городища показывают, что одним из распространенных типов отопительного устройства в домах здесь были глиняные печи. Некоторые из них были описаны выше при характеристике построек. Большинство таких печей в раскопах представлено массивами плотной обожженной глины оранжево-красного цвета. Размеры и формы остатков печей самые разнообразны. Немалое число их имели рваные бесформенные очертания толщиной до 7–10 см в срединной части и около 2–5 см по краям. Однако, доминировали массивы округлых или округло-овальных очертаний, позволяющие полагать, что основания таких печей имели преимущественно округлые формы. И это подтверждается исследованиями печей, основания которых обкладывались по периметру камнями.

Одна из таких печей исследована в пятом – шестом пластах кв. И-48 и И-49. В ее основании камни были положены подковообразно, разрыв обкладки приходился на устье печи. Использованы были булыжные камни вытянутых очертаний. Диаметр обкладки – около 1,6 м.

Внутри находилась плотная прокаленная глина, под печи не сохранился. Массив глины в плане имел неправильно округлую форму и толщину до 10–12 см, каких-либо находок в нем не обнаружено.

Аналогичная печь находилась в кв. в смежных частях кв. Т-52 и Т-53, открытая при снятии седьмого пласта. Основание ее с западной стороны было оконтурено булыжными камнями, выложенными несплошным полукольцом. От печи остался массив плотной обожженной глины красно-оранжевого цвета толщиной около 20 см. Верхняя часть его была снята позднее при возведении на том же месте печи из глины и камня. Размеры основания печи 2 x 1,6 м. Никаких находок при разборке остатков печи не обнаружено. Открыта она в черно-сером слое и была устроена на отложившихся ранее напластованиях того же облика.

При строительстве глиняных печей нередко использовался камень. Некоторые из них получили характеристику выше.

Интересная глиняная печь изучена в кв. 3-35 (шестой – седьмой пласты). Она была сложена непосредственно на тонкой прослойке погребенной почвы. Основание печи образовывал слой необожженной красновато-желтой глины овальных очертаний размерами 2 x 1,5 м и толщиной около 10 см. На этой глиняной подушке устроен был под, выстланный из крупных плоских камней, в процессе функционирования печи сильно прокаленный. Выше лежал массив обожженной глины красно-оранжевого цвета толщиной до 15–18 см. С северной стороны он был ограничен узкой прослойкой угля, вытянутой на 2 м, что можно интерпретировать как остатки сгоревшей стены постройки.

Глиняная печь с подом, выложенным непосредственно на материке из плитняковых камней, исследована в кв. Н-27 (пятый пласт). Размеры ее основания – около 1 x 1 м, в промежутках между камнями находилась зола и угольки. Массив красной обожженной глины над подом имел размеры 1,2 x 1,1 м и толщину до 15 см.

Остатки подобной печи зафиксированы в том же пласте кв. Н-29. Ее основание, являющееся подом печи, также было выложено из плитнякового камня, но сохранилось плохо. Над ним находился массив красной прокаленной глины неправильных очертаний размерами 1,6 x 0,8 м при толщине до 25 см в срединной части и до 15 см по краям.

Подобная печь исследована в пятом пласте кв. К-28 и К-29. Основание ее размерами 0,9 x 0,9 м было выложено из неплотно подогнанных камней, помещенных на глиняной подушке толщиной в 3 см (рис. 7). Камни были промазаны глиной, которая сверху (на 2–2,5 см) была сильно прокалена, это – под печи. На нем прослежена прослойка золы, а выше – сплюснутые части верха печи. Анализ последних свидетельствует, что печь была сводчатой. Печь стояла на суглинистой прослойке серовато-желтого культурного слоя.

Основания, выложенные из камня, имели также глинобитные печи, открытые в кв. Н-29 (пласт четвертый); в смежных частях

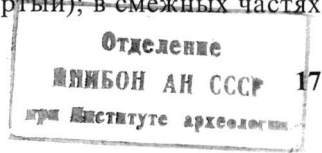

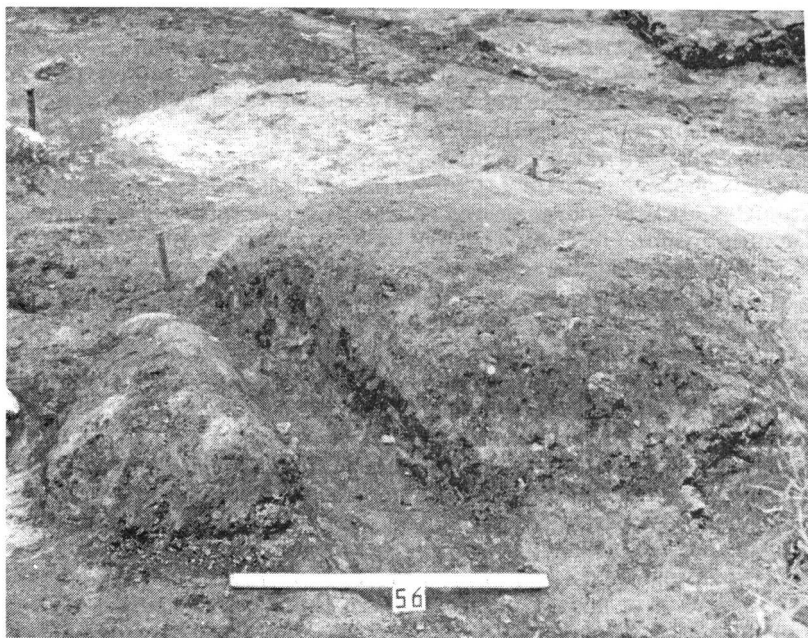

Рис. 7. Основание печи, выложенное из камня (5, К-28, К-29).

кв. О-30 и П-30 (пласт четвертый), в кв. Н-29 (пласт пятый). Основание последней печи составляла вымостка из плитнякового камня размерами 1,0 x 0,9 м, промазанная тонким слоем глины. На поду зафиксирована тонкая линза спекшейся золы. От верхней части печи остался массив красной обожженной глины рваных очертаний размерами 1,6 x 0,9 м и толщиной 15–25 см.

Глиняная печь, остатки которой открыты были в четвертом пласте кв. VII-24, очевидно, связана с производственной деятельностью. Сложена она была из глины с включениями немногочисленных камней на тонком черном слое. Развал печи имел подпрямоугольные очертания размерами 2 x 1,6 м. При разборке обожженной глины найдено свыше сотни фрагментов лепной керамики, в слое около печного развала собрано множество кусков железного и керамического шлака.

При одной из печей, имевших в основании кольцевую обкладку из камней в один – три яруса (кв. I-39), выявлена яма (кв. II-39) прямоугольной формы размерами 2 x 1,5 м. На дне ее по краям прослежены обугленные плахи, по углам – нижние части сгоревших столбов. По всей вероятности, деревянную конструкцию составляли угловые стойки и горизонтальные плахи, концами впущенные в пазы стоячков. Заполнение ямы составлял черный слой с немногочисленными камнями со следами пребывания в огне. Собрано свыше десятка обломков лепной керамики, найден железный нож с костяной рукояткой. Внутри каменной обкладки печи, имевшей в диаметре 1,1 м, напластования состояли из прослоек коричневатой глины с золой и углями, перемежающимися тонкими углистыми включениями.

Рис. 8. Глиняная печь (6-7, II-33, II-34). Разрезана при строительстве детинца в середине X в.

При изучении развалов некоторых глиняных печей удается восстановить конструктивные элементы их. Одной из таковых является печь, расположенная в кв. II-33 и II-34 и выделяющаяся своими крупными размерами. Массив обожженной глины красно-оранжевого цвета занимал в основании овал размерами 3,4 x 2,4 м, толщина его достигала 0,9 м. К сожалению, при строительстве деревянной ограды детинца в середине X в. через него проведена была глубокая канава (рис. 8). Печь была сооружена непосредственно на материковом грунте и, следовательно, ее первыми хозяевами были основателями Изборска. Изучение строения глиняного массива выявило не менее пяти уровней печных подов, что говорит о длительном функционировании и неоднократном обновлении печи.

Исследование остатков этой печи показало, что первоначально она имела округлое основание диаметром 1,1 м. Сравнительно хорошо сохранившийся под ее в виде сильно прокаленной корочки выявлен на высоте около 30 см над материком. Через какое-то время этот под был замазан прослойкой глины толщиной около 10 см, верхней поверхностью которой стал второй под. Таким образом, печь обновлялась, как

уже сказано выше, пять – семь раз. Точно установить их число невозможно, поскольку некоторые горизонты пода сохранились крайне фрагментарно. В каждом случае под поднимался на 7–10 см. Последний под находился уже на высоте около 70 см от основания печи. Размеры печи со временем несколько увеличивались и в плане. При разборке верхней части печи обнаружены куски обожженной глины, дающие основание полагать, что она имела сводчатый верх, толщиной около 20–30 см. В составе глины встречены немногочисленные обожженные камни.

Среди глиняных печей имеются и производственные. Таковой, в частности, была печь исследованная в четвертом пласте в кв. VII-24. Ее остатки представлены массивом обожженной глины красно-оранжевого цвета размерами около 2 x 1,6 м и толщиной до 12 см. В нем имелись единичные небольшие камни. При разборке массива глины и около него собраны сотни фрагментов лепной керамики и множество кусков железного и керамического шлака.

К характерным напластованиям Изборска принадлежит и немало печей-каменок. Такова, в частности, печь, развал которой изучен при снятии пятого пласта кв. Ч-45. Это был навал сильно прокаленных булыжных камней, лежащих в один – три яруса на площади 2,3 x 1,7 м. Размеры камней различны – от небольших, имевших 5–8 см в поперечнике, до крупных, достигавших 30–40 см. При разборке остатков печи найдены мелкие фрагменты стенок лепных сосудов, рядом с ними обнаружена удвоенная зонная бусина светлозеленого стекла.

Интересные остатки печи-каменки исследованы в кв. Е-26 при разборке четвертого пласта. Прокаленные булыжные камни размерами от 5 до 35 см в поперечнике и рваные плитняковые лежали бессистемно в три – четыре яруса. Удалось выявить подпрямоугольное основание печи, выложенное по контуру из крупных камней, его размеры 1,8 x 1,8 м. Плитняковые камни, по всей вероятности, использовались для возведения верхней части печи. С северо-запада к ней примыкало околочечная яма, подовальных очертаний в плане с воронкообразным дном. Ее размеры 1,4 x 0,8 м, глубина около 0,3 м. В заполнении ямы встречены 5 фрагментов лепной посуды и кости животных.

Одна из ранних, сравнительно хорошо сохранившихся печей открыта в пятом пласте кв. Л-40 и Л-41. Камни крупных и средних размеров со следами пребывания в огне лежали в один – три яруса подковообразно. Внутреннее пространство печи имело размеры 0,6 x 0,6 м, ее внешние размеры 1,2 x 1,2 м. Под печи был выложен камнями, которые покрыты мощным слоем спекшейся золы. Изучение зольного напластования позволяет предполагать два этапа функционирования печи.

Еще одна печь-каменка исследована в четвертом пласте кв. И-22. В плане она была овальной, размерами 1,7 x 1,3 м. Камни со следами сильной прокаленности лежали в три – четыре яруса.

Некоторые печи-каменки имели в глиняные основания. Одной из таковых является печь, остатки которой изучены в кв. Г-32 при снятии шестого пласта. Нижнюю часть ее составлял слой обожженной глины размерами 2 x 1,2 м и толщиной около 10 см. На нем без какого-либо порядка лежали прокаленные камни разных размеров.

Имеется немало печей-каменок, выстроенных непосредственно на материке, и, следовательно, относящихся к первопоселенцам Изборского городища. Развал одной из них зафиксирован в седьмом пласте кв. Н-23. Это было сравнительно небольшое скопление обожженных валунных камней, среди которых встречено несколько фрагментов лепной керамики. Среди них есть и ошлакованные. К первому периоду жизни поселения принадлежит также печь, остатки которой изучены при снятии четвертого пласта в кв. Х-29 и XI-29. Ее под сложен из плитняковых камней, а над ним находился развал печи в виде скопления преимущественно гранитных камней и немногочисленных плитняковых со следами пребывания в огне, лежащих в два – три яруса. Развал занимал площадь 1,2 x 1 м. Отложение культурного слоя вокруг этой печи свидетельствует о длительности ее функционирования.

Отмечены случаи, когда на месте первоначальной печи-каменки после ее разрушения строились новые. Так, печь, открытая в шестом пласте кв. У-47 и относящаяся к раннему периоду жизни поселения, восстанавливалась пять – шесть раз. Первоначально ее четырехугольное основание размерами 1,9 x 1,9 м составили крупные рваные гранитные камни. При разборке основания этой печи встречены небольшие фрагменты лепной керамики, среди которых есть ошлакованные.

Еще одним типом отопительных устройств в раннем Изборске были очаги, количество которых по сравнению с выявленными печами было небольшим. Один из очагов исследован в смежных частях кв. К-34, К-35, Л-34 и Л-35 в пятом пласте. Это – округлая в плане прослойка обожженной глины толщиной 10–12 см, обставленная по периметру плитняковыми камнями, поставленные на ребро (обкладка сохранилась только с юго-восточной стороны). На прослойке глины находилась прослойка золы. Размеры очага 1,3 x 1,2 м. При его разборке находок не обнаружено, в слое, примыкающем к нему, встречены исключительно фрагменты лепной керамики. Позднее непосредственно над очагом несколько юго-западнее была сооружена печь-каменка, развал которой состоял из валунов и плитнякового камня.

Аналогичные очаги исследованы и на других участках городища. Очаг в кв. Ж-29 (четвертый пласт) имел овальную обкладку (1 x 0,7 м) из поставленных на ребро плитняковых камней. В срединной части его находилась зола с мелкими угольками. Довольно хорошо сохранился очаг в четвертом пласте кв. Р-28. В плане он был трапециевидным, размерами 1,5 x 0,9 м. По всему периметру очаг обрамлен плитняковыми камнями, поставленными на ребро. Срединную часть его составлял слой спекшейся золы с угольками, лежавший на прослойке прокаленной

глины с песком толщиной 8–10 см Аналогичный очаг изучен в том же пласте на границе кв. П-28 и П-29. Он имел в плане четырехугольную форму размерами 1,4 x 1 м и также обрамлен плитняковыми камнями, стоящими вертикально или несколько наклонно. Внутри обкладки находилась прокаленная глина толщиной до 15 см. Два последних очага были сооружены на культурном слое толщиной до 10 см.

Обкладка из трех камней сохранилась от очага, исследованного в пятом пласте кв. Д-27. Сам очаг представлял собой тонкий слой золы, лежащий слое глины с золой толщиной 3–5 см. Сооружен он был на черно-угольном слое толщиной 3–7 см, под которым находился материк.

Другие очаги также имели округлую, овальную или подпрямоугольную форму и обрамлены камнями – или плитняковыми, или булыжными. Обкладка могла быть и сплошной, и несплошной. Срединную часть очагов образовывал спекшийся слой золы с угольками без глиняного основания. Размеры очагов – от 0,85 x 0,6 до 1,3 x 1,1 м.

Неплохо сохранившийся очаг был исследован в кв. Х-24 и Х-25 (четвертый пласт). Он четырехугольный, размеры его 1,1 x 1 м, по периметру обрамлен поставленными вертикально плитняковыми камнями. Внутри обкладки находился слой золы, толщиной до 10 см, в котором встречены единичные мелкие фрагменты лепной посуды.

Некоторые очаги, вероятно, не имели обрамления из камней. Таким был очаг, открытый в пятом пласте кв. Д-31. Это была зольная прослойка толщиной 5–6 см овально-округлых очертаний размерами 1,4 x 1,2 м. Это очаг находился непосредственно на материке и, таким образом, должен быть отнесен к первопоселенцам Изборска.

Выявлено немало случаев возведения отопительных сооружений на одном месте в несколько последовательных ярусов. Так, в при изучении напластований седьмого пласта в кв. З-35 была открыта печь, относящаяся к начальному этапу жизни поселения. Она была сложена из крупных камней, а основание ее было глиняным, размерами около 2 x 1,5 м. При разборке печи обнаружено большое число фрагментов лепной керамики. На втором этапе непосредственно на ее остатках была сооружена глиняная печь, от которой до нас дошел массив обожженной красно-оранжевой глины размерами 1,8 x 1,3 м и толщиной до 15 см. В массиве глины встречены единичные обломки лепной посуды того же облика, что и среди остатков нижележащей печи-каменки.

Подобная ситуация прослежена и в смежных частях кв. Ж-32 и Ж-33. В нижних горизонтах рассматриваемого слоя здесь были зафиксированы остатки печи-каменки, а выше – массив обожженной глины с редкими камнями размерами 2 x 1,6 м при толщине до 15 см.

При снятии седьмого пласта в смежных углах кв. К-34, К-35, Л-34 и Л-35 открыт очаг, остатки которого представлены округлым пятном обожженной глины размерами 1,3 x 1,2 м и толщиной около 10 см,

оконтуренным вертикально поставленными плитняковыми камнями (обкладка сохранилась лишь в юго-восточной части). На слое глины находилась прослойка золы толщиной 2–4 см. Очаг относится к первому периоду жизни Изборского городища. На следующем этапе на месте очага была сооружена печь-каменка, от которой до нас дошел развал камней. По отношению к очагу он несколько смещен к западу (кв. Л-34 и Л-35). Камни со следами прокаленности находились в разрозненном состоянии, поэтому судить о строении и размерах печи не приходится.

Интересное наслоение глиняных печей исследовано в кв. VII-32 и VIII-32. От первоначальной печи, построенной, очевидно, первопоселенцами городища, сохранилась только ее северо-восточная часть. Округлое основание печи диаметром около 1,05 м было выложено из плитнякового камня и промазано глиной, которая сильно прокалена. По периметру печь обрамлена поставленными вертикально плитняковыми камнями. Сверху залегал массив обожженной глины, который невозможно отчетливо отделить от развала глиняной печи, расположенной выше.

Основание последней было несколько смещено на юго-запад. Оно имело овалыные очертания размерами 1,9 x 1 м и также было сложено в виде вымостки из плитняковых камней, сверху промазанной глиной на толщину до 20 см. Верхняя поверхность ее была подом печи. В отличие от первоначальной эта печь не имела каменной обкладки в основании. Верхняя часть её была сложена из глины с использованием камней. После того, как эта печь перестала функционировать на ее остатках была сооружена новая, уже без каменного основания. Эта печь дважды перестраивалась. Выявлено три слоя пода – прокаленные потрескавшиеся корочки обожженной глины. Общий развал печи в виде массива обожженной глины занимал овальную площадь около 3 x 1,4 м. Толщина его в срединной части составляла 25–30 см.

Еще одно наслоение печей изучено по-соседству в кв. VI-32. Первоначальным здесь был очаг (или печь?), сложенный на черно-сером слое, в котором встречено несколько фрагментов лепной керамики. В плане он имел округлую форму диаметром в 1 м, контуры выложены из поставленных вертикально плитняковых камней (рис. 9). Разрез внутренней части очага выявил неоднородное строение. Сверху находилась прослойка обожженной глины оранжево-красного цвета толщиной 3–4 см. Под ней в западной части лежал серый слой с большим содержанием золы, в срединной – желтая глина, в восточной – черно-серая прослойка, а под ней желтая глина. Не исключено, что это было все же глиняная печь с обкладкой основания камнем. В пользу этого говорит верхний слой желтой глины, но с уверенностью утверждать этого нельзя. При разборке напластований этого отопительного сооружения обнаружены 10 фрагментов лепной посуды и несколько костей животных.

Рис. 9. Очаг (8, VI-32).

После того, как описанный очаг (или печь) пришел в негодность, на нем была сооружена глиняная печь с основанием, выложенным из камней. Последнее имело подовальную форму размерами 1,4 x 0,9 м (рис. 10). Сверху лежал массив обожженной глины размерами 1,8 x 1,2 м и толщиной 10–30 см. В его южной части выявлено множество камней, образующих обкладку печи. После того, как эта печь пришла в негодность, рядом (северная часть кв. VI-32) была сооружена печь-каменка, от которой в раскопе зафиксирован развал в виде разбросанных камней со следами пребывания в огне. При разборке развала собрано свыше десятка фрагментов лепной керамики.

На следующем этапе на руинах каменки была сооружена новая печь, от которой в смежных частях кв. VII-31 и VII-32 до нас дошел крупный массив обожженной глины (рис. 11). Он занимал площадь около 2 x 2 м и имел толщину 10–15 см. Строение этой печи установить невозможно. При его разборке встречено два фрагмента лепной и маловыразительный обломок раннегончарной керамики.

Заключая обзор археологических остатков избороского домостроительства можно подчеркнуть, что для поселения с самого начала его возникновения были характерны жилища, которые в этнографической литературе именуется северновосточнославянскими. Общими

Рис. 10. Под печи, выложенный из плитнякового камня (8, VII-32, VIII-32).

особенностями их являются наземный характер, срубная техника возведения стен, однокамерность при площади 12–16 кв. м (реже более), местоположение отопительного устройства (печи-каменки или глиняной) в одном из углов жилища.

Такие дома достаточно хорошо известны по раскопкам поселений с культурными отложениями, сохраняющими органику. В Старой Ладоге жилища этого типа характерны как для нижних горизонтов слоя, датируемых VIII–IX вв., так и для вышележащих отложений X–XIII вв. (Равдоникас, 1950, с. 5–54; Гроздилов, 1950, с. 140–161; Носов, 1977, с. 10–17). Срубные постройки рубились в обло с чашкой или пазом в нижнем бревне и с выпуском остатка от 15 до 30 см. Средние размеры стен 4–5 м. Материал – сосна, редко ель; толщина бревен 10–35 см. Пазы обычно промазывались глиной. Под бревна нижних венцов нередко клались деревянные подкладки, а под углы срубов – плитняковые камни. Полы настилались из толстых досок шириной 15–28 см, которые помещались на бревенчатые лаги. Концы последних укладывались впритык к бревнам сруба на подкладки из коротких бревен. Они оказывались лишь слегка приподнятыми над грунтом. Печи сооружались насухо из камней – крупных и мелких булыжников и находились в одном из углов. Клались они нередко на опечках размерами

Рис. 11. Разрез глиняной печи (6-8, VII-31, VII-32).

1,2 x 1,5 м – навалах камней в один или несколько слоев, ограниченных горизонтально положенными бревнами.

Жилища этого типа были характерными постройками Новгорода, начиная с самых нижних горизонтов, датируемых X в. (Засурцев, 1963, с. 5–165; Спегальский, 1972, с. 61–89). Для строительства использовались сосновые, реже еловые бревна толщиной 20–30 см. Рубка осуществлялась в обло с выемкой чаши или паза в нижнем бревне. Широко применялись подкладки из обрубков бревен или плах. Пазы между бревнами заполнялись мхом. Полы из досок делались на переводинах-лагах, поднятых на 20–30 см над землей. Печи клались из глины или камня, нередко на столбовых опечках. В X в. доминировали однокамерные постройки.

Аналогичные срубные жилища с деревянными полами и печами-менками в углу исследованы и на Новгородском (Рюриковом) городище в слоях с лепной керамикой второй половины IX – первой половины X в. (Носов, 1990).

Жилые постройки подобного типа широко представлены и на укрепленных поселениях ареала кривичей и словен ильменских. Так, на селище Золотое Колено в среднем течении Мсты, принадлежащем

к культуре новгородских сопок, исследованы три такие постройки размерами 4,4 х 4,4; 4,6 х 5,2 и 3,5 х 4,9 м. В углах их находились остатки печей-каменок (Носов, Конецкий, 1975, с. 28, 29). Следы таких же жилищ с печами-каменками выявлены в напластованиях второй половины I тыс. н.э. на городище Сельцо в Южном Приильменье (Орлов, 1962, с. 43). На поселении того же времени, расположенном на берегу озера Съезжее, к рассматриваемому типу принадлежит одно из двух исследованных здесь жилищ. В углу его находилась печь-каменка. Основу ее образовывали крупные камни, а пространство между ними было заполнено мелкими камнями, образующими под печи (Носов, 1983, с. 31). Такие же жилища доминировали на поселении третьей четверти I тыс. н.э. Юрьевская горка в Удомельском Поозерье. Наряду с ними здесь, по всей вероятности, имелись и постройки каркасно-столбовой конструкции (Исланова, 1997, с. 30–44). Аналогичным было домостроительство на поселениях VIII–IX вв. Георгий и Прость на северо-западном побережье Ильменя (Орлов, Аксенов, 1961, с. 164; Орлов, 1972, с. 131) и многих других, в том числе и на памятниках тушемлинской культуры. Подобные жилые постройки характерны и для Гнездовского селища, где, как и в Изборске, параллельно бытовали глиняные печи и печи-каменки.

Некоторые постройки характеризуемого типа имели внутри углубленные котлованы-подполья. В Изборске они единичны. На Псковском городище такие жилища, по всей вероятности, были распространены в VI–VIII вв. Основу их составляли срубы, поставленные на грунт. Подпрямоугольные котлованы устраивались в средней части построек и имели размеры до 3 х 3,5 м и глубину 0,2–0,6 м. Развалы каменных отопительных сооружений при раскопках обнаруживались на дне котлованов у одной из стенок или в одном из углов (Белецкий, 1979, с. 9–10).

Наземные жилые постройки с неглубокими котлованами зафиксированы в ряде поселений Северо-Запада Восточно-Европейской равнины. В Городце под Лугой раскопками исследовано несколько котлованов таких жилищ площадью от 7 до 20 кв. м и глубиной 0,3–1 м. В углах их, иногда обнаруживались остатки печей-каменок. Датируются дома на основании лепной керамикой второй половины I тыс. н.э. (до X в.). Исследователь памятника Г. С. Лебедев полагал, что это были жилища-полуземлянки (Лебедев, 1977, с. 112–114). Однако, в настоящее время их следует трактовать, как наземные постройки с котлованами внутри.

На селище Прость раскопками исследован котлован размерами 3,9 х 2,8 м при глубине 0,25 м с остатками глиняной печи. На Новгородском городище раскопками выявлено несколько углублений от наземных жилищ рассматриваемого облика. В одном из них, размерами 5,4 х 2,2 м и глубиной 1 м, найдены фрагменты лепной керамики и небольшой клад абасидских диргемов, попавший в грунт в конце 50-х годов IX в. (Носов, 1990, с. 90, 92).

Остатки жилищ того же типа исследовались на поселении Городок на Ловати в культурном слое X в. Это были срубные наземные строения размерами до 8 x 5 м с ямами-подпольями размерами около 1,6 x 1,2 м и глубиной до 1 м. Отопительные устройства (определить печи или очаги не удается) делались из камня и глины (Горюнова, 1983, с. 8–9). Остатки наземных домов с ямными углубления изучались также на селищах Юрьевская горка и Бережок в Удомельском Поозерье (Исланова, 1997, с. 30–44).

Появление и распространение наземных срубных жилищ с деревянными полами (с подпольными ямами или без них) в северо-западном регионе Восточной Европы относится к середине и второй половине I тыс. н. э. (Кузьмин, 1987, с. 23–25). Эти постройки можно считать северновосточнославянским типом, характерным в рассматриваемое и древнерусское время для Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Их начало следует связывать с расселением в середине I тыс. н. э. в лесной полосе Восточно-Европейской равнины средневропейского населения, среди которого наиболее активным (и, вероятно, самым многочисленным) этносом оказались славяне (Седов, 1999а, с. 91–179). В предшествующий период на территории расселения кривичей и словен ильменских подобных срубных строений с печью в углу не было. В раннем железном веке здесь доминировала столбовая или каркасно-столбовая техника домостроения, хотя была известна и срубная. Отапливались жилища исключительно очагами. Истоки северновеликорусского домостроения не следует искать где-то на стороне. Скорее всего, севернорусский тип жилища сложился на месте в лесной местности Восточно-Европейской равнины и учитывал географическую и климатическую специфику региона. Среднеевропейскими переселенцами были привнесена только срубная техника возведения построек и, вероятно, интерьер – местоположение отопительного устройства в одном из углов жилища.

Жилые строения такого же типа – наземные срубные с деревянными полами, нередко с неправильными углублениями-подпольями овальной или подпрямоугольных очертаний – были широко распространены на славянских поселениях раннего средневековья в междуречье Вислы и Эльбы. При раскопках от таких домов обычно фиксируются только углубленные их части и они многочисленны на суковскодзедзицких селищах. В котлованах нередко обнаруживаются развалы камней от отопительных устройств, которые, как можно полагать, находились на полу домов поблизости от углублений. В отдельных случаях были выявлены неразрушенные очаги-кладки из камней в один-два яруса или воронкообразные углубления, заполненные углистым слоем. Наряду с ними зафиксированы и печи-каменки. Постройки такого облика обстоятельно рассмотрены немецким археологом П. Донатом в монографии, посвященной домостроению Средней Европы в VI–XII в. (Donat, 1980).

Выявляемое сходство в домостроительстве кривичско-словенского региона и области балтийских славян, как и некоторые параллели в керамических материалах, не следует рассматривать как свидетельство происхождения кривичей и словен ильменских от балтийских славян. Речь может идти только о принадлежности балтийских славян, кривичей и словен ильменских к единой (лехитской) праславянской диалектно-племенной группировке предшествующего, позднеримского периода (Седов, 1995, с. 46–48, 215–217; 1999а, с. 91–117).

Несколько позднее, чем в кривичско-словенском ареале, жилые постройки рассматриваемого типа появились в юго-восточной Прибалтике. Так, материалы раскопок городища Асоте в Латгалии свидетельствуют, что здесь до IX в. жилища отапливались исключительно очагами. В напластовках IX в. выявлены и очаги, и первые глиняные печи. К сожалению застройка X в. на этом поселении не сохранилась. В XI в. уже доминировали глиняные печи (Шноре, 1961, с. 16–25, 64–75). На поселении Кентескалнс, расположенном в 40 км восточнее Риги, срубные дома с печами-каменками получают широкое бытование начиная с 800 г., до этого жилища отапливались очагами (Стубавс, 1956, с. 186–221; Stubavs, 1976, 60–80 lpp.).

К отдельному типу жилых построек на Изборском городище принадлежат немногочисленные наземные срубные дома с глиняными полами. Такие строения более представлены на раннесредневековых поселениях Эстонии и Латгалии (Седов, 1975, с. 289–290). Так, на городище Рыуге открыты остатки пяти срубных построек с глиняными полами и прослежены еще несколько фрагментов таких полов. Согласно М. Х. Шмидехельму, такие жилища бытовали здесь начиная с VII–VIII вв. Отопительными устройствами были очаги из камней, занимавшие в постройках срединное положение (Шмидехельм, 1959, с. 158–160). Аналогичные постройки характерны и для селища, примыкавшего к Рыугескому городищу (Аун, 1992, с. 27–32). В соседнем кривичском регионе наземные срубные жилища с глиняными полами исследовались на городище Камно, где такие жилища с очагом в середине в VIII–IX вв., по-видимому, были распространенными и единственными постройками (Глазунов, Плоткин, 1978, с. 82–91). На Псковском городище жилища с глиняными полами сосуществовали с постройками других типов. Отапливались они глиняными печами или очагами (Белецкий, 1981, с. 43–46; Седов, 1998, с. 46).

Трудно сказать, являются ли глиняные полы в срубных наземных жилищах этнографическим признаком. Во всяком случае в Изборском крае такие постройки никак не следует считать наследием древнего прибалтийско-финского населения, поскольку, на территории Эстонии и Северной Латвии глиняные полы в срубных наземных домах ранее VII–VIII вв. не были известны. Они появились здесь в то же время, что и в Изборском регионе. Однако, все же можно полагать, что эта особенность в раннесредневековом домостроении Северо-Запада являет-

ся неславянской чертой – очень часто глиняные полы в жилищах сочетаются со срединным положением очага или печи.

Несколько слов следует сказать об истории отопительных устройств Изборского городища. Как известно, в начале средневековой поры печи-каменки получают широкое распространение как на территории славянского расселения, так и за ее пределами. Они представлены и доминируют на поселениях лесостепной зоны Прутско-Днепровского междуречья, в меньшей степени известны на Волыни, в Северном Прикарпатье, Среднем Подунавье и бассейне Эльбы (Раппопорт, 1975, с. 144–146, рис. 48; Donat, 1980, karte 4). Славянские печи-каменки были довольно однотипными. Они складывались из необработанных камней разных размеров и в основаниях имели прямоугольную или подпрямоугольную форму. Их размеры – около 1–1,5 м. Камни клались без связующего раствора, щели между камнями иногда забивались глиной. Поды печей округлые или овальные превышали пол жилищ на несколько сантиметров. Они промазывались глиной или мостились каменными плитами, которые также иногда промазывались глиной. Верхние части печей перекрывались или большими плоскими камнями или сводом из небольших камней. К этому типу принадлежат и изборские печи-каменки. Думается, что не следует искать исходный регион славянских печей-каменок. Они могли возникнуть конвергентно в разных местностях славянского расселения, эволюционируя из поверхностных каменных очагов, бытовавших в предшествующий период. Ухудшение климатической ситуации (похолодание и перенасыщенная влажность), имевшее место в Северной Европе в эпоху Великого переселения народов, заставило славянское население вместо бытовавших ранее очагов из камня сооружать печи-каменки, которые не требовали непрерывной топки – большие массы камня накапливали тепло и постепенно отдавали его жилому помещению. Около VIII–IX в. печи-каменки сменяют очаги и на поселениях прибалтийских регионов, соседних с Изборским краем. В IX–XII вв. на многих латгальских городищах печи-каменки сосуществовали с очагами (Шноре, 1961, с. 64–75; Стубавс, 1959, с. 146; Mugurevičs, 1977).

Глиняные печи в раннесредневековом славянском мире были несколько менее распространены. Они выявлены преимущественно на Волыни и в Прикарпатском регионе (Раппопорт, 1975, рис. 58; Donat, 1980, karta 4). В северо-западной части Восточно-Европейской равнины, как отмечалось выше, глиняные печи в небольшом числе встречены на поселениях второй половины I тыс. н.э. наряду с каменками. Некоторое разнообразие изборских глиняных печей, по всей вероятности, отражает начальный этап формирования их. Такие печи с вымосткой из камней в основании и опоясанные венцом из валунных камней или плитняка ранее мною сопоставлялись с латгальскими и относились к местным (латгальско-рыугским) элементам (Седов, 1985, с. 120–121). Они известны также на городищах Камно и Псковском. На поселении

Рыуге подобных печей нет. В Латгалии они появились по крайней мере на столетие позже, чем в Изборском регионе. Так, на Асотском городище глиняные печи такого типа свойственны только для IX–XIII вв. При этом в IX–X вв. сооружались небольшие печи без свода (Шноре, 1961, с. 64–75). На других поселениях Латгалии и соседних земгальско-куршских земель такие печи появляются еще позднее. Так, в Ерсике и Даугмале они известны с XI в., в Межотне и Тервете характерны для слоев XI–XIII вв. Обычно такие печи на поселениях сосуществуют с печами, сложенными целиком из глины. Достаточно очевидно, что изборские глиняные печи с каменными основаниями по своему происхождению никак не могут быть связаны с местной финской или соседней балтской традициями. По всей вероятности, в Изборске эти печи были результатом творческой деятельности его жителей.

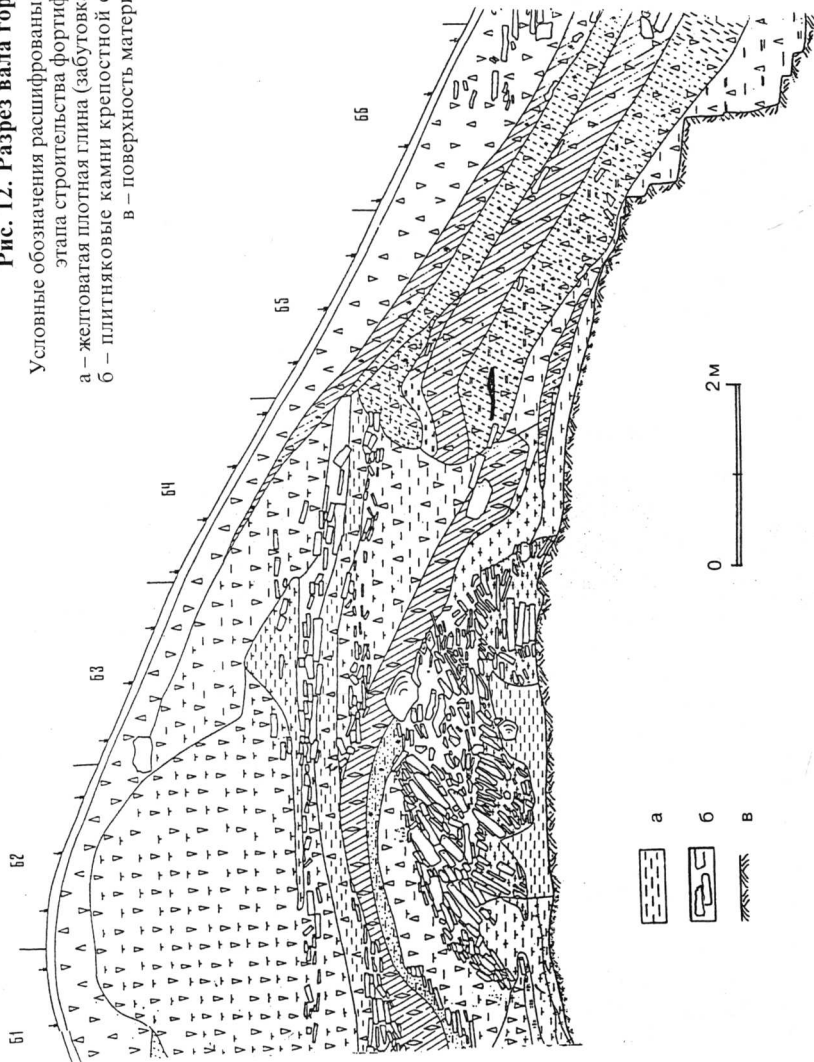
Безусловно местной, субстратной традицией на Изборском городище были очаги. Они безусловно восходят к отопительным сооружениям, широко распространенным на поселениях финноязычного населения раннего железного века. Аналогичные округлые, овальные и подпрямоугольные очаги, обложенными по периметру камнями, исследовались раскопками на многих поселениях прибалтийско-финского населения в Псковско-Ильменском регионе, а в Волго-Окском междуречье на памятниках дьяковской культуры.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Фортификационные сооружения Изборска рассматриваемого времени полностью скрыты под валом, сооруженном в XII–XIII вв. Они выявлены фрагментарно лишь в траншее, которой был прорезан вал. Древнейшим оборонительным устройством, защищавшим первоначальное поселение с южной, напольной стороны, была довольно мощная крепостная стена, сложенная насухо из плитнякового камня. Ее остатки зафиксированы в руинированном виде (рис. 12). Их изучение показало, что почвенный слой на месте строительства был удален. Фортификационное сооружение возведено на плитняковом материке. Оно имело двухстороннюю облицовку из плитняковых кладок, а внутренний промежуток между ними был заполнен плотной глиной серого и желтовато-серого цвета. При этом кладка облицовки, обращенная к югу, была положена непосредственно на материк (ее нижние камни сохранились *in situ*), а северная – на нетолстый слой глины. Ширина основания стены 3,2 м. При ее возведении использовались преимущественно крупные плитняковые камни (их размеры от 0,3 x 0,2 x 0,2 до 0,7 x 0,5 x 0,4 м), но использовались и булыжные. В развале крепостной стены зафиксированы крупные фрагменты кладки из плитнякового камня, лежащие наклонно. Однако, восстановить высоту крепостной стены не удастся. В глине, перекрывающей остатки каменной стены, обнаружены единичные фрагменты лепной керамики. Руины первоначальной

Рис. 12. Разрез вала городища.

Условные обозначения расшифрованы только для первого
этапа строительства фортификации.
а — желтоватая плотная глина (забутовка крепостной стены);
б — плитняковые камни крепостной стены и ее развала;
в — поверхность материка.

чальной крепостной стены были сохранены и по завершении раскопок законсервированы.

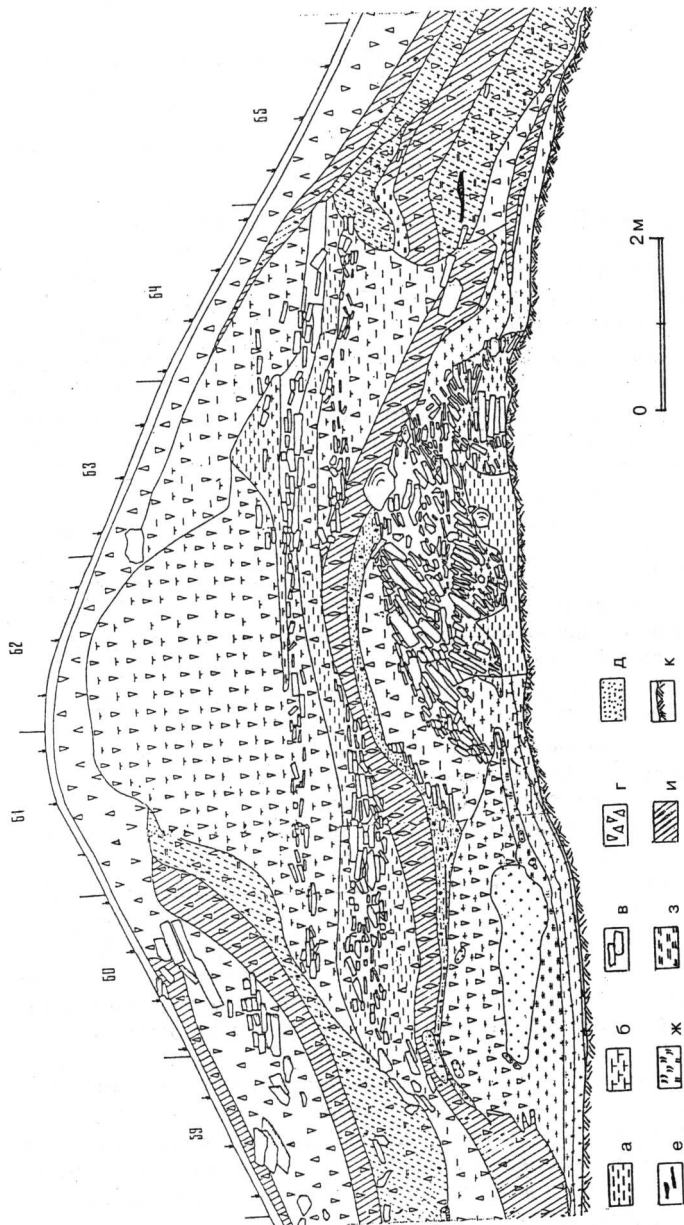
Можно полагать, что при возведении первых фортификационных сооружений с напольной стороны поселения был вырыт и ров. Однако, в дошедшем до нас виде ров претерпел многократные перестройки, он не один раз расширялся и углублялся, поэтому его первоначальный облик реконструировать не представляется возможным.

На следующем этапе был насыпан вал, в который были полностью включены руины первого крепостного сооружения (рис. 13). Сверху и с северной стороны остатков его была насыпан неоднородная (серого, желтого и бурого цветов) глина со щебнем и черно-серыми включениями с углем, образовавшая вал шириной около 9,5 м и высотой до 2 м. Верхняя поверхность вала была уплощенной, что дает основание полагать о возведении на нем новой крепостной стены из плитнякового камня, полностью разрушенной при последующих перестройках. В нижних слоях насыпи вала встречено несколько фрагментов стенок лепных сосудов. К рассматриваемому этапу принадлежит также частокол, поставленный по краю рва. Раскопками в траншее (кв. Д-64, Д-65 и Е-65) исследовано шесть столбовых ямок диаметрами от 0,2 до 0,34 м. Они прорезали прослойку глины, стратиграфически связываемую со вторым этапом возведения крепостных сооружений и уходили в материк на 0,2–0,35 см. По краям одной из ям открыты три плоских камня, лежащие вертикально и очевидно крепившие один из столбиков частокола. В заполнении ям выявлен обугленный древесный тлен, угли и пепел, указывающие на то, что частокол погиб во время пожара. Небольшая прослойка пожарища зафиксирована и над ямками. В ней около одной из ямок найден фрагмент стенки лепного сосуда.

За стеной и частоколом, безусловно, располагался ров, но выявить его облик того времени невозможно.

В юго-западной части городища изучался въезд на поселение. Его строение времени основания городища остается неизвестным, поскольку на втором этапе, здесь были произведены большие строительные-земляные работы. Раскопки показали, что уже основателями Изборска посредством незначительной подрезки материкового грунта по юго-западному краю мыса, на котором находится городище, был устроен плавный спуск с площадки поселения на узкую террасу, идущую вдоль оврага. Этот въезд функционировал немалое время, поскольку здесь отложился темно-коричневый слой толщиной до 10–12 см. При изучении этих напластований встречены фрагменты лепной керамики.

От следующего этапа в раскопе до нас дошли в плохом состоянии две параллельные каменные кладки, обрамлявшие воротный проезд и с противоположных сторон сливавшиеся с валами, состоящими из щебня и плит известнякового камня. При сооружении кладок с лицевой стороны блоки известняка подгонялись так, чтобы поверхность ее была ровной и вертикальной.

Рис. 13. Разрез вала городища.

Условные обозначения расшифрованы только для первых двух периодов возведения фортификации. а — плотная глина забутовки первоначальной крепостной стены, б — слой красной глины (насыпь вала второго этапа); в — плитняковые камни, г — щебень, д — известняк, е — угловатые прослойки, ж — известь, з — обожженная глина, и — темно-серый слой, перекрывающий насыпь вала второго этапа, к — поверхность материка.

С самого начала возведения воротного проезда нижние части характеризующихся кладок на высоту более 1 м были закрыты деревянными конструкциями. На этом уровне в кладках зафиксированы обугленные остатки торцов нетолстых бревен (в южной облицовке их было восемь), расположенных по одной наклонной (в соответствии с наклоном поверхности проезда) линии. Нижние части деревянной конструкции уходили в культурный слой, отложившейся до сооружения описываемого устройства. Вдоль каменной обкладки прослежена канавка шириной 50–55 см, при изучении заполнения которых выявлены плитняковые камни, лежащие по бортам вертикально. Последние плотно держали нижние концы вертикально поставленных стоек. Верхние части стоек крепились каким-то образом с торцевыми бревнами, следы которых были выявлены при изучении каменных кладок. Нижние части облицовочных кладок из камня (до торцевых бревен) были сложены насухо, при сооружении верхних использовался раствор красноватой глины, в ряде мест попеременно с известью.

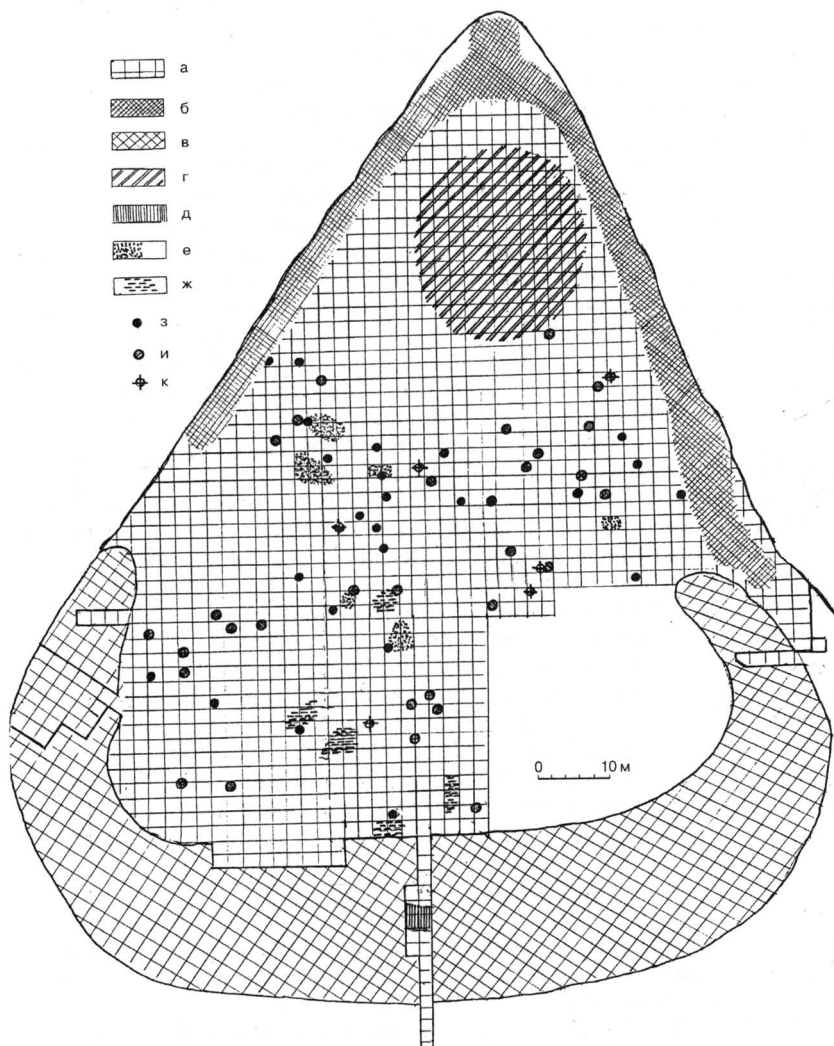
В пределах канавок от деревянной конструкции с двух сторон открыты крупные столбовые ямы. При выборке их заполнения установлено, что в ямах стояли деревянные столбы диаметром около 45 см. Нижние концы их зажимались плитняковыми камнями. По всей вероятности, это были столбы, на которых подвешивались створки ворот.

Длина воротного проезда, судя по каменным облицовкам и деревянным конструкциям, достигала 14 м. Расстояние между воротными столбами равнялось 2,5 м, между обкладками проезда – от 2,3 до 3 м. Воротный проезд был вымощен деревом. Остатки одной из таких обгоревших мостовых исследованы раскопками. Она сооружена была из широких плах (около 30 см), уложенных на продольные лаги. Сохранились фрагментарно не менее 20 плах. Прослежены три ряда лаг, каждый из которых состоял из двух-трех бревен, тесно прижатых друг к другу. Кроме того, на одном из участков выявлено, что концы плах мостовой лежали на толстом бревне, ограничивающем ее в виде бордюра.

ЗАСТРОЙКА ПОСЕЛЕНИЯ

Состояние нижнего культурного слоя не дает возможности дифференцировать выявленные остатки построек и печей по разновременным строительным периодам.

Остатки строительной деятельности изборожен можно распределить только на два этапа. Первый образуют дома и печи, возведенные в самом начале отложения культурного слоя на поселении (рис. 14). В северной, мысовой части его, очевидно, при основании городища была устроена площадь, округлая в плане, диаметром 25–26 м. При этом был использован плитняковый выступ материка, подрезанный таким образом, что образовалась округлая горизонтальная поверхность. Площадь оказалась приподнятой над окружающей поверхностью поселения на

Рис. 14. План застройки поселения первого этапа.

а — сетка квадратов; б — остатки каменной крепостной стены и башни XI–XIII вв., сохранные при раскопках (нижний культурный слой под ними не исследован); в — вал в современном облике; г — площадь; д — остатки фортификации первого этапа; е — следы сгоревших построек; ж — остатки глиняных полов; з — печи-каменки (условно); и — глиняные печи (условно); к — очаги (условно).

30–50 см. Предназначалась она, нужно думать, для племенных собраний, для проведения культовых, языческих празднеств и гаданий. Жилые постройки начального этапа бессистемно располагались между площадью и крепостной стеной. Такая кучная планировка была характерна для славянских поселений второй половины I тыс. н. э.

Оказывается, что уже на начальном этапе функционирования поселения изборяне пользовались разнотипными печами. Одновременно бытовали и глиняные печи и печи-каменки. К этому времени относятся и пять открытых очагов. Среди построек доминировали срубные дома с деревянными полами. Зафиксировано только пять строений, которые с достаточной определенностью имели глинобитные полы. В их числе две постройки не имели отопительных устройств и, по-видимому, были хозяйственными. В двух жилищах с глиняными полами печи были глиняными, в третьем – сложена из камня. Можно отметить, что все постройки с глиняными полами сосредоточены в южной части поселения, хотя и не образуют компактного участка. К сожалению, характер строений с очагами неясен. Очаги выявлены разрозненно на широкой территории.

На следующих этапах застройка городища не претерпела каких-либо изменений. На плане (рис. 15) документированы разновременные постройки и печи, относящиеся ко второму и последующим строительным периодам, поскольку расчленить их на единовременные горизонты не представляется возможным. Теперь единичные жилища располагались и вокруг вечевой площади, но основная масса их концентрировалась южнее. Застройка была такой же кучной и бессистемной.

Как и раньше, доминировали печи-каменки и глиняные. Последние количественно несколько преобладали. Среди печей разбросано выявлено несколько очагов. По-прежнему, господствовали срубные дома с деревянными полами. Построек с глинобитными полами открыто семь, четыре в южной части поселения и три северо-западной. В трех случаях такие дома отапливались глиняными печами, в одном имелась каменка, еще в одном – очаг; два строения отопительных устройств не имели.

КЕРАМИКА

Глиняная посуда – важнейший элемент быта и культуры жителей Изборского городища – представлена преимущественно многочисленными крупными и мелкими фрагментами. На их основе полные формы сосудов восстанавливаются только в относительно немногих случаях. Попытки дифференцировать керамический материал по горизонтам или прослойкам, учитывая формы венчиков сосудов, не дали каких-либо отчетливых результатов.

Вся глиняная посуда рассматриваемого нижнего слоя городища изготовлена без помощи гончарного круга. В качестве примесей к гли-

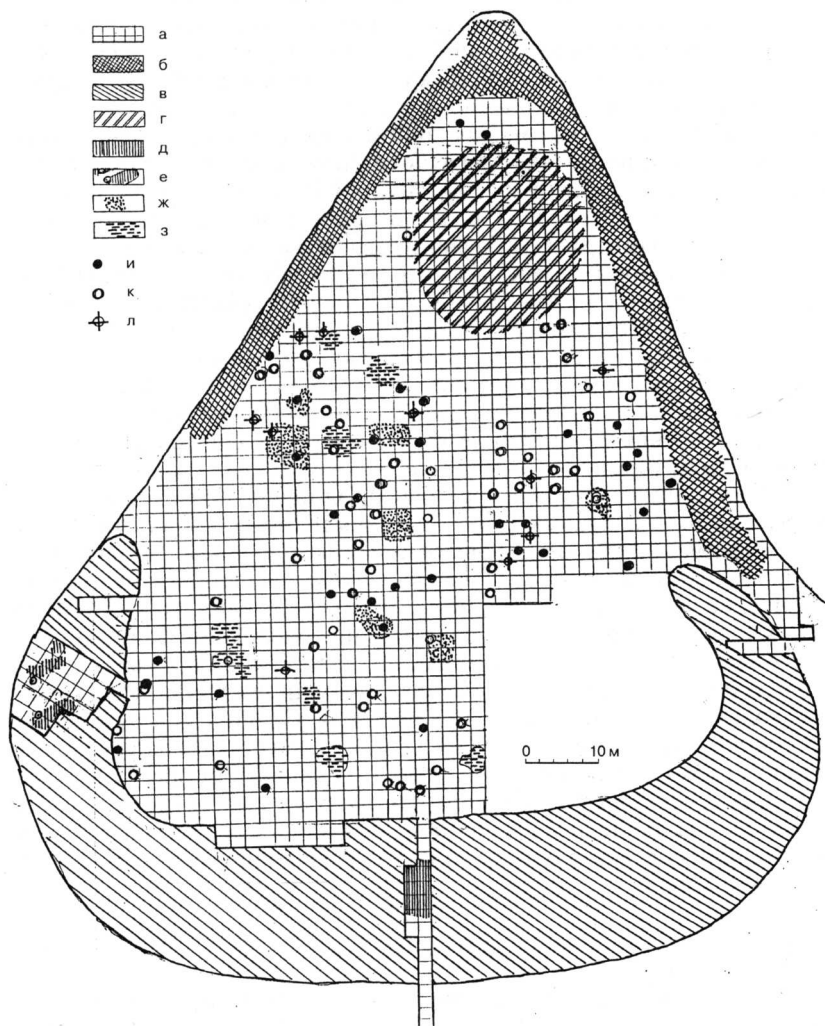

Рис. 15. План застройки поселения второго и следующих этапов (нижний слой).

а – сетка квадратов; б – остатки каменной крепостной стены и башни XI–XIII вв., сохранные при раскопках; в – вал в современном облике; г – площадь; д – остатки фортификации второго этапа; е – остатки воротного проезда; ж – следы сгоревших построек; з – остатки глиняных полов; и – печи-каменки; к – глиняные печи; л – очаги.

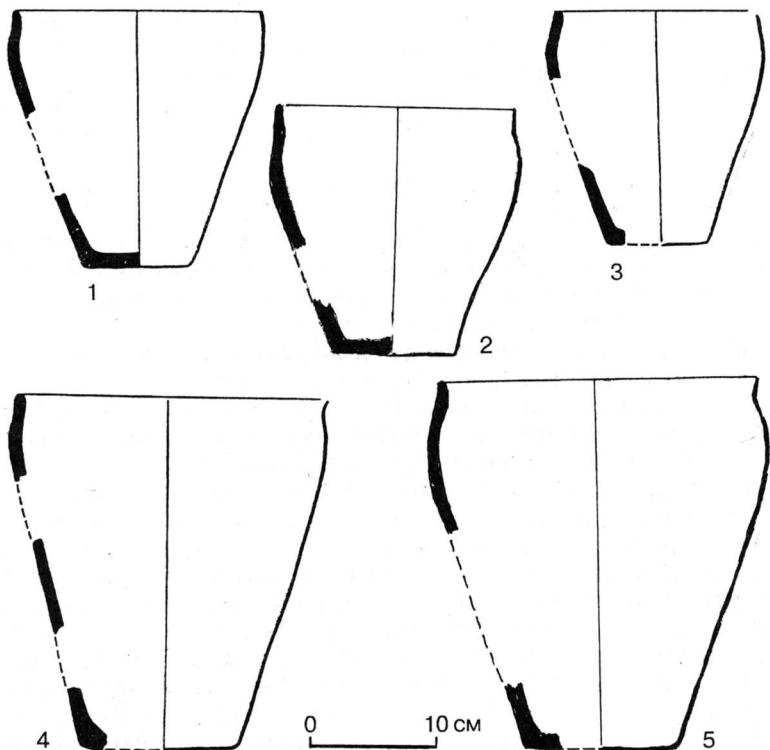
не применялась дресва. Из-за выступающих наружу зерен крупной дресвы поверхность стенок сосудов обычно бугристая. Иногда наружная поверхность сосудов слегка заглаживалась, в таких случаях частицы дресвы видны главным образом в изломе. Отмечено, что тесто отностельно более поздней керамики содержит преимущественно мелкую дресву.

Керамическая коллекция Изборска изучалась мною, некоторые зарисовки выполнялись под моим руководством студентами. Некоторую помощь в обработке керамики оказал С. В. Белецкий, работавший в середине 70-х годов XX в. в составе экспедиции в течение трех полевых сезонов. В настоящее время лепная керамика городища монографически исследуется Н. В. Лопатиным.

Наблюдения за распределением фрагментов глиняной посуды позволяют полагать, что наиболее ранними являются относительно высокие горшкообразные сосуды с более или менее прямым венчиком, слабо выраженными плечиками и усеченноконической нижней частью (рис. 16). Наибольшее расширение этих горшков приходится на верхнюю треть, диаметр дна приблизительно в два раза меньше ширины устья. Высота сосудов – от 16 до 40 см. Толщина стенок колеблется от 0,6 до 1,1 см. Сосуды обожжены относительно слабо, поверхностный цвет их серый или серо-желтый. Орнаментация отсутствует. Какой процент составляла эта посуда в керамической коллекции нижнего слоя Изборска определенно сказать нельзя. По приблизительным подсчетам (материалы 1971–1975 гг.) – около 23% (Седов, 1978, с. 64–66).

Ближайшие аналогии этой керамике обнаруживаются среди глиняной посуды культуры псковских длинных курганов. В частности, это – горшки-урны из курганных погребений могильников в Михайловском на берегу Жижецкого озера на юге Псковской обл. (Станкевич, 1960, с. 122, рис. 84:3; Седов, 1974, с. 54, табл. 19:5), Дорохи в бассейне верхнего течения Ловати (Очерки, 1972, рис. 9), Лоози в Юго-Восточной Эстонии (Седов, 1974, с. 47, табл. 20: 3). Глиняная посуда этого же типа свойственна и поселениям культуры псковских длинных курганов. Она изучалась на селищах Жабино в Усвятском р-не Псковской обл. (Станкевич, 1960, рис.72: 1, 3, 4), Сьезжее в Хвойнинском р-не Новгородской обл. (Носов, 1981, рис. 3: 2, 3) и Юрьевская Горка в Удомельском Поозерье (Исланова, 1997, с. 28, рис. 39: 3–5) и др. Горшкообразные сосуды рассматриваемого типа единично обнаруживаются также среди материалов Псковского городища (Белецкий, 1977, с. 5–6, рис. 3: 14, 16) и грунтового могильника Узмень на юге Псковской обл.

Мне уже приходилось отмечать, что рассматриваемая керамика находит также аналогии среди глиняной посуды тушемлинской керамики, на поселении Шелиги под Плоцком в Польше и далее в материалах суковско-дзедзицкой культуры (Седов, 1995, с. 213; 1999а, с. 123, 124, 134). Можно полагать, что керамика этого облика в лесные обла-

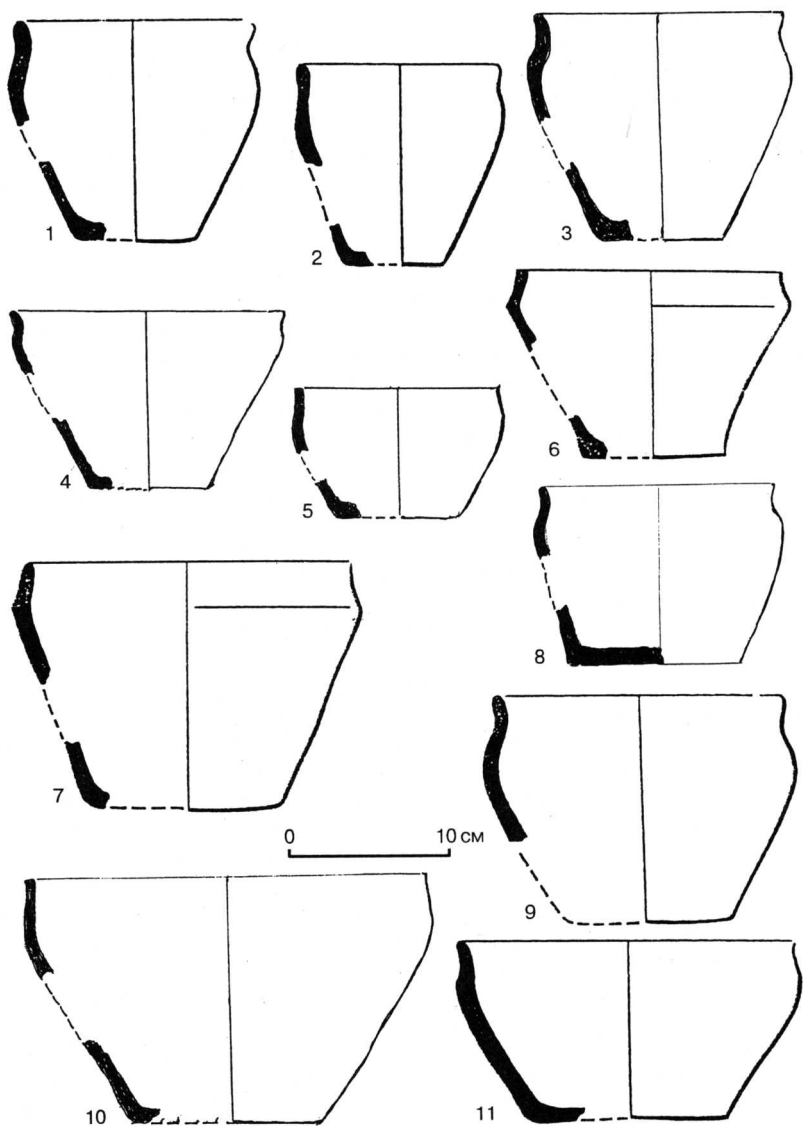

Рис. 16. Глиняная посуда.

1 – 6, В-43; 2 – 5, А-44; 3 – 9, Е-44; 4 – 6, Л-46; 5 – 6, Ж-45.

сти Восточно-Европейской равнины была привнесена еще средневропейскими переселенцами.

Основную же массу лепной керамики составляли горшкообразные сосуды, подразделяющиеся на два вида. Среди них доминируют горшки с плавным профилем, отогнутым наружу венчиком и более или менее выпуклыми плечиками (рис. 17). Высота их колеблется от 12 до 22 см. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть сосудов, диаметр дна в два раза меньше диаметра устья. Тесто этих сосудов идентично более ранней керамике. Наблюдаются и переходные формы, определенно свидетельствующие о прямой эволюционной связи рассматриваемых горшкообразных сосудов с более или менее выпуклыми плечиками с описанной выше керамикой. Абсолютное большинство горшков не орнаментировано. Лишь на единичных фрагментах

Рис. 17. Глиняная посуда.

1 – 5, Г-43; 2, 7, 11 – 5, М-38; 3 – 4, Е-48; 4 – 6, Н-39; 5 – 5, Т-46; 6 – 6, Ж-48; 8 – 5, Л-46; 9 – 5, Ж-48; 10 – 5, Л-46.

отмечен веревочный узор, напоминающий «роменский». По подсчетам материалов раскопок 1971–1975 гг., рассматриваемая керамика составляет около 50% всей коллекции глиняной посуды нижнего слоя Изборска. Впрочем, следует подчеркнуть, что эти данные весьма приблизительны: определить по венчикам сосудов принадлежность их к тому или другому керамическому типу часто невозможно. К рассматриваемому виду лепной керамики принадлежат и миниатюрные горшочки, фрагменты которых в небольшом количестве найдены на Изборском городище.

Рассматриваемый тип изборской керамики имеет многочисленные аналоги в памятниках VIII–X вв. в северо-западной части восточнославянского расселения. Такая керамика широко представлена на поселениях и в курганах. В частности, она в немалом числе обнаружена в нижних горизонтах культурных слоев Псковского и Новгородского городища (Белецкий, 1981, рис. 17, 21; Носов, 1990, с. 133–137, рис. 54–56), Новгорода Великого (Смирнова, 1976, с. 3–10, рис. 2, 3), в меньшей степени в Ладогe (Станкевич, 1951, рис. 5: 8, 9). Подобная глиняная посуда характерна для многих поселений последней четверти I тыс. н. э. Северо-Запада (Орлов, 1972, рис. 3, 4; Носов, Плохов, 1989, с. 36–38, рис. 2; Носов, 1990, с. 178–180, рис. 66, 70; Исланова, 1997, рис. 130–135, 158, 161–163). На некоторых памятниках, в частности на городищах Княжая Гора и Сельцо и селище Губинская Лука, такая посуда доминировала в керамических коллекциях (Плохов, 1992, с. 121). Подобная керамика обычна и для поздних длинных и ранних круглых (с захоронениями по обряду кремации) курганов Псковской земли, встречается она в новгородских сопках, а также характерна для культуры смоленско-полоцких длинных курганов (Седов, 1974, с. 26, табл. 21: 1, 3–8, 10, 11; 22: 3–5; 1982, табл. XVII).

Аналогичная лепная посуда была распространена в последней четверти I тыс. н. э. и в соседних с Изборским краем районах Юго-Восточной Эстонии. Наиболее крупную коллекцию здесь составляет керамика из раскопок городища и селища Рыуге, довольно полно исследованных Х. А. Моора и М. Х. Шмидехельм (Шмидехельм, 1959, с. 162–165; Аун, 1992, с. 41–45). Анализ этих материалов свидетельствует о сходстве основной массы рыугеской посуды с изборской не только по формам, но и по обработке поверхности и составам теста. Думается, что распространение однотипной керамики по всему ареалу культуры псковских длинных курганов отражает, если не этническое единство ее населения, то одностороннюю этническую направленность развития на всей этой территории. За пределами ареала псковских длинных курганов подобная керамика неизвестна. Так, глиняная посуда сравнительно хорошо изученных поселений в окрестностях Алатскиви в Тартуском районе и по формам и по технологии отличается и от изборской, и рыугеской.

Впрочем, керамике Рыуге свойственны маленькие отверстия на шейках сосудов. Такая посуда, как отмечает М. Э. Аун, весьма харак-

терна для Восточной Эстонии. Фрагменты сосудов с такими отверстиями, обычно иных форм, в более или менее значительных количествах обнаружены на многих городищах и селищах Эстонии, в том числе в Отепя, Тарту, Пеэду, Унипихе, Саадъярве, Алт-Лаари, Куйгатси и др. Наиболее западными памятниками с баночными сосудами, имеющими отверстия на шейке, являются поселения Иру под Таллинном, городище Воору в районе Вильянди и селище Тьрва Тантсумяги в Валгаском районе. На северо-востоке подобная керамика с отверстиями на шейке найдена на поселение Пада, крайнем юго-восточным пунктом является селище Вилла на р. Выханду. Глиняную посуду с маленькими отверстиями на шейке М. Э. Аун и предлагает именовать рыугеской (Аун, 1992, с. 43), с чем нельзя не согласиться.

За пределами региона концентрации рыугеской керамики ее фрагменты крайне редки. М. Х. Шмидехельм пишет об единичных находках такой посуды на городищах Камно и Псковском (Шмидехельм, 1959, с. 164). Это отмечает и М. Э. Аун, подчеркивая, что такая керамика абсолютно не типична для памятников Изборско-Псковского региона. Буквально единичные находки аналогичной посуды отмечены в нижнем слое Изборске. В очень небольшом количестве керамика с отверстиями присутствует также в материалах поселений Кентескалнс и Ступелю на территории Латвии (Аун, 1992, с. 45).

Рыугеская керамика с отверстиями несомненно принадлежит к наследию местной культуры раннего железного века. Сосуды с отверстиями на шейках, обычно в сочетаниях с сетчатой поверхностью, нередки на городищах раннего железного века Северо-Запада. В частности, такие находки имеются среди керамических коллекций городища Пеэду Керикмяги в Эстонии и поселения Кивты в Восточной Латвии (Аун, 1992, с. 45). Весьма характерна аналогичная керамика для городища Осыно на юге Псковщины, поселений раннего железа Верхнего Подвинья и Северной Белоруссии (Третьяков, 1976, с. 203–216; Станкевич, 1960, с. 182, табл. XI; Очерки, 1970, с. 214, рис. 76: 24, 26; Седов, 1970а, с. 27). На территориях, освоенных в середине I тыс. н. э. среднеевропейским населением, обычай делать проколы на шейках сосудов исчезает и, очевидно, сохраняется некоторое время в областях, не затронутых миграцией из Средней Европы, в частности в Эстонии, где в раннем средневековье проживали прямые потомки древнего населения. Восточнее бассейна р. Выханду, где рыугеская посуда не имела распространения, прибалтийско-финские обитатели в условиях территориального смешения с пришлым населением включилось в единый этногенетический процесс, отражением которой стало формирование культуры рыугеской керамики псковских длинных курганов.

Еще одним видом изборской лепной посуды была керамика ладожского типа (рис. 18: 1–4). Это преимущественно низкие, приземистые горшки с более или менее выраженным ребром. Наибольшее расширение тулова приходится на ребро, находящееся обычно в верхней

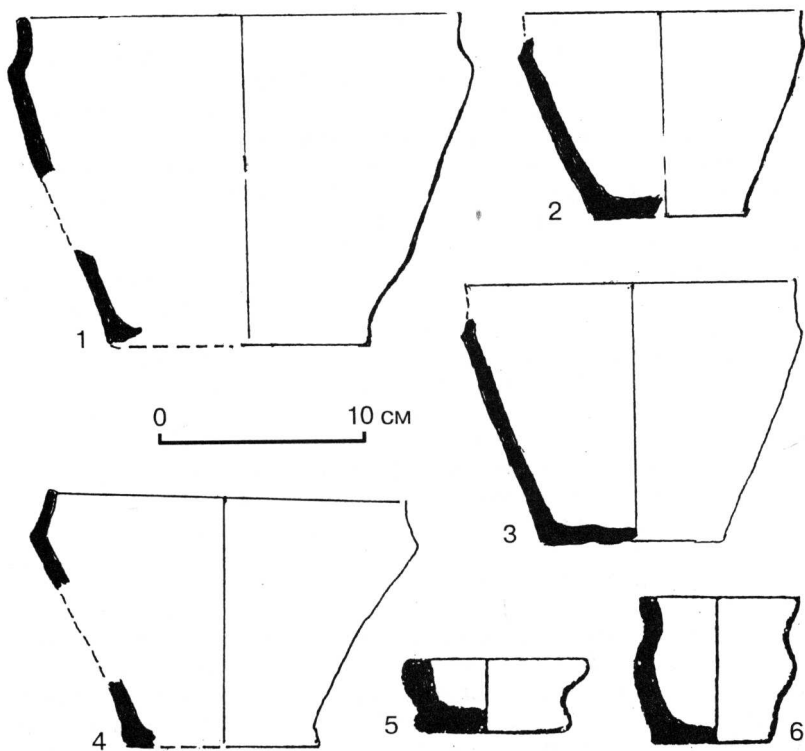

Рис. 18. Глиняная посуда.

1 – 5, Ж-48; 2 – 5, Р-45; 3 – 7, М-38; 4 – 5, Т-46; 5 – 5, В-48; 6 – 5, Е-49.

четверти высоты сосуда. Намечаются два варианта горшков этого вида. Одни из них имеют ребро, образованное изгибом стенок сосуда под углом, у других «ребро» только намечено при помощи отчетливо выделенного плечика. Горшки невелики, их высота – 10–16 см, диаметр устья – 14–20 см. Орнамент отсутствует. На Изборском городище такие сосуды составляют около 12% всей массы лепной керамики.

Керамика ладожского типа представлена во многих памятниках Новгородско-Псковской земли. В частности, она встречается в Пскове, Новгороде, на Новгородском городище, на поселениях Приильменья, в том числе в бассейнах Мсты, Шелони и в верховьях Луги. Весьма характерна эта посуда для нижних горизонтов культурного слоя Ладоги (Станкевич, 1950, с. 189–192, рис. 2: 2, 3; 3:4; Смирнова, 1956, с. 234, рис. 3: 1; Гроздилов, 1964, с. 141–144, рис. 4; Орлов, 1972, с. 133, рис. 5: 1, 2; Горюнова, 1974, рис. 24: 1, 3–8, 10, 11; 22: 3). На некото-

рых памятниках такая керамика является доминирующей. К числу таковых принадлежат Холопий Городок, селище Прость и др. (Носов, 1990, с. 178–180, рис. 66, 70; Плохов, 1992, с. 120–121). Древнейшие ребристые сосуды на Северо-Западе происходят из Ладogi, где они есть уже в самых нижних слоях, относящихся к моментам возникновения поселения, то есть к середине VIII в. Керамика ладожского типа обычна и для новгородских сопок (Седов, 1970а, с. 24, табл. XIII: 1, 2). Наиболее восточным пунктом находок этой посуды, изолированным от основного ареала, является Тимеревское поселение близ Ярославля (Седыx, 1982, с. 116. Тип 5). В единичных экземплярах керамика рассматриваемого облика встречается в Швеции (Selling, 1955, Fig. 1; 63, Taf. 43:4; 44: 1, 2). Высказано предположение, что истоки керамики ладожского типа находятся в глиняной посуде балтийских славян (Смирнова, 1978, с. 167; Седов, 1978, с. 64; 1982, с. 64). Однако вопрос этот нельзя считать решенным.

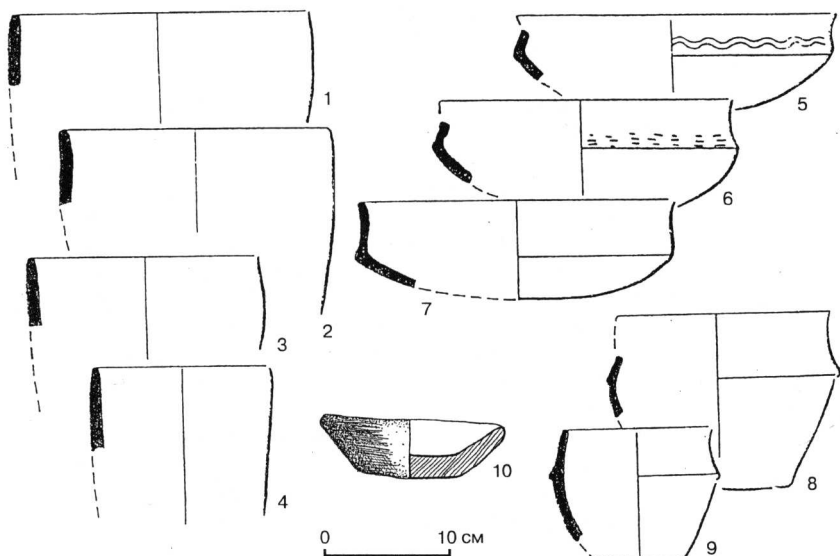
Описанные формы изборской лепной керамики являются наиболее распространенными и весьма характерными для кривичских и словенских памятников второй половины I тыс. н. э. северо-запада Восточно-Европейской равнины. На Изборском городище эта посуда характеризует славянский этнический компонент его населения.

Впрочем, подобной керамикой могли пользоваться и поселившиеся на городище выходцы из местной прибалтийско-финской среды.

Немогочисленными фрагментами представлены в Изборске горшки с горизонтальной каннелюрой по плечу (рис. 19: 8, 9). Такие сосуды как редкие находки встречаются в погребениях длинных курганов псковского типа. Один горшок с каннелюрой происходит из длинного кургана Жеребятино (Александров, 1982, рис. 2: 1). Боченковидный сосуд с каннелюрой найден также в одном из погребений могильника культуры псковских длинных курганов в Арнико в Юго-Восточной Эстонии (Аун, 1992, с. 121, рис. 49). С последним сопоставим сосуд, но большего диаметра, из кургана некрополя Безьва-III.

Фрагментарно представлены в изборской коллекции баночные сосуды (рис. 19: 1–4). Они имеют прямой венчик и почти отвесные стенки, лишь некоторые из них несколько суживаются к днущу. Тесто, обжиг и формовка их в целом идентична вышеописанной посуде. Можно отметить только, что тесто некоторых из баночных горшков отличается более крупной дресвой и более слабым обжигом. Составить полные формы этой керамики затруднительно, поэтому говорить о размерах сосудов нельзя.

Сходные баночные сосуды известны на многих памятниках Северо-Запада. Аналогичная керамика в сравнительно небольшом количестве есть на городище Камно (Белецкий, 1977, с. 92–93, рис. 1), на поселении Приильменья (Носов, 1990, с. 181) и Удомельского Поозерья (Исланова, 1997, с. 23–24). Имеется баночная посуда и в Старой Ладогe (Станкевич, 1950, с. 189–190, рис. 2: 1; 1951, с. 220–221, рис. 1), в

Рис. 19. Глиняная посуда

(рисунки С. В. Белецкого беспаспортные, кроме 10 – 6, VIII-35).

древнейшем комплексе Городца под Лугой (Лебедев, 1973, с. 75, 220, 221, рис. 1), а также среди керамики культуры псковских длинных курганов (Седов, 1974, с. 26, табл. 19: 4, 6; 22: 11). Сосуды баночной формы, иногда со слабо выраженной шейкой, были распространены и в регионе рыгуской керамики, где на многих памятниках они являются господствующей формой посуды (Аун, 1992, с. 41, рис. 17: 1–6).

Баночная форма глиняной посуды была весьма распространена среди прибалтийско-финского населения раннего железного века. Довольно много такой посуды выявлено в культурных напластованиях первой половины I тыс. н. э. на городищах Подгай и Курово, исследованных Я. В. Станкевич в бассейне верхнего течения Западной Двины (Станкевич, 1960, с. 44, 57, рис. 36: 4–7; 37: 1–2). Этой керамике аналогична и глиняная посуда из нижнего слоя упомянутого выше селища Иру на территории Эстонии, где поверхности таких сосудов покрыта сеткой (Vassar, 1939, joon. 42: 1, 3; 54: 3; Mooga, 1955, lk. 70, joon. 20: 1), посуда поселения Асва на острове Сааремаа, где некоторые горшки украшены штриховкой (Indreko, 1939, joon. 13: 4; 15). Баночная форма была одним из распространенных видов керамики и на поселениях раннего железного века Удомельского Поозерья (Исланова, 1997, с. 10, рис. 7; 15: 1–4).

Вполне допустимо предположение, что баночная форма керамики в Изборске, составляющая менее 9% керамического материала нижнего слоя, является наследием быта местного прибалтийско-финского населения. Впрочем, в раннем железном веке баночная посуда была свойственна не только финноязычным племенам Восточной Европы. Она обычна и для части балтского населения.

Среди керамической коллекции Изборского городища имеются еще фрагменты лепных сосудов более тонкостенных (толщина стенок колеблется в пределах 5–8 мм) и тщательно выделанных. Цвет их темно-серый или красноватый. В качестве отощителя к глине примешивались мелкая дресва и песок. Несколько фрагментов такой керамики, скорей всего, принадлежали ребристым мискам. Большинство же их являются обломками низких круглодонных чашевидных сосудов с подлощенной поверхностью (рис. 19: 5–7). Они имеют чуть выгнутый наружу венчик и ребро или изгиб примерно посередине их высоты. Поверхность их подлощена. Диаметр устья около 20–25 см, высота – менее трети диаметра. На двух изборских фрагментах таких сосудов имеется нарезной орнамент.

Единичными фрагментами представлены в Изборске чаши с подлощенной поверхностью. Больше их, кажется, найдено на городище Камно (Белецкий, 1977, с. 93, рис. 2: 3, 4). Одна подлощенная чаша происходит из Новгородского городища. К древнейшему горизонту (Е-3) напластований относится сосуд такого же типа в Старой Ладоге (Станкевич, 1950, с. 193). Изредка аналогичные сосуды встречаются и на эстонских поселениях, где датируются последними веками I тыс. н. э. (Моога, 1955, lk. 61, joon 17: 1, 2; Шмидехельм, 1959, с. 164–165, табл. IV: 1, 2; Аун, 1992, с. 49, табл. XII: 3–5). Круглодонные чаши есть еще в Белоозере, где датируются X – началом XI вв. (Голубева, 1973, с. 145, рис. 53).

Среди фрагментов глиняной посуды выявляются также сковородки. Один фрагмент является частью жаровни.

ОРУДИЯ ТРУДА И ПРЕДМЕТЫ ОБИХОДА

Железные изделия из нижних напластований Изборского городища весьма многочисленны. Правда, многие из них дошли до нас фрагментарно или в сильно коррозированном облике и не поддаются определению.

Наиболее многочисленную группу составляют ножи (рис. 20). Всего в характеризуемых напластованиях обнаружено около 300 ножей, преимущественно представленных фрагментами. Но встречено и немало целых ножей. Преобладают клинки с плавным переходом от спинки к черешку, но в большей степени сохранились ножи с черешками, отделенными от клинков с прямыми спинками резкими уступами. Имеются находки с костяными рукоятками, в том числе украшен-

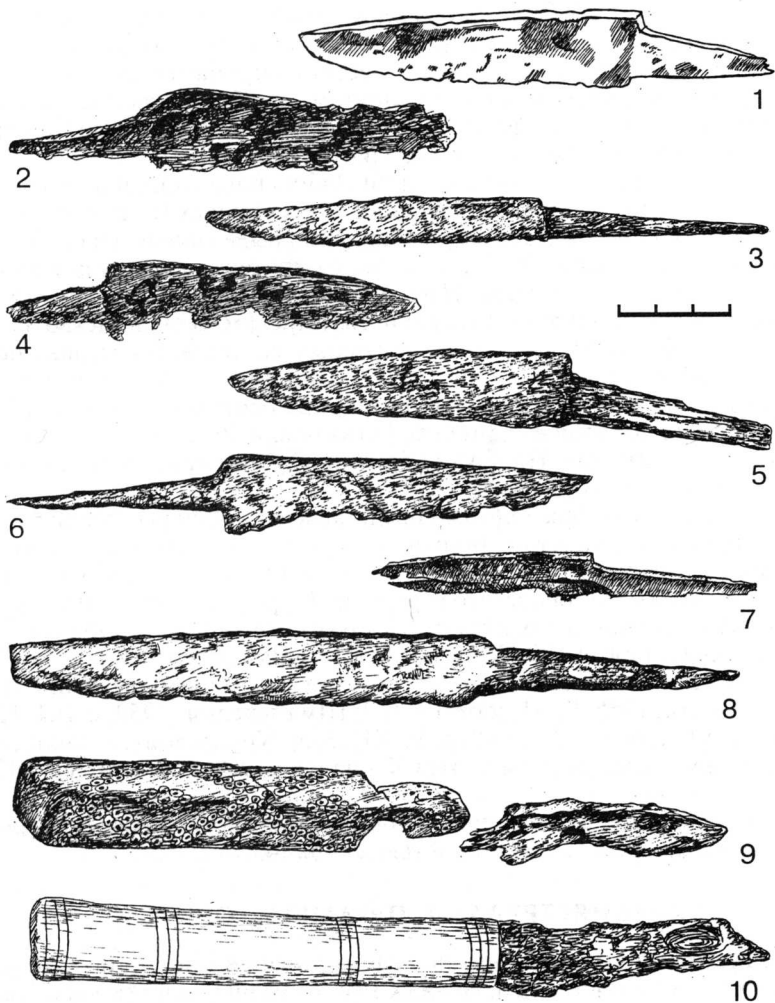
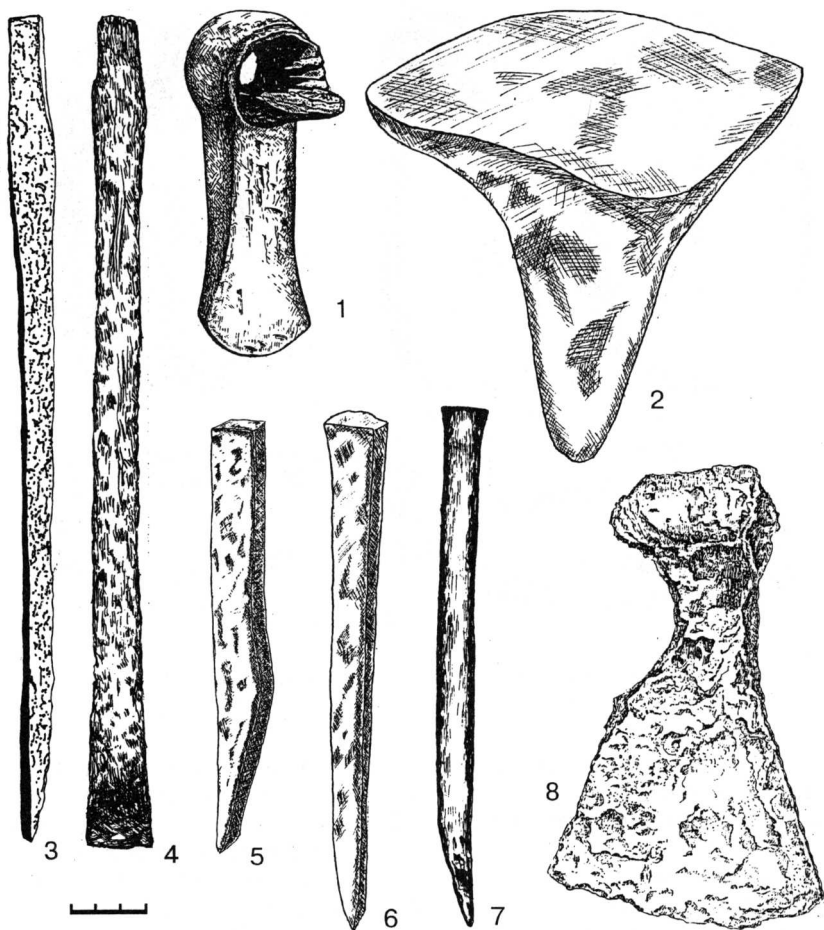

Рис. 20. Железные ножи.

1 – 5, П-50; 2 – 5, I-38; 3 – 6, XII-23; 4 – 5, I-39; 5 – 6, I-39; 6 – 7, V-37; 7 – 5, VI-10; 8 – 5, V-34; 9 – 5, Ж-55; 10 – 6, Т-54.

ных поперечными линиями или циркульным узором. Размеры клинков ножей колеблются от 5 до 12 см, более длинные ножи единичны. Ножи, аналогичные изборским, широко представлены во многих синхронных памятниках Северо-Запада, в том числе в материалах поселений юго-западного побережья Псковского озера (Аун, 1992, с. 52, 53, 123,

Рис. 21. Кузнечный и деревообрабатывающий инструментарий.

1 – 7, 3-38; 2 – 5, О-44; 3, 4 – 5, XII-22; 5 – 5, VII-36; 6 – 7, Б-55; 7 – 6, Т-56;
8 – 5, Д-45.

табл. XIII–XV). Несколькими экземплярами в Изборске представлены железные шилья самого обычного облика.

Собрана интересная коллекция железных предметов, свидетельствующих о развитии ремесленной деятельности изборожан. В ее состав входит, прежде всего, кузнечная наковальня с подчетыреугольной рабочей площадкой размерами около 8,5 x 8 см и коническим низом (рис. 21: 2). Железоделательное и железообрабатывающее ремесла,

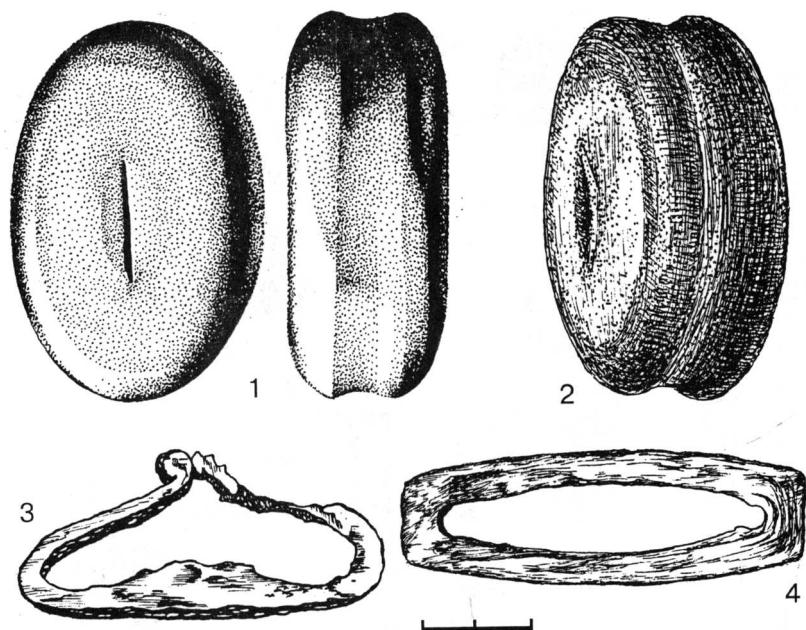

Рис. 22. Блоковидные, калачевидное и овальное кресала.

1, 2 - 3, Д-38; 3 - 5, Б-39; 4 - 5, V-40.

очевидно, были вынесены за пределы плотно застроенного поселения. Этим, видимо, и объясняется отсутствие в Изборске другого кузнечно-инструментария. Впрочем, среди фрагментарных находок имеются такие, которые предположительно можно трактовать как обломки зубила. В нижнем слое Изборска встречено несколько железных криц и кусков болотной руды. Остатки сооружения, связанного с первичной обработкой железной болотной руды выявлены были на Словенском поле, сразу за оврагом, расчлняющем его и городище (Гроздилов, 1965, с. 71-72).

Деревообрабатывающий инструментарий в Изборске рассматриваемого периода представлен железными топорами, теслом, долотами и стамеской (рис. 21: 1, 3-8). Топоры (некоторые из них могли быть боевыми) имели массивное, широко опущенное лезвие с выемкой с внутренней стороны и обух несколько расширяющейся кверху (с внутренним выступом или чаще без него). Широколезвийные топоры в Северной Европе развились из узколезвийных на рубеже вендельского и викингского периодов. Аналогичные с изборскими топорами имеются в древностях последних веков I тыс. н. э. Швеции (Arbman, 1940,

Taf. 14), Финляндии (Kivikoski, 1973, №№ 874–881) и Юго-Восточного Приладожья.

Проушное тесло представлено в нижнем слое Изборска единственным экземпляром.

Все долота Изборска цельножелезные обычного типа, они различаются лишь размерами. Аналогичное долото встречено в одном из длинных курганов Смоленщины (Седов, 1974, с. 33, табл. 27: 19). Такие же долота широко представлены и в памятниках Древней Руси.

Из бытовых изделий нельзя не назвать кресала. Наиболее ранними являются четыре блоковидных кресала из камня (рис. 22: 1, 2), которые охватывались железным обручем с ушком для подвешивания (обручи не сохранились). Такие предметы в землях, прилегающих к Балтийскому морю, бытовали в первой половине и середине I тыс. н. э. Согласно А. М. Тальгрену, блоковидные кресала возникли где-то в области Вислы примерно в начале нашей эры и между 300 и 500 гг. получили широкое бытование (Tallgren, 1922, S. 114–115). В Восточной Прибалтике, как показал Х. А. Моора, они относятся в основном к VI–VII вв. (Moora, 1938, S. 572). На территории Латвии в составе кладов они датируются V–VI вв., но единично встречаются и позднее (Urtans, 1977, 58–59 lpp). В Финляндии наиболее поздние находки определяются временем около 700 г. (Kivikoski, 1973, №№ 186–189). Такие же блоковидные кресала обнаружены в захоронениях культуры псковских длинных курганов V–VII вв. (Седов, 1974, с. 33–34, табл. 28: 15; Аун, 1992, с. 125, табл. L: 1; LV: 2). Подобные находки из Пскова и Новгородского городища исследователи относят к X в. (Носов, 1990, с. 78–79, рис. 33: 6). По всей вероятности, они являются предметами вторичного использования.

В Изборске найдено еще два железных пластинчатых кресала, одно из которых имеет пластину с параллельными краями, другое расширяется книзу (рис. 23). Такие кресала имели широкое распространение среди населения провинциально-римских культурах Средней Европы, в частности обильно представлены в материалах пшеворской культуры. Им посвящена интересная статья А. Коковского (Kokowski, 1985, s. 109–128). В условиях краха провинциально-римских культур в Средней Европе пластинчатые кресала в V в. полностью выходят из упот-

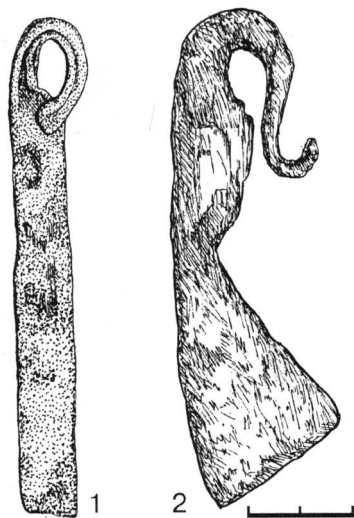
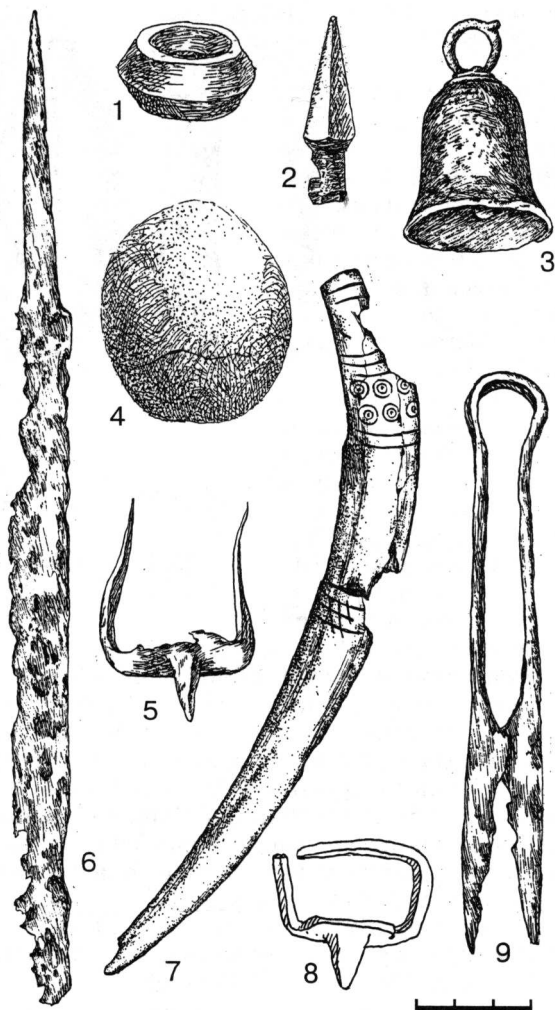

Рис. 23. Пластинчатые кресала.
1 – 7, III-36; 2 – 8, IV-36.

Рис. 24. Различные находки.

1 – 5, 3-33; 2 – 7, X-55; 3 – 5, И-30; 4 – 5, VII-31; 5 – 5, Д-47; 6 – 6, Ф-36; 7 – 9, М-48;
8 – 7, Э-51; 9 – 5, Щ-48.

ребления и тогда же появляются в лесной полосе Восточноевропейской равнины, являясь одним из маркеров миграции в эти земли средневропейского населения (Седов, 1999а, с. 101–103). В новом регионе эти кресала бытовали в V–VII вв. (может быть, в V–VIII вв.). На окра-

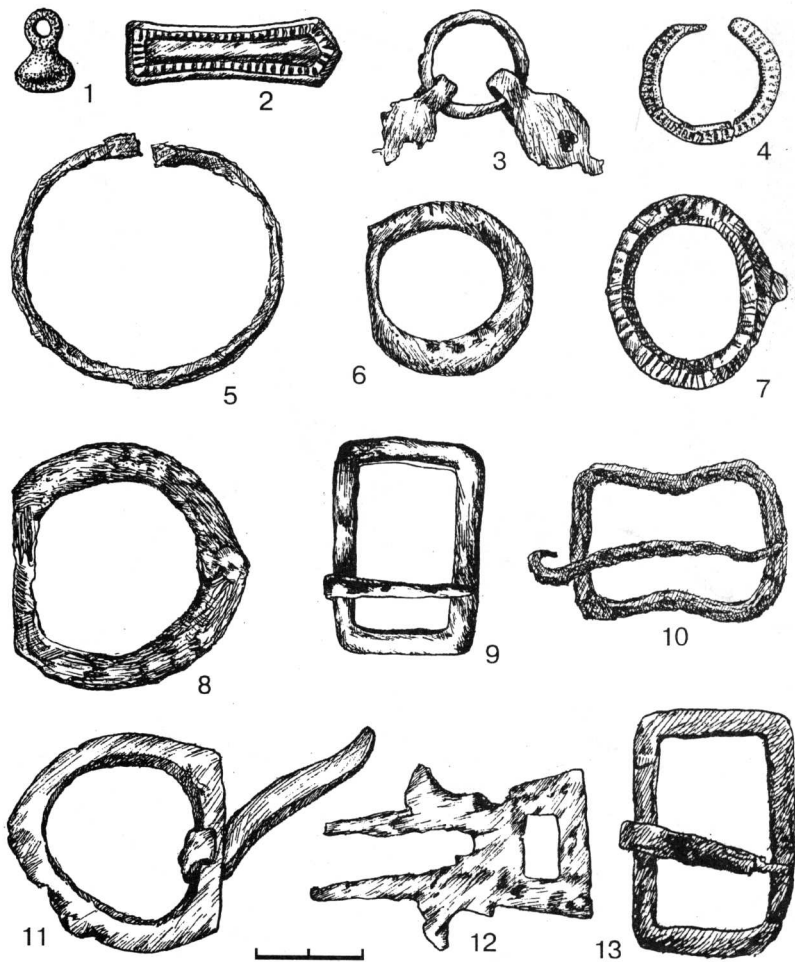

Рис. 25. Металлические принадлежности одежды.

1 – пуговица; 2 – поясная бляшка; 3 – поясное кольцо; 4–13 – пряжки.

1, 2, 4, 6, 7 – бронза; 3, 5, 8–13 – железо.

1 – 5, 3-35; 2 – 7, Н-49; 3 – 6, Ю-50; 4 – 5, Ц-34; 5 – 4, Л-25; 6 – 5, Ц-45; 7 – 6, 3-51;
8 – 5, I-41; 9 – 4, Г-38; 10 – 5, 6-27; 11 – 7, Э-53; 12 – 10, Э-49; 13 – 5, Д-27.

инах ареала средневропейской миграции, в финском мире они стали исходной формой видоизмененных пластинчатых кресал, доживших до X–XII вв. (Голубева, 1965, с. 254–269; Кочкуркина, 1989, с. 268). Изборские кресала идентичны пшеворским и распространившимся в

Рис. 26. Сельскохозяйственные железные орудия труда.

1 – сошник; 2, 3, 5, 7 – серпы; 4 – мотыга; 6, 8 – косы.
 1 – 4, Ш-45; 2 – 5, V-7; 3 – 5, С-51; 4 – 5, О-47; 5 – 5, VII-36; 6 – 6, Г-42; 7 – 5, А-47;
 8 – 7, Б-55.

лесной полосе Восточно-Европейской равнины, ближайшей аналогией изборскому кресалу, расширяющемуся книзу, является находка на селнице Жабино (Станкевич, 1960, с. 263, рис. 76: 5) – памятнике культуры псковских длинных курганов.

Наиболее поздними в нижнем слое Изборска являются три калачевидных язычковых кресала и три овальных с прямыми боковыми сторонами (рис. 22: 3, 4), представленные еще и несколькими фрагментами. В Северной Европе кресала таких форм появляются еще в довикингское время и широко бытовали в эпоху викингов (Kivikoski, 1973, №№ 641, 642).

Из прочего бытового инвентаря в изборской вещевой коллекции из нижнего слоя имеются двое железных пружинных ножниц, сохранившихся целостно (рис. 24: 9), и несколько, дошедших фрагментарно, а также железные иглы. Найдено несколько поясных пряжек (рис. 25: 5, 8–13). Две из них имеют прямоугольные рамки. Двумя экземплярами представлены и удлинненно-четырёхугольные пряжки с закругленными углами и вогнутыми внутрь боковыми сторонами. Пряжки названных типов имеют прямые аналогии в культуре длинных курганов (Седов, 1974, с. 31, табл. 24: 6, 10, 11, 14, 15, 17, 20, 21, 24, 25). Впрочем, такие пряжки распространены были в рассматриваемое время довольно широко. Еще две изборских пряжки имеют плоские полукруглые рамки и прямую заднюю часть (рис. 25: 8, 11). Одна железная застежка принадлежит к подковообразным с завернутыми в спираль концами (рис. 25: 5). Среди фрагментарных пряжек одна имеет оригинальную трапециевидную форму (рис. 25: 12). Железных колец, целых и в обломках, некоторые из которых были поясными, найдено более двух десятков. На одном из колец сохранились пластины с заклепками, с помощью которых оно скрепляло ремни (рис. 25: 3).

Инструментарий сельскохозяйственного труда в изборской коллекции представлен наконечниками пахотных орудий – сошниками, мотыгами, серпами и косами. Найдены целый сошник (рис. 26: 1) и фрагменты двух других. Все они принадлежат к группе III по классификации Ю. А. Краснова (Краснов, 1987, с. 29, 30). Изборский наконечник имеет длину 20 см и ширину втулки около 6 см. В Ладоге один из аналогичных сошников найден в слоях горизонта E-3, датируемых от середины VIII до второй четверти IX в., второй – в слое конца IX – начала X в. (Миролюбов, 1972, с. 120–121, рис. 3: 4). Два подобных наконечника пахотных орудий находились в составеклада хозяйственных орудий, обнаруженного на Холопьем Городке под Новгородом (Носов, 1990, с. 181, рис. 68). Сошники той же группы встречены в курганах Тимеревского могильника и Большой Бремболы в Суздальском ополье, в Новгороде они есть в слоях X–XI вв. В викингское время они бытовали и в Финляндии (Kivikoski, 1973, № 988). В Юго-Восточной Прибалтике сошники той же группы распространяются в XI–XII вв. (Urtans, 1977, 48–49 lpp.; 111: 5, 6; 123: 1, 2 att.). Такие наконечники предназначались для однозубых пахотных орудий, которые были наиболее удобны при возделывании участков, освобождаемых от леса.

Железные проушные мотыги аналогичные изборским (рис. 26: 4), судя по материалам латвийских кладов, были в употреблении в При-

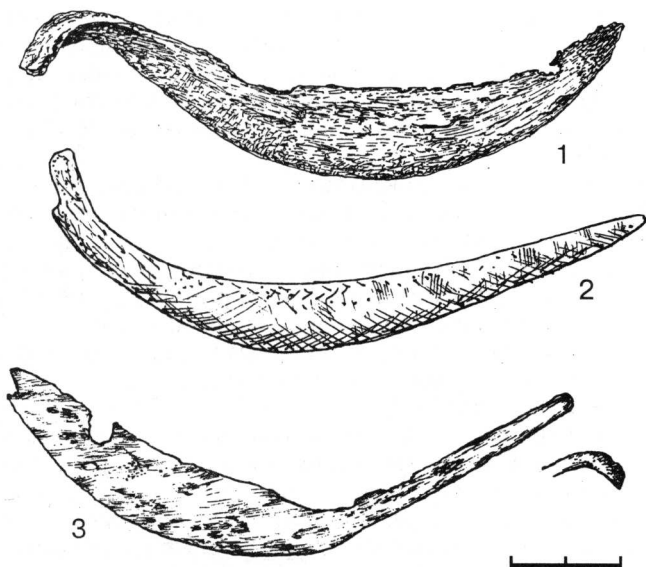

Рис. 27. Серпы железные.

1 – 4, А-44; 2 – 6, Г-42; 3 – 5, Н-33.

балтийском регионе с середины I тыс. н.э. (Mooga, 1938, S. 529–531; Urtans, 1977, 49 lpp., 52: 25; 113: 1 att.).

Серпы и косы в нижнем слое Изборска представлены преимущественно фрагментами. Наиболее сохранившимися являются три небольших серпа (рис. 27), иногда именуемые серповидными орудиями или ножами и имеющие широкие параллели среди материалов раннего железного века лесной зоны Восточноевропейской равнины (Станкевич, 1960, с. 75, 113, 278, рис. 56; 69: 1, 2; табл. LXII: 1; Минасян, 1978, с. 76–79; Розенфельдт, 1982, с. 148–149, рис. 38). Около рубежа VI–VII вв., по Р. С. Минасяну, они вытесняются серпами более совершенных типов.

Остальные изборские серпы (рис. 26: 2, 3, 5, 7) принадлежат к типам, характерным для раннесредневековой эпохи Восточной Европы. Они имеют изогнутые клинки и отогнутые черешки рукояток. Появляются такие инструменты в лесной зоне, по всей вероятности, в процессе ее освоения среднеевропейским населением в середине I тыс. н.э. (Седов, 1999а, с. 110–111, рис. 22) и широко представлены в памятниках второй половины I тыс. н.э.

Косы-горбуши представлены в Изборске крупными и мелкими фрагментами (рис. 26: 6, 8), которых насчитывается не менее полутора десятка. Такие сельскохозяйственные орудия во второй половине

1 тыс. н. э. были довольно широко распространены в лесной зоне Восточной Европы (Розенфельдт, 1982, с. 149; Носов, 1990, с. 181, рис. 68; Аун, 1992, с. 125, табл. L: 7) и близки к древнерусским.

ПРЕДМЕТЫ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

Древнейшими металлическими находками на Изборском городище являются бронзовые булавки. Самой ранней является булавка с головкой, из двух утолщений и ромбовидного ушка сверху (рис. 28: 3). Согласно Х. А. Моора, это – типично мазурская форма булавок позднеримского периода (Mooga, 1938, S. 212, Abb. 25: 1). Римским временем датируются подобные изделия и другими археологами (Gaerte, 1929, S. 225, Abb. 171: i, j; Kivikoski, 1973, Abb. 184; Okulicz, 1973, rys. 193; Michelbertas, 1986, p. 128–129; 43: 7 pav.).

Другая изборская булавка принадлежит к хорошо известным в Прибалтике украшениям с расширяющейся трубчатой (раструбовидной) головкой. Расширяющее ушко находится между головкой и острием (рис. 28: 1). Булавки с профилированными конусообразными головками получили распространение в начале эпохи средневековья на территории Северной Литвы и в соседней области земгалов в Латвии, есть они и на среднем Немане. К V в. относятся железные булавки, в VI–VII вв. широко распространяются бронзовые (Atlasas, 1978, p. 78–79, zem. 45: 1, 2; LA, 160 lpp., tab. 30: 2; 41: 17; Urtans, 1977, att. 52: 1). Позднее они выходят из употребления.

В нижнем слое Изборска найдена еще булавка с плоской треугольной головкой, орнаментированной штамповым узором из треугольников и кружков (рис. 28: 2). Аналогичные изделия были весьма характерны для жемайтов и земгалов в V–VIII вв. (LLM, 1958, 335 il.; LA, 160 lpp., lent 41: 2; Tautavičius, 1996, p. 230, 109: 3; Urtans, 1977, att. 56: 4, 5). Булавка с треугольной головкой из Плавниекалнса датируется около 500 г. н. э. Этим временем А. М. Гальгрэн определял время таких же находок из Ляяне-Нигула Киримяя в Эстонии (Tallgren, 1925, S. 6, Abb. 10, 12).

Жемайтско-земгальское начало имеет и две изборские бронзовые булавки с треугольными навершиями, завершающимися грибовидными головками (рис. 28: 4, 6). В памятниках земгалов и жемайтов они датируются V–IX вв. (Schmiedechelm, 1930, S. 2–13; LLM, ill. 459; LA, 160 lpp., tav. 40:10; 41:3). Оттуда они около VII в. распространились на территорию Эстонии, а оттуда в Финляндию, где в несколько видоизмененном виде дожили до первых веков II тыс. н. э. (Selirand, 1974, lk. 145, tahv. XXIX: 4; Kivikoski, 1973, 441, 448). Изборским находкам близки булавки из городища Рыуге, где они датированы VII–VIII вв. (Шмидехельм, 1959, с. 170; Аун, 1992, с. 65, табл. IX: 2; XXVIII: 3, 4). К тому виду принадлежит булавка, найденная в Новгороде в слоях конца X в. (Седова, 1981, с. 73, рис. 25: 3).

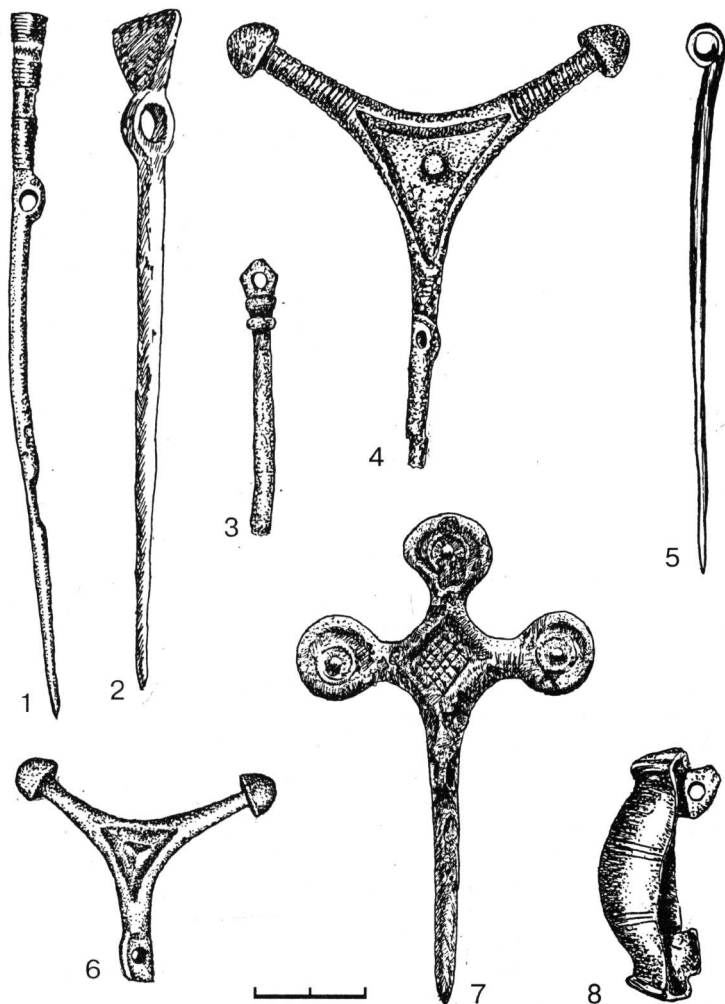

Рис. 28. Булавки бронзовые и равноплечная фибула.

1 – 5, О-27; 2 – 6, Л-21; 3 – 2, П-35; 4 – 5, Н-27; 5 – 7, ХІХ-27; 6 – 5, 3-26;
7 – зачистка материка, ХVІ-27; 8 – 4, П-41.

В характеризуемых напластованиях Изборского городища обнаружена еще булавка с крестовидной головкой (рис. 28: 7). Такие украшения первоначально получили бытование в земгальско-жемайтской области, где датируются в основном VII–IX вв., но появляются уже в V в.

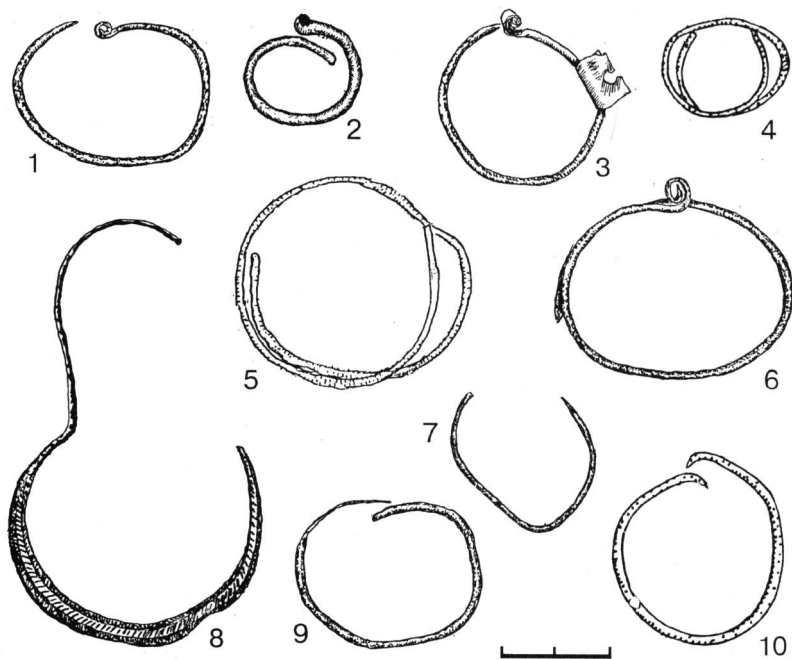

Рис. 29. Височные кольца.

1 – 10, Э-49; 2 – 8, Б-55; 3 – 6, Ш-54; 4 – 6, В-40; 5 – 6, Ж-44; 6 – 4, VIII-25;
7 – 5, XII-25; 8 – 5, Н-40; 9 – 7, Ж-56; 10 – 6, Б-40.

(Šnore, 1930, с. 74; Moora, 1938, S. 214; LLM, ill. 478–482; Atlases, 1978, p. 83, zem. 49: 1; LA, 160, Таб. 42: 1, 10; 48; 52; 57). Эта форма булавок была позаимствована эстами и получила у них дальнейшее развитие (Selirand, 1974, lk. 145, lisa 7: XXIV: 2). Изборская находка имеет в сердцевине головки ромбик, заштрихованный крестообразно. Ближайшие аналогии ей находят в Жемайтии.

В нижнем слое Изборска найдены еще две булавки, одна из которых имеет расплюснутую и завернутую в колечко головку (рис. 28: 5), другая завершается прямоугольным отростком с отверстием. Из-за отсутствия головок тип фрагментарных булавок определить не удастся.

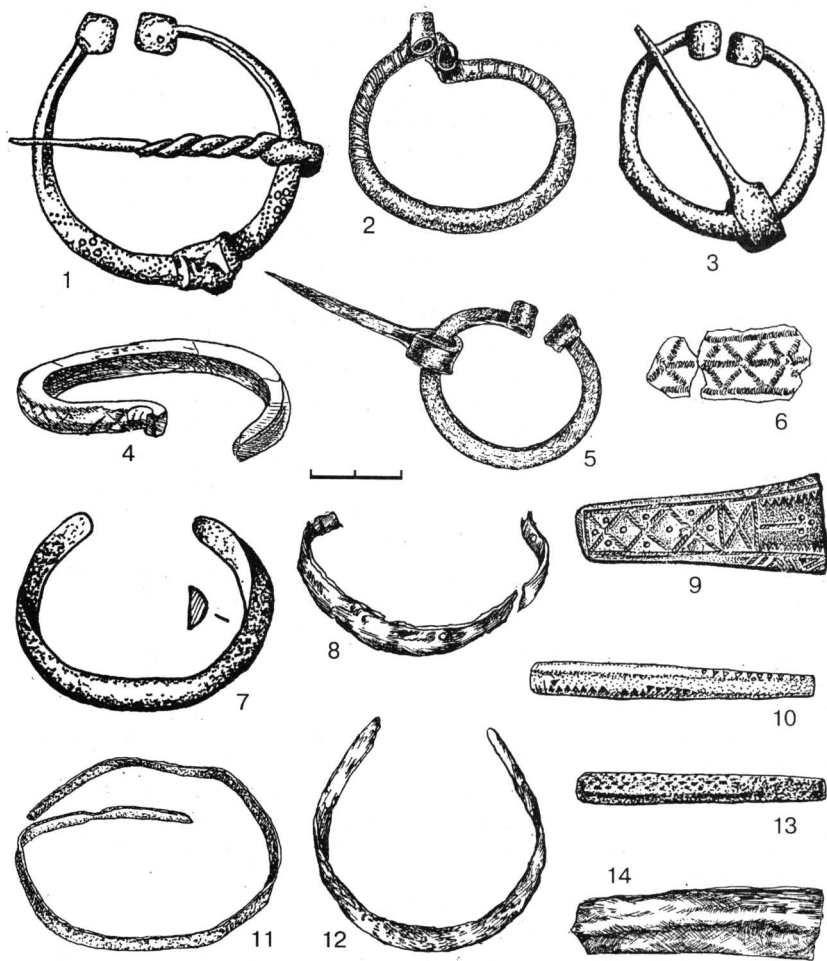
Найденная в Изборске бронзовая равноплечная фибула, украшенная двумя поперечными поясками из линий (рис. 28: 8) имеет ближайшие аналогии среди находок в Финляндии (Kivikoski, 1973, S. 61, № 91). Фибулы подобного облика получили распространение в Скандинавии, Готланде, Эланде и Аландах в VII в. (Kivikoski, 1963, S. 72–73, Taf. 3: 9; 16: 7; 20: 7, 8; 23: 6, 7). В целом в этих регионах они бо-

лее крупные и имеют иную орнаментацию. Впрочем, среди равноплечных фибул из могильника Кварнбакен есть одна, из погребения 13, датируемого VII в., почти полностью идентичная изборской. В следующем столетии равноплечные фибулы из Скандинавии проникли в Финляндию, где получили несколько отличную форму, которая характерна для VIII в. Этим столетием следует датировать и изборскую находку. Более поздние равноплечные фибулы имеют уже совсем иные характеристики.

Среди изделий из цветных металлов имеется несколько проволочных височных колец. Три из них диаметрами 5,8, 3,8 и 2,0 см принадлежат к типу полутораоборотных (рис. 29: 4, 5), еще четыре диаметрами от 2,5 до 3,8 см имеют сомкнутые концы (рис. 29: 7, 9, 10). Аналогичные височные кольца имеют широкие аналогии в славянских древностях, в том числе они известны в длинных курганах (Седов, 1974, с. 32, рис. 26: 6, 7, 9, 10; Аун, 1992, рис. 51: 8, 9). X – началом XI вв. такие украшения датируются в курганах с трупосожжениями в Юго-Восточном Приладожье и Ярославском Поволжье.

Четыре височных колец диаметрами 3,6, 3,5, 3 и 2,1 см относятся к типу загнутоконечных (рис. 29: 1–3, 6). Один конец их расплющен и завернут в колечко, другой обрублен. На одном из колец имеются остатки обоймицы, посредством которой к нему прикреплялась какая-то привеска. Еще у одного завернутоконечного кольца размерами 4 x 3,4 см другой конец выпущен на 5 см. Аналогичное височное кольцо найдено на селище Рыуге (Аун, 1992, с. 60, рис. 20: 5). Подобные украшения встречаются в славянских памятниках VIII–X вв. в разных регионах, в том числе они известны в коллекциях культуры смоленско-полоцких длинных курганов (Седов, 1974, рис. 26: 1). В Гнездове их насчитывается 13: три происходят с поселения, остальные – из курганных трупосожжений, датируемых серединой X в. (Пушкина, 1987, с. 52, рис. 1: 10). В Киевском некрополе подобные украшения встречены в захоронениях вместе с подвесками-диргемами начала XI в. (Каргер, 1958, табл. X: 4). Наиболее раннее височное кольцо с подобным завитком на конце найдено на поселении пеньковской культуры VI–VII вв. (Хавлюк, 1974, с. 197, рис. 11: 1). В Старой Ладоге одно из височных колец рассматриваемого типа обнаружено в 1947 в слое горизонта Е-3, датируемым не позднее IX в. (Равдоникас, 1950, с. 36, рис. 32), другая находка относится к 1975 г. и датируется концом IX – началом X в. (Кирпичников, 1980, с. 452, 453, рис. 21; 1985, с. 18, рис. 7).

В Изборске найдено еще височное кольцо, принадлежащее к типу, известному в материалах культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Основу его составляет пластина шириной 5–6 мм с выступающим ребром посередине, переходящая в проволочные заходящие концы (один конец изборского кольца отогнут, другой обломан). Диаметр кольца 4,9 см, один из концов его отогнут, другой обломан. Ребро орнаментировано нарезками (рис. 29: 8). Однотипные височные кольца

Рис. 30. Подковообразные застёжки (1–3, 5) и браслеты (4, 6–14) из цветных металлов.

1 – 6, VII-36; 2 – 5, Щ-55; 3 – 6, VII-33; 4 – 5, Э-54; 5 – 6, А-54; 6 – 6, П-24; 7 – 7, VII-38; 8 – 6, Ж-49; 9 – 7, V-9; 10 – 6, VIII-21; 11 – 5, Н-45; 12 – 7, X-36; 13 – 9, А-35; 14 – 4, XX-40.

помимо основного ареала разбросанно встречаются в синхронных памятниках Северо-Запада. Близкое к изборскому кольцо происходит с городища Рыуге (Аун, 1992, с. 60, рис. 20: 9). Такие украшения найдены также на городищах Камно, Псковском, Ржева Пустая, в Городи-

ще близ Великих Лук и Ладого. Появились такие кольца в Верхнеднепровско-Двинском регионе, по всей вероятности, как результат совмещения распространенных здесь раннее проволочных (браслетообразных) височных колец с лунными кольцами, занесенными из Дунайских земель (Седов, 1999а, с. 143–145).

Из нижнего слоя рассматриваемого памятника происходит несколько подковообразных застежек. Кроме одной, все они имеют концы, завернутые в трубочки (рис. 30: 2, 3, 5). Одна имеет плосковыпуклый стержень, на части которого сделана имитация обмотки проволокой. Аналогичные подковообразные железные застежки со спирально загнутыми концами и обмоткой из бронзовой проволоки имели распространение в земле латгалов в VII–VIII вв. (LA, 159 lpp., tahv. 42: 5). Имитация обмотки на изборской находке, по всей вероятности, является реликтом латгальских. Из нижнего слоя Изборска происходит еще подковообразная застежка с наполовину плоско-выпуклой, наполовину пластичатой основой с поперечными нарезками. Две застежки с звернутыми концами имеют пластинчатые основы. Одна подковообразная застежка небольшого размера была изготовлена из толстого круглого в сечении дрота, один конец ее оформлен в виде многогранника, другой отломан, еще одна имеет массивную треугольную дужку.

Бронзовые привески в нижнем слое Изборска немногочисленны. Четыре из них – гладкие трапециевидной формы (рис. 31: 5, 9), имеющие широкое распространение, в частности в синхронных балтских древностях Юго-Восточной Прибалтики, одна украшена по периметру двумя линиями зубчатого штампа и кружками, оконуренными кольцевыми углублениями (рис. 31: 1). Еще одна привеска изготовлена из обломка орнаментированного пластинчатого браслета. Сверху она имеет отверстие, сквозь которое продето проволочное колечко (рис. 31: 4). Трапециевидные привески Изборского городища находят ближайшие аналогии в материалах длинных курганов псковского и смоленско-полоцкого типов (Седов, 1974, с. 33, табл. 23: 27–29, 32–34, 38), имеются они и на Гнездовских поселениях (Ениосова, 2001, с. 208–212, рис. 1). Н. В. Ениосова справедливо отмечает, что, хотя трапециевидные привески и имеются в древностях летто-литовских племен, в настоящее время их уже невозможно рассматривать как балтские украшения. Подобные привески есть и в прибалтийско-финских памятниках (Urtans, 1970, 61–85 lpp., att. 3–14).

Из нижнего слоя Изборска происходят две бронзовые колпачковые привески (рис. 31: 11). Подобные украшения хорошо известны в археологических материалах Латвии, где они были в употреблении с VII по XI в. (Urtans, 1970, 64–65 lpp.; 1977, 31 lpp., att. 86: 15, 16; 64; LA, tahv. 42:22). Несколько отличающиеся подвески того же типа есть и среди материалов культур длинных курганов (Седов, 1974, с. 33, табл. 25: 8, 9). Несколько таких привесок происходят из курганных могильников Арнико-III и Рысна-Сааре-I в Юго-Восточной Эс-

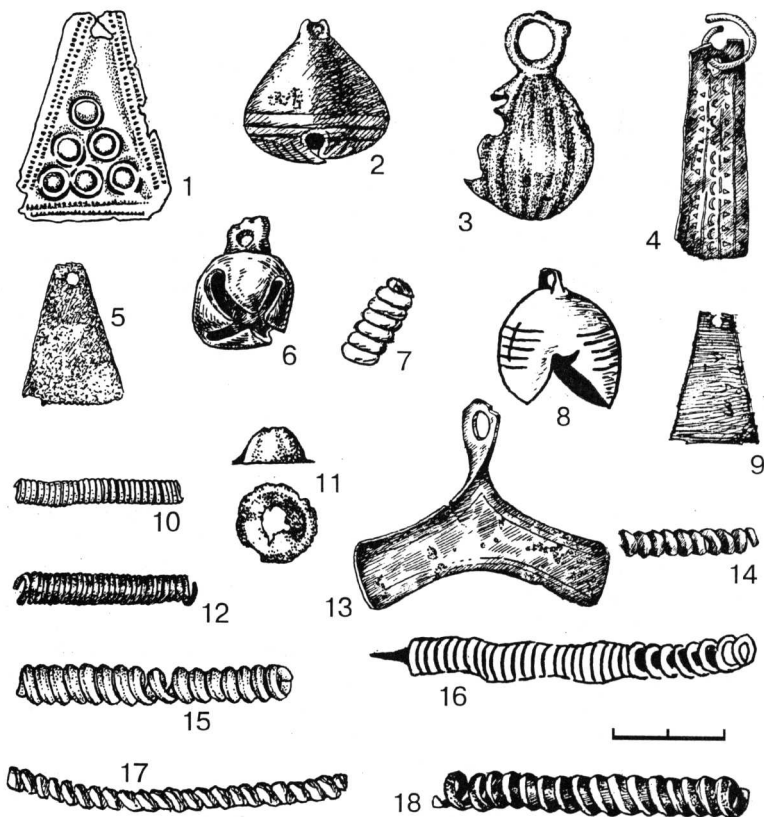

Рис. 31. Подвески и спиральки их цветных металлов.

1, 4, 5, 9 – трапециевидные подвески; 2, 3, 6, 8 – бубенчики; 7, 10, 12, 14 – 18 – спиральки; 11 – колпачковидная привеска; 13 – привеска в виде «молоточка Тора». 1, 10, 15 – насыпь вала; 2 – 5, Э-49; 3 – 4, К-33; 4 – яма 10, Е-16; 5 – 4, Р-42; 6 – 6, VI-32; 7 – 7, П-37; 8 – 8, Ш-56; 9 – 7, О-22; 11 – 6, Ц-43; 12 – 5, Л-24; 13 – 4, V-21; 14 – 5, И-49; 16 – 6, Щ-52; 17 – 5, М-28; 18 – 6, П-27.

тонию, которые согласно изысканиям В. А. Уртанса относятся ко времени не позже VII–VIII вв. (Аун, 1992, с. 127, рис. 51: 1–3, 6). Судя по материалам латгальских могильников, колпачковые подвески завершали украшения, прикреплявшиеся к вайнагам – женским головным венкам (Нукшинский могильник, с. 34, табл. IV: 3; XV: 1; XVIII: 3). Другим регионом колпачковых привесок, несколько отличных от прибалтийских, является Среднее Поднепровье, где они нередки в вещевыхкладах VII в.

В рассматриваемом слое Изборска найдено несколько бубенчиков. Один из них, фрагментарный, крупный, из золотистой бронзы, поверхность его имеет орнаментацию из вертикальных углублений (рис. 31: 3). Аналогии ему имеются в смоленско-полоцких длинных курганах. Высказано предположение, что такие крупные бубенчики служили украшением конской сбруи (Седов, 1974, с. 33, табл. 23: 26, 31, 37). Два изборских бубенчика имеют шаровидную форму и крестовидные прорезы в нижней части (рис. 31: 2, 6). Один – грушевидный с такой же прорезью и рельефными орнаментальными полосами. Нижняя часть его орнаментирована нарезками. Еще один бубенчик – шарообразный – имеет линейные узоры (рис. 31: 8). Крестопорезные бубенчики на Руси получили распространение с X в., на территории Финляндии и в Швеции они известны уже в памятниках IX–X вв. (Arbman, 1940, Taf. 93: 11, 15; Kivikoski, 1973, № 810). В Изборск такие бубенчики, возможно, поступили из Северной Европы.

Среди изборских подвесок имеется еще бронзовая топорovidная скандинавского происхождения (рис. 31: 13). Это так называемая привеска в виде «молоточка Тора». В Финляндии аналогичные украшения найдены в нескольких памятниках и датируются вендельским временем (Kivikoski, 1973, № 395, 480). Топоровидные привески эпохи викингов имели иные формы (Новикова, 1991, с. 175–180, рис. 1, 2).

В нижнем слое Изборска неоднократно встречены спиральки, изготовленных из бронзовой проволоки круглого или сегментовидного сечения (рис. 31: 10, 12, 14–18). Такие украшения широко бытовали среди раннесредневековых балтских и финно-угорских племен. Они входили в состав шейных ожерелий, были составными элементами головных уборов, использовались для украшения одежды, в том числе наплечного покрывала (Zariņa A., 1970; Финно-угры... с. 360, 361, 367 и др.). В небольшом числе они встречены и в длинных курганах (Седов, 1974, с. 31, табл. 23: 6–8, 10, 13–17). Рано бронзовые спиральки появляются и в Финляндии, где носились в составе ожерелий (Kivikoski, 1973, № 498).

В характеризуемом слое Изборского городища найден фрагмент бронзовой крученой гривны. Установить принадлежность его к определенному типу шейных гривн не представляется возможным.

Бронзовые браслеты раннего Изборска представлены несколькими типами.

Наиболее ранние среди них являются дровые. Из слоя IX в. происходит браслет из массивного четырехгранного дрота. Один конец его оформлен в виде сильно стилизованной звериной головки и за ее пределами украшен косыми нарезками, другой немного утонщен и косо срезан (рис. 30: 4). Еще один браслет плоско-выпуклого сечения имеет гладкую поверхность (рис. 30: 7). Фрагментарно представлены еще три браслета с утолщениями в разрезе (рис. 30: 10, 13, 14). Один из них со слабо выступающим ребром посередине. Еще один обломок

принадлежит массивному браслету со стилизованным звериноголовым концом.

Наиболее распространенными были пластинчатые браслеты (рис. 30: 6, 8, 9, 11, 12). В изборской коллекции их большую часть составляют неширокие браслеты с несколько суживающимися концами, иногда завернутых в трубочку. Почти все они украшены орнаментами из различных сочетаний кружков и зубчатых штампов. Часть таких браслетов выделяется несколько грубым нанесением кружков, дающем основание полагать о низком профессионализме ремесленника. Таких находок целыми или фрагментарных насчитывается более двух десятков. Можно думать, что эти браслеты изготавливались в Изборске, подобных находок на соседних и отдаленных территориях не обнаруживается.

Два фрагмента принадлежат к широкопластинчатым браслетам. Они украшены геометрическими узорами, нанесенные «зубчатым колесом» в сочетании с небольшими кружочками орнаментацию (рис. 30: 9). Пластинчатые браслеты имели весьма широкое распространение. Аналогичные изборским обнаруживаются как в прибалтийских древностях VIII–X вв, так и среди находок IX–X вв. восточнославянских коллекций.

Несколькими экземплярами в изборской коллекции представлены спиральные перстни (рис. 32: 1–4). Среди них есть проволочные, но чаще они изготавливались из плосковыпуклой пластины. Подобные перстни получили широкое распространение в Юго-Восточной Прибалтике. Здесь в древностях прибалтийских финнов и балтских племен они появляются уже в III–IV вв. и бытуют до XIV–XV вв. включительно (Mooga, 1938, S. 459; PK, Tabl. 21: 3–5, 7, 8; Selirand, 1974, lk. 173, Tahv. XL: 8; Шноре, 1961, табл. VI: 42, 49, 56; Аун, 1992, с. 69–70, табл. XXVI: 9–11, 14). Спиральные перстни есть и в длинных курганах (Седов, 1974, с. 32, табл. 26: 14, 16; Аун, 1992, с. 128, рис. 51: 12–14). Подобные перстни были распространены также среди поволжских финнов. Изредка они встречаются в древнерусских памятниках. Так, в Новгороде они обнаружены в слоях XI – первой половины XIII в. (Седова, 1981, с. 122).

Следующую группу изборских перстней образуют находки, сделанные из относительно узкой пластины различной толщины (рис. 32: 6, 9, 11, 13.). Среди них имеются разомкнутые, замкнутые и с заходящими концами. В Изборске они стратиграфически относятся к IX – первой половине X в. Орнаментированы они нарезками или штампами.

Несколько изборских перстней изготовлены из пластины, иногда с несколько суживающимися концами. В двух случаях концы их расплющены. Еще несколько перстней являются круглопроволочными (рис. 32: 14, 20, 21, 23)..

Перстни широкосрединные с незамкнутыми концами в Изборске относятся не к самым нижним горизонтам культурных напластований.

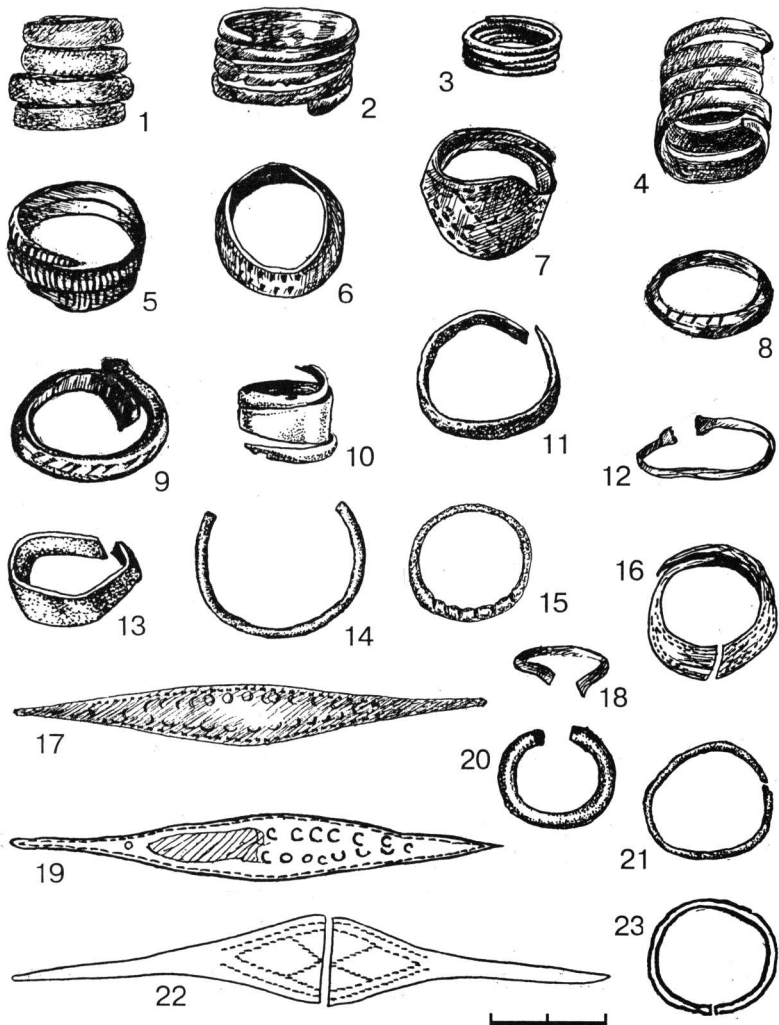

Рис. 32. Перстни бронзовые.

1 - 10, Э-58; 2 - 5, Р-51; 3 - 5, П-25; 4 - 8, Э-52; 5 - 7, П-32; 6 - 5, Э-48; 7 - 5, Э-48; 8 - 5, Ш-56; 9 - из черного слоя под насыпью вала; 10 - 6, Н-23; 11 - 5, В-32; 12 - 6, Щ-56; 13 - 5, П-6; 14 - 5, Д-33; 15, 16, 22 - 5, Ш-56; 17, 19, 21 - 5, У-56; 18 - 5, Ц-53; 20 - 6, Д-35; 23 - 6, IV-35.

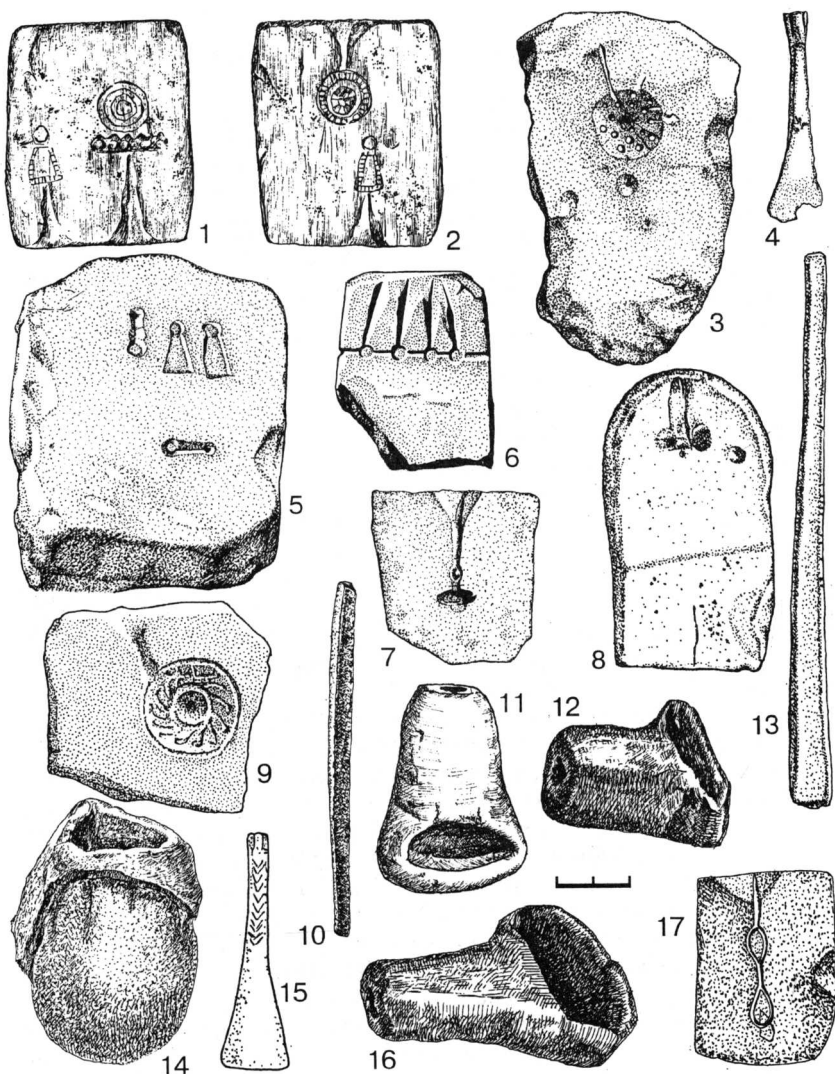
Два таких перстня имеют такую же кружковую орнаментацию (рис. 32: 17, 19), которая характерна для пластинчатых браслетов – продукции местных ремесленников. Пластинчатые широкосрединные перстни имели широкое бытование в Древней Руси начиная с X в. (Седова, 1981, с. 129). Одним экземпляром в нижнем слое Изборского городища представлен усатый перстень (рис. 32: 10). Такие персти появляются в латгальских и финских древностях появляются в IX–X вв. и в последующих столетиях. В X–XIII вв. они широко представлены и в памятниках Древней Руси (Недошивина, 1967, с. 257–259).

Среди предметов, связанных с одеждой, в нижнем слое Изборского городища найдены бронзовые округлые пряжки с рельефными нарезками, орнаментированный ременный наконечник, билоновая тонкопластинчатая бляшка, украшенная зубчатым штампом и пуговица из золоченой бронзы (рис. 25: 1, 2, 4, 6, 7).

Завершая обзор изделий из цветных металлов нельзя не упомянуть находку крупного бронзового литого колокольчика (рис. 24: 3). Встречены также фрагменты бронзовых сосудов больших размеров (загнутые венчики из листовой бронзы)..

Есть все основания говорить о местном бронзолитейном производстве. Среди находок в нижнем слое Изборского городища имеется целый глиняный тигель и множество фрагментов их, около десятка глиняных льячек (рис. 33: 11, 12, 14, 16), свыше двух десятков литейных форм из местного известнякового камня (рис. 33: 1–3, 5–9, 17), два бронзовых пинцета (рис. 33: 4, 15), а также около двух десятков палочек из цветных металлов (рис. 33: 10, 13), обрывки проволок, небольшие слитки цветных металлов, в том числе один свинцовый. Последнее несомненно служило сырьем для бронзолитейного ремесла. Сохранившийся тигель имел яйцевидную форму снаружи и близкую у цилиндрической внутри. Высота его около 6 см, горло подтреугольное 4,5 x 5 см, толщина стенок 0,9–1 см. Изборские льячки относительно крупные, форма горловины овальная, размерами около 2,5–3,5 x 1,8–2 см. Литейные формы предназначались для изготовления трапецевидных, колпачковых и иных привесок. В одной из форм отливались восьмеркообразные звенья цепочек, на которых подвешивались привески. Еще в одной форме изготавливались небольшие пуговицы. Такая бронзовая пуговица найдена в длинном кургане могильника Лаосина-V (Аун, 1992, с. 130, рис. 50: 4). Об изготовлении литейных форм на месте свидетельствуют находки их заготовок. Изборские формы находят аналогии в материалах из длинных курганов (Седов, 1974, с. 33, табл. 27: 1–4; Аун, 1992, с. 55, 56, табл. XIX).

Следы бронзолитейного ремесла в Изборске зафиксированы в разрозненном состоянии и не дают возможности говорить о конкретных постройках, связанных с этой производственной деятельностью. Можно полагать только, что одна из мастерских функционировала на протяжении десятилетий в районе кв. Е-11 и Е-12, где найдено более де-

Рис. 33. Предметы бронзолитейного ремесла.

1-3, 5-9 - каменные литейные формы; 4, 15 - бронзовые пинцеты; 10, 13 - бронзовые палочки; 11, 12, 16, 17 - глиняные льячки; 14 - тигель.
 1, 2 - 6, Щ-48; 3 - 6, И-34; 4 - 5, И-30; 5 - 4, Г-22; 6 - 5, Ж-30; 7 - 5, Г-29; 8 - 7, I-35; 9 - 5, IX-34; 10, 13 - 6, Щ-47; 11 - 5, К-17; 12 - 7, У-36; 14 - 7, З-38; 15 - 5, Н-40; 16 - 5, У-37; 17 - 4, К-17.

сятка фрагментов тиглей, а в округе слитки и шлаки цветных металлов. Сырье в виде длинных палочек для бронзолитейного дела сконцентрировано также в районе кв. А-38 – А-40.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И СЛЕДЫ КОСТЕРЕЗНОГО РЕМЕСЛА

Среди костяных орудий, связанных с бытом и домашним производством, в Изборске наиболее многочисленны проколки и острия универсального назначения. Несколькими экземплярами представлены крупные проколки из грифельных костей лошади или коровы, в основном прямые, некоторые слегка изогнутые (рис. 34: 1–3, 7, 8). Следы дополнительной обработки незначительны. Это – некоторая заполированность и заострение кончиков, лишь немногие находки имеют отверстия около головки. Единичные изделия украшены линейными узорами (рис. 35: 10). Размеры проколок колеблются от 12 до 20 см. Некоторые из них, в частности с небольшим изгибом и с несколько уплощенной поверхностью, были кочедыками. Встречены и проколки из трубчатых костей домашних животных, рабочие концы которых имеют косые срезы.

Две костяные иглы длиной 10,5 и 9, 7 см найдены целыми (рис. 36: 9, 10), остальные во фрагментах. Сечения иголок овальные и округлые, ушки уплощенные с круглыми отверстиями диаметром 3 мм. Судя по фрагментам некоторые иглы были слегка изогнутыми. Дважды встречены костяные игольники (рис. 35: 5).

Костяные пряслица единичны. Четыре из них полусферической формы вырезаны из эпифизов длинных костей крупного рогатого скота (рис. 34: 9, 11). Цилиндрические отверстия имеют диаметры от 0,7 до 1,6 см. Одно из таких пряслиц помечено врезным крестом. Еще одно костяное пряслице имеет биконическую форму. Его наибольший диаметр 3,2 см, высота 1,1 см, диаметр отверстия 1,1 м. Фрагментами представлены боченковидные пряслица.

Найдены две лопаточки, вырезанные из кости (рис. 36: 13, 15) и три полностью сохранившихся гребня. Один из последних цельный, односторонний, на лицевой стороне украшен чешуйчатым узором (рис. 37: 2). Другой принадлежит к типу гребневидных подвесок с высокой ажурной спинкой (рис. 37: 1). Последняя воспроизводит стилизованных лебедей, обращенных в разные стороны. На лицевой стороне нанесен еще накольчатый узор. Подобные роговые гребни-подвески найдены на поселениях Рыуге, Тырва Тантсумяги и Кививаре в Юго-Восточной Эстонии, на городищах Камно и Псковском, а также в Ладогe (Тараканова, 1949, рис. 39: 18; Давидан, 1962, с. 101–102, рис. 4: 1; Плоткин, 1974, с. 14–16, рис. 4: 7, 11; Аун, 1992, с. 66–67, табл. ХХХ). Гребнеобразная подвеска несколько иного характера обнаружена еще в Тарту. В Камно гребень-подвеска найдена в слое IX – начала X в., IX столетием

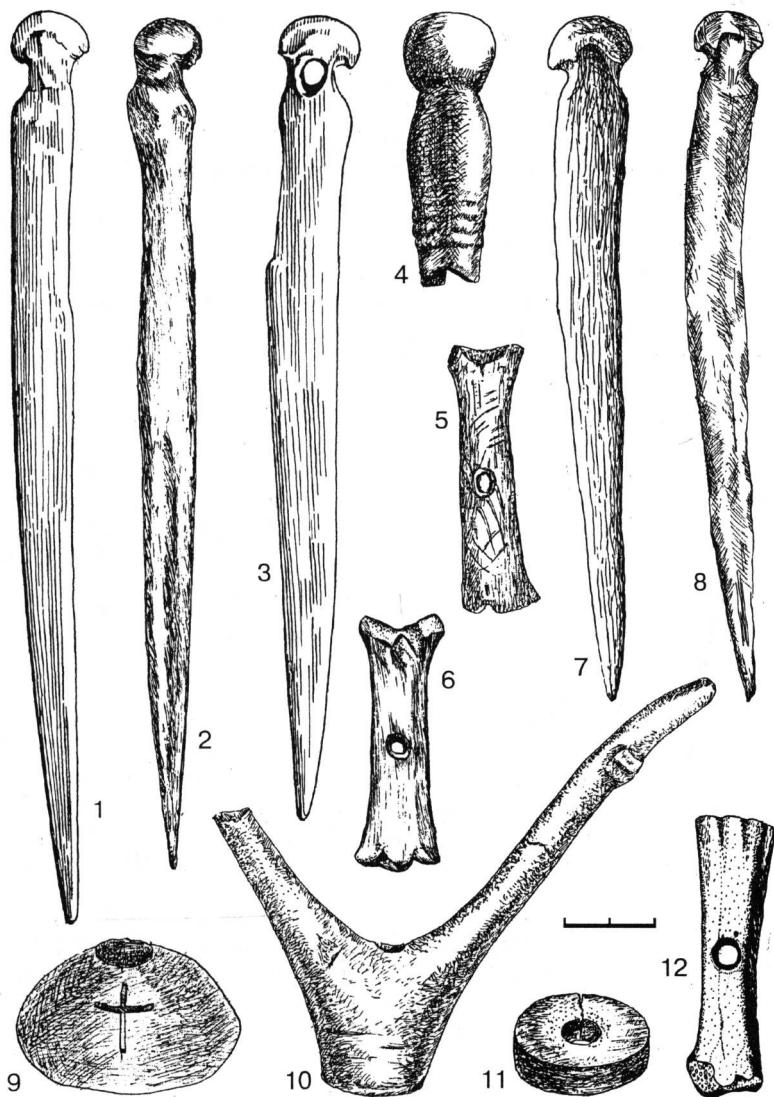

Рис. 34. Изделия из кости.

1-3, 7, 8 - проколки; 4 - рукоятка ножа; 5, 6, 12 - жужжалки; 9, 11 - пряслица;
 10 - навершие.
 1 - 5, Ц-42; 2 - 6, Д-56; 3 - 4, X-50; 4 - 5, X-29; 5 - 6, У-35; 6 - 6, Д-33; 7, 8 - 5,
 IX-32; 9 - 6, Ш-35; 10 - 8, IV-36; 11 - 6, В-9; 12 - 5, V-35.

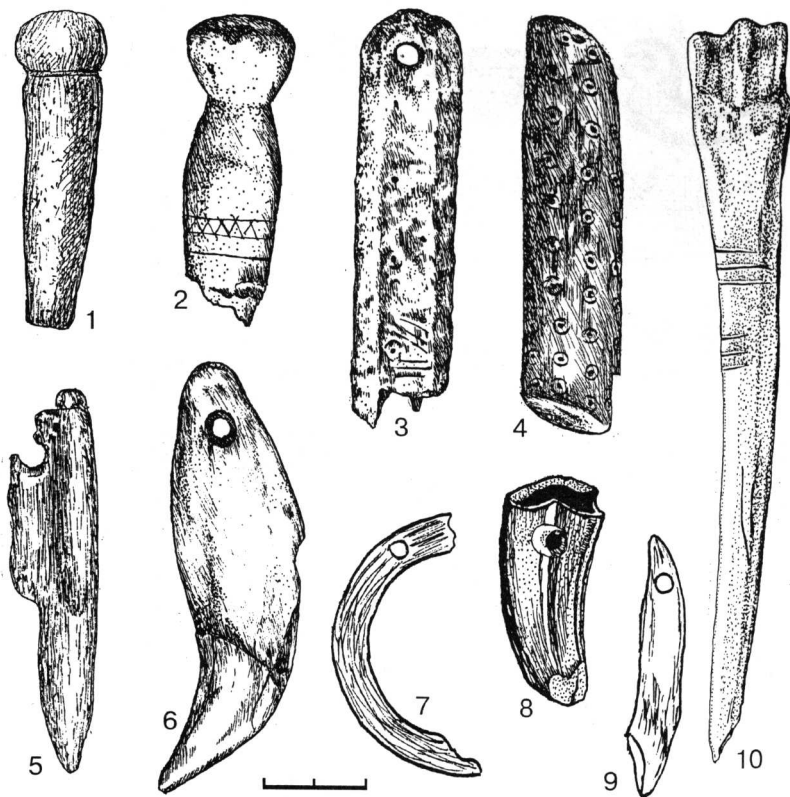

Рис. 35. Изделия из кости и амулеты из клыков.

1 – 4 – рукоятки ножей; 5 – игольник; 6 – 9 – амулеты; 10 – проколка.
 1 – 5, XII-33; 2 – 6, III-33; 3 – 5, XI-20; 4 – 6, XV-33; 5 – 5, XV-36; 6 – 6, Г-34; 7 – 5, Д-48; 8 – 6, XI-20; 9 – 5, А-47; 10 – 10, IV-29.

датируется один из гребней на городище Рыуге, ладожская находка определяется IX–X вв. В Изборске оба названных гребня происходят из верхних горизонтов характеризуемых напластований, то есть относятся ко второй половине IX – началу X в.

При раскопках Изборского городища встречены также фрагменты наборных гребней-расчесок. Две почти одинаковые накладки дугообразной формы от таких гребней украшены орнаментом, включающим по верхнему краю узор из двух concentрических кружков с точкой посередине и два ряда прочерченных продольных линий. Ближе к концам гребней имелись и ряды поперечных линий (рис. 36: 2, 3). Много-

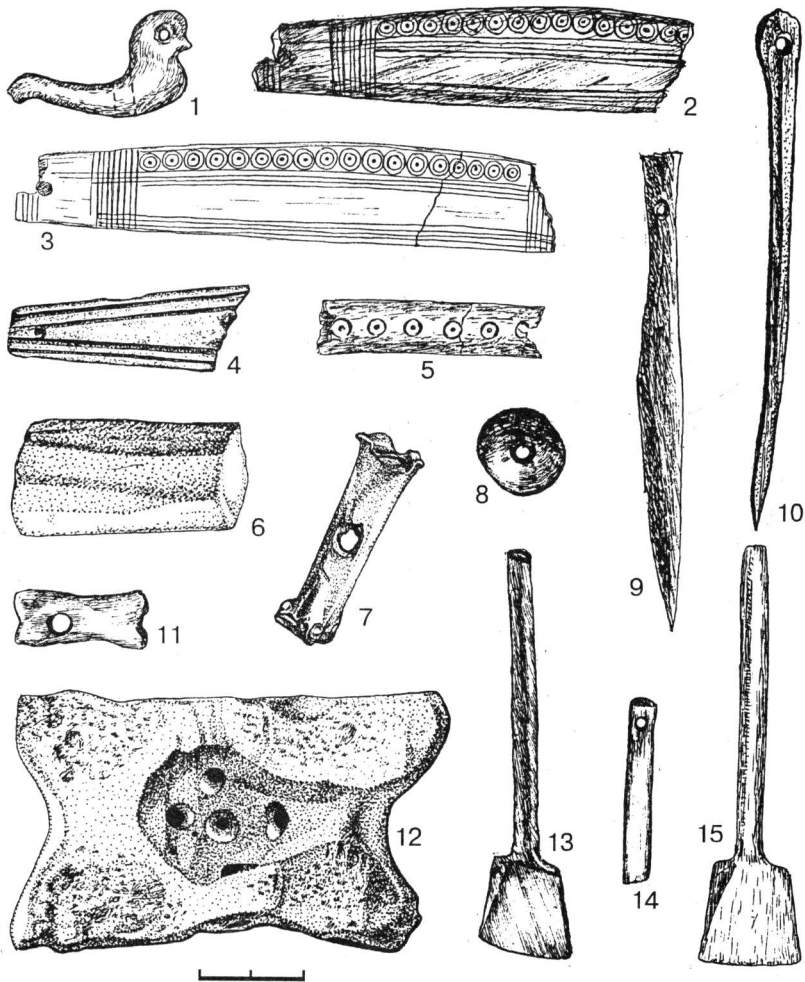

Рис. 36. Изделия из кости.

1 – привеска-уточка; 2–5 – пластины двухсторонних гребней; 6 – заготовка; 7, 11 – жужжалки; 8 – пуговица; 9, 10 – иглы; 12 – литейная форма; 13, 15 – лопаточки; 14 – привеска.

1 – 5, XI-35; 2 – 9, Д-54; 3 – 9, Д53; 4 – 7, II-41; 5 – 5, VIII-39; 6 – 6, X-18; 7 – 6, И-34; 8 – 5, К-44; 9 – 5, И-52; 10 – 8, IV-36; 11 – 6, Д-34; 12 – 5, III-35; 13, 15 – 5, П-56; 14 – 6, В-39.

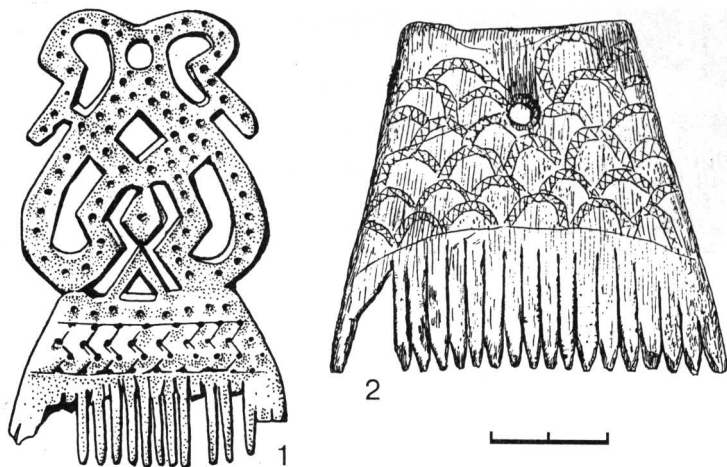

Рис. 37. Костяные гребни.

1 – 8, VII-31; 2 – 5, Л-40.

численные аналогии таким расческам находятся в ладожской коллекции. В Ладоге они встречались начиная с самых нижних культурных напластований (Давидан, 1962, с. 95–98).

В слое рубежа IX и X вв. на Изборском городище был обнаружен костяной гребень фризского типа (рис. 38), вероятно, завезенной из земель, примыкающих с юга к Северному морю – Фрисландии. Его форма и орнаментация из небольших кружков, образующих лежащую латинскую букву S, дают основание для датировки этого изделия IX или первой половиной X в. В исследовании, посвященном ладожским гребням, О. И. Давидан объединила подобные находки в тип 1в (Давидан, 1962, с. 98, рис. 2: 3; 1968, с. 56–57, рис. 1: 8).

В характеризуемом слое Изборска встречено несколько рукоятей ножей или шилев. Четыре рукоятки имеют шарообразно вырезанные завершения, отделенные ободком от основных частей (рис. 34: 4; 35: 1, 2). На одной из них нанесен узор из мелких насечек, образующих несколько полос, на другой прочерчен зигзаг между прямыми линиями. Аналогичные рукоятки имеются и в Ладоге (Давидан, 1966, рис. 3: б). Другие изборские рукоятки имеют овальное или изредка многогранное сечения (рис. 35: 3, 4). Некоторые из них украшены линейными или циркульным узорами. Найдено еще немало фрагментов от рукояток. Некоторые из рукоятей были составными из нескольких округлых или шестигранных обойм. Найдены и сегментовидные в разрезе пластины, образующие составные рукоятки, а также костяные шайбы, которыми оконтуривались костяные или деревянные рукоятки. Изго-

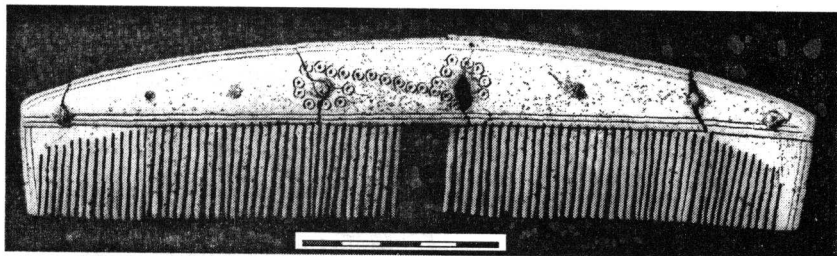

Рис. 38. Расческа фризского типа.

тавливались костяные рукоятки ножей и шильев местными ремесленниками, о чем, говорят находки бракованных полуфабрикатов.

Довольно многочисленны эпифизы с отверстиями (рис. 34: 5, 6, 12; 36: 7, 11). Некоторые из них имеют дополнительную обработку в виде срезов и заполированности, а одна украшена процарапанным узором. Это – жужжалки, не менее широко представленные в вышележащих напластованиях Изборского городища и известные и в ряде других древнерусских памятниках.

Единичными экземплярами представлены костяная пуговица, пряслице и роговая привеска-уточка. Круглая пуговица со слегка выпуклой лицевой стороной имеет поперечник 1,7–1,8 см и отверстие диаметром 3 мм (рис. 36: 8). Аналогичные пуговицы имеются среди вещевой коллекции Ладоги, а обычны для многих городов Руси (Давидан, 1966, с. 111, рис. 4: 12). Аналогична ладожским находкам из напластований VIII–IX вв. (Давидан, 1966, с. 111, рис. 4: 3, 4; 1977, с. 115) и изборская скульптурная привеска в виде уточки (рис. 36: 1). Поверхность фигурки хорошо заполирована. Она имеет два отверстия, одним малого диаметра обозначены глаза уточки, второе предназначено для ремешка, с помощью которого украшение подвешивалось. Подобные роговые уточки идентичные или вариантноотличные встречены еще на городищах Камно, Рыуге, Отепяя, в смоленско-полоцких курганах VIII в. и в латгальских памятниках (Седов, 1974, с. 33, табл. 23: 23–25; Аун, 1992, с. 67, табл. XXXI: 1, 3, 4, 8).

В качестве подвесок-амулетов использовались клыки животных – кабана или медведя (рис. 35: 6–9). Одна из подвесок вырезана из кости в виде цилиндрика с отверстием сверху (рис. 36: 14).

Абсолютное большинство изборских находок из кости и рога имеют широкие аналогии в памятниках второй половины I тыс. н.э. лесной полосы Восточной Европы. Есть они и в материалах культуры псковских длинных курганов (Аун, 1992, табл. XXIV: 1–4, 6) и среди находок Ладоги (Давидан, 1966, с. 103–115), Новгородского (Носов, 1990, рис. 28: 8, 9; 29: 6) и других синхронных городищ Северо-Запада.

Предмет с двумя длинными рогами, изображенный на рис. 34: 10, по всей вероятности, служил каким-то навершием. Он имеет коническое отверстие (диаметром 1,5 см снизу и 1,1 см сверху) для деревянной основы-палки. Назначение трех несколько удлиненных шаров размерами 4,5 x 5, 5 x 5,8 и 6 x 7,2 см, аккауратно вырезанных из концов бедренных костей и отполированных (рис. 24: 4), остается неопределенным. Найдена еще трехотростковая плоская кость толщиной 0,7 см с отверстием диаметром 1,9 см, предназначенная для какого-то устройства. Четырехгранная костяная стрела с втулкой для древка (рис. 24: 2), скорее всего, была детской игрушкой, имитируя копье.

Следы косторезного дела зафиксированы в нескольких местах Изборского городища. Таковыми являются находки обрезанных или опиленных рогов и костей, недосверленных изделий, фрагменты костей со следами обработки (рис. 36: 4, 6). Обнаружено и несколько пластин, свидетельствующих об изготовлении в Изборске наборных рукояток, а, возможно, и гребней-расчесок. Построек, в которых работали ремесленники-косторезы, не сохранилось. На основании концентрации остатков этой деятельности можно предполагать, что один из таких мастеров жил и трудился в районе квадрата У-36 и соседних, другой – где-то в квадратах Е-39, Е-41 Ж-39, 3-40 и И-38. Однако, находки опиленных рогов и фрагментов костей со следами обработки встречены более широко, свидетельствуя о значительном развитии косторезного дела на поселении. К изделиям изборских мастеров кроме уже названных изделий, по всей вероятности, принадлежат также вырезанная из кости литейная формочка (рис. 36: 12) и крупный роговой псалий, украшенный линейными и циркульными узорами (рис. 24: 7).

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ

Предметы, изготовленные из камня местными жителями, на Изборском городище весьма многочисленны. Абсолютное большинство пряслиц вырезалось из местного камня. Форма их весьма разнообразна (рис. 39: 2–12). Доминируют пряслица цилиндрической и с несколько выпуклыми боковыми сторонами. Но немало пряслиц имеет биконическую и усеченноконическую форму. Отдельные экземпляры их орнаментированы. Так, одно из биконических пряслиц имеет зигзаговый узор (рис. 39: 2), на другом – процарапаны линии, расходящиеся радиально от центрального отверстия (рис. 39: 3), третьи орнаментировано двумя concentрическими кругами (рис. 39: 10). Диаметры пряслиц от 2,5 до 4 см, толщина – от 0,6 до 1,8 мм, диаметры отверстий – около 1–1,2 мм, но есть и меньшие.

При раскопках городища обнаружены многочисленные следы изготовления пряслиц из местного известнякового камня в виде заготовок и бракованных полуфабрикатов (рис. 40: 1–3, 5, 7). Топография этих

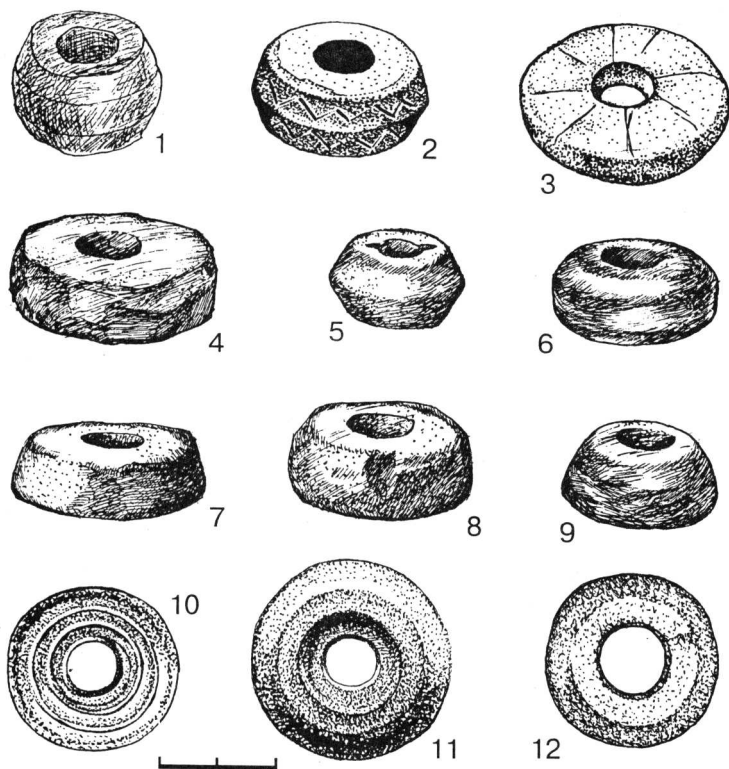

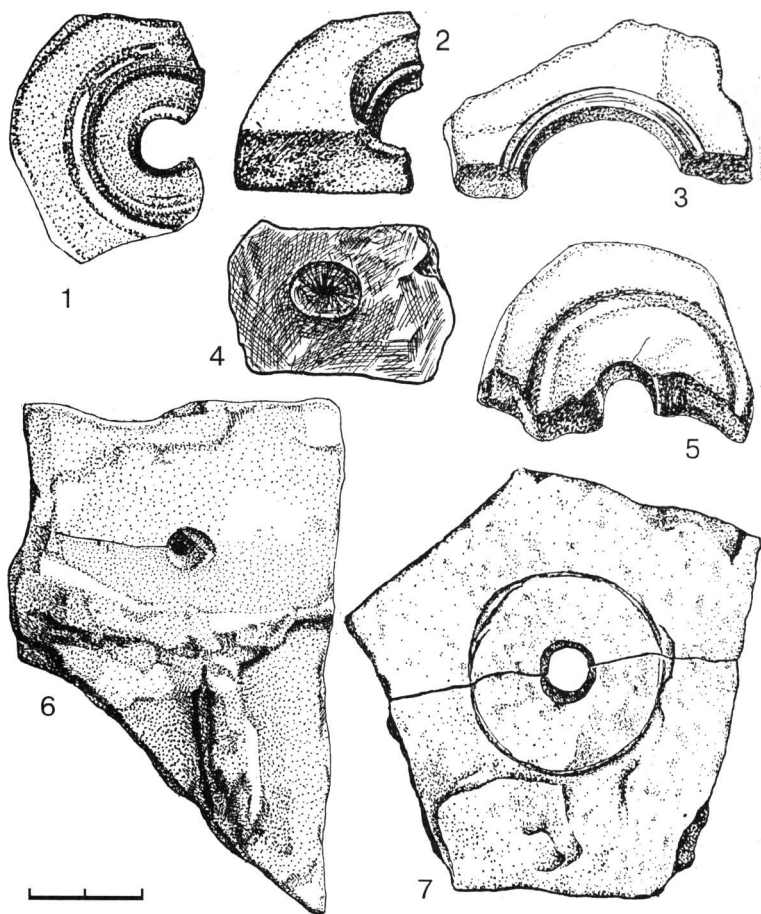
Рис. 39. Пряслица.

1 – глина, 2–12 – камень.

1, 11 – 5, 3-33; 2 – 5, Л-27; 3 – 8, I-39; 4 – 5, Н-48; 5 – 5, Г-50; 6 – 6, М-51; 7 – 5, Ж-49; 8 – 5, Д-51; 9 – 7, Щ-45; 10 – 5, Э-36; 12 – 5, П-30.

находок показывает, что камнерезном делом занимались далеко не каждый житель Изборска, оно было уделом специализированных мастеров. Конкретных мастерских, к сожалению, выявить не удается, но, судя по некоторой концентрации остатков этого ремесла, можно утверждать, что камнерезы работали где-то в регионе квадратов А-45, Л-45, Ш-50 и, вероятно, в некоторых других местах поселения. Этими же мастерами изготавливались литейные формы из местных пород камня, о которых говорилось выше.

Глиняные пряслица встречались значительно реже. Большинство их представлено фрагментарно. Полностью сохранившиеся пряслица имеют боченковидные и биконические формы (рис. 24: 1; 39: 1).

Рис. 40. Бракованные полуфабрикаты из камня.

1, 11 – 5, 3-33; 2 – 5, Л-27; 3 – 8, I-39; 4 – 5, Н-48; 5 – 5, Г-50; 6 – 6, М-51; 7 – 5, Ж-49; 8 – 5, Д-51; 9 – 7, Щ-45; 10 – 5, Э-36; 12 – 5, П-30.

Весьма многочисленны в нижнем слое Изборска точильные камни и оселки, в том числе с отверстиями для привешивания. Они имеют самые различные размеры. На некоторых точильных камнях остались следы заточки ножей и шильев. Большим числом представлены также каменные шары, по всей вероятности, служившие прашевыми ядрами. Размеры их различны – преимущественно от 4 до 8 см в поперечнике, но имеются и единичные камни меньшего диаметра.

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ, СНАРЯЖЕНИЕ КОНЯ И ВСАДНИКА

Вооружение в нижнем слое Изборского городища представлено преимущественно железными наконечниками копий и стрел. Первичную обработку коллекции этих находок в то время, когда раскопки продолжались, произвел А. Р. Артемьев (1978, с. 67–71; 1982, с. 87–93). После этого раскопками были получены новые материалы. В настоящей работе они рассматриваются целостно.

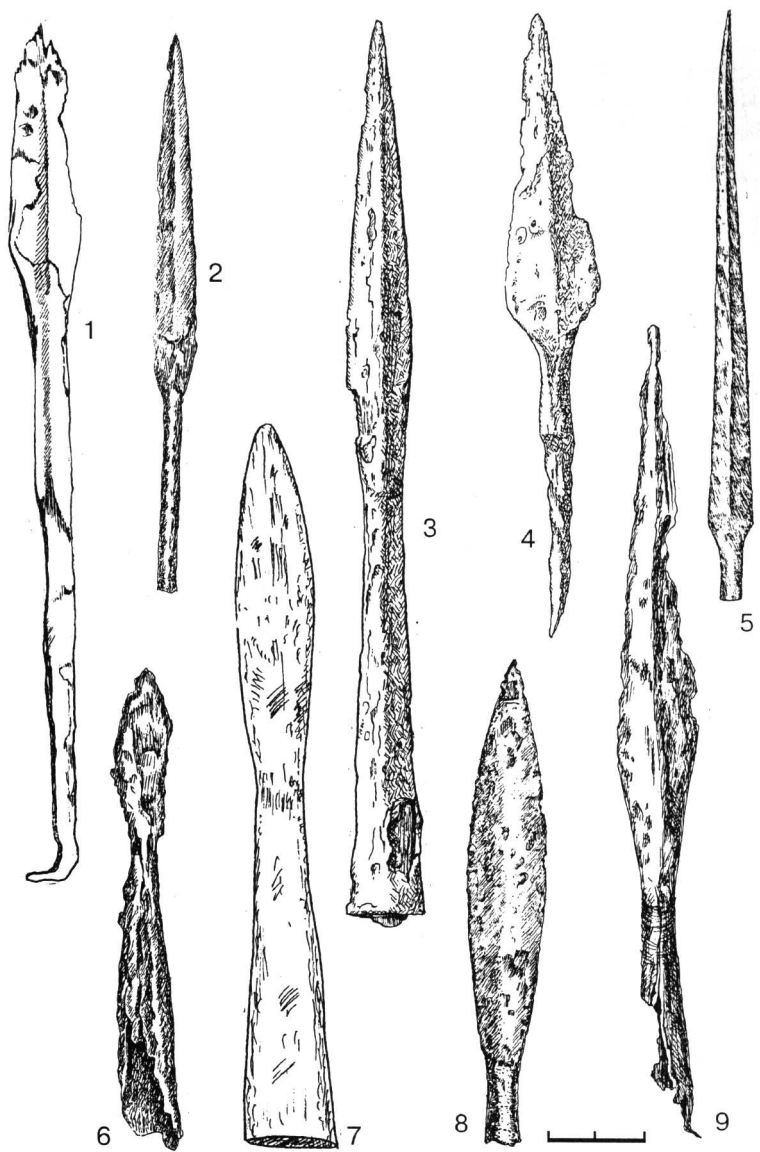
Шесть находок из рассматриваемого слоя Изборска принадлежат к втульчатым наконечникам копий с ланцетовидным пером. Они слегка суживаются у шейки и плавно переходят во втулку, сечение пера ромбовидное (рис. 41: 2, 3, 5, 8). Ланцетовидные копья появились в Северной и Средней Европе в VII–VIII вв. и получили наиболее широкое распространение около 900 г. (Кирпичников, 1966б, с. 9). В отдельных местностях Европы они дожили до XI в. (Kivikoski, 1973, №№ 860, 862). В Изборске одно из ланцетовидных копий найдено в самых нижних горизонтах культурного слоя и должно быть датировано не позднее VIII в., другое относится к IX в., остальные стратиграфически датируются началом X в.

Один из втульчатых наконечников копий имеет длинное узкое перо вытянуто-ромбических очертаний. Сечение его также ромбическое (рис. 41: 9). На территории Литвы подобные копья вытывали в VI–VIII вв. Это тип ID согласно классификации В. Казакиявичюса (Казакиявичюс, 1988, с. 35, рис. 12). В Эстонии такие копья, отмечает этот исследователь, датируются VI–VII вв., в Латвии в могильнике Калниешти-2 подобный наконечник встречен в погребении с вещами VIII в.

Еще один изборский наконечник копья имеет маленькое ромбовидное перо и длинную втулку (рис. 41: 6). В Юго-Восточной Прибалтике аналогичные находки по сопровождающим вещам датируются VI–VIII вв. (Казакиявичюс, 1988, с. 32–34, рис. 11).

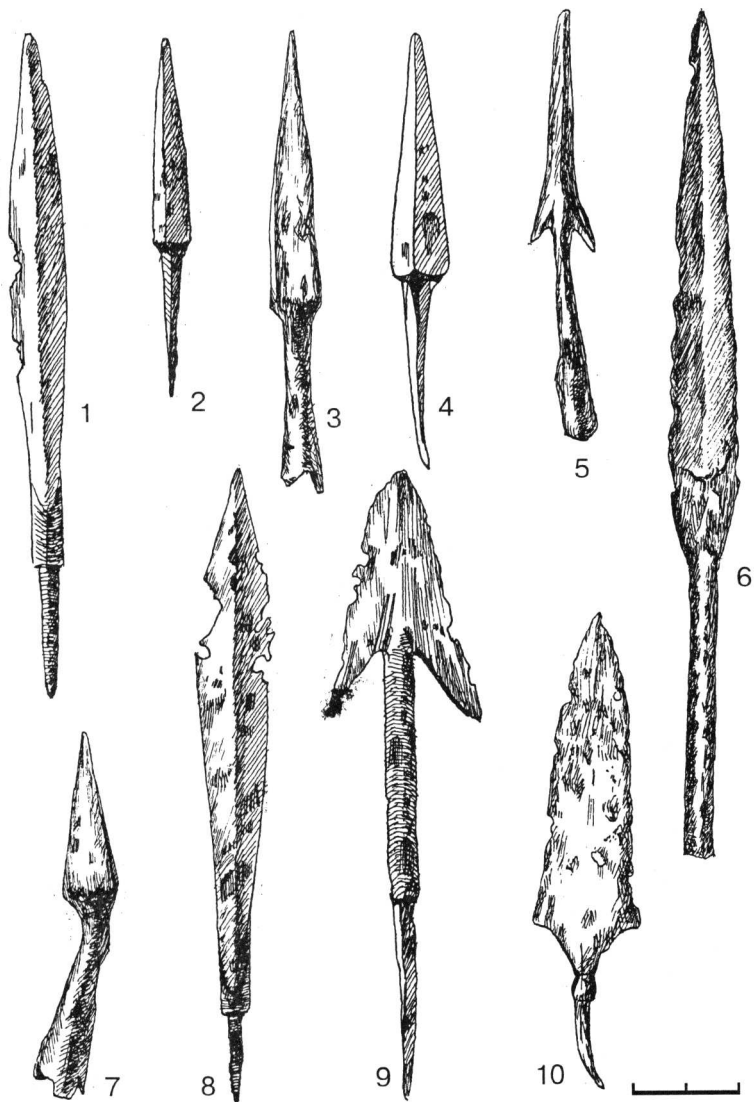
Три наконечника из Изборского городища черешковые. Один из них с пером лавролистной формы имеет длинный черешок, загнутый на конце. Сечение пера ромбическое, черешка – прямоугольное. (рис. 41: 1). В Юго-Восточной Прибалтике такие наконечники, согласно В. Казакиявичюсу, обычны для VII – начала IX в. (Казакиявичюс, 1988, с. 57–60). Перо другого черешкового наконечника вытянуто-треугольное (рис. 41: 4). Подобные копья были распространены в землях, прилегающих к Балтийскому морю с востока. Появляются они около 500 г., основная масса их относится к VIII–IX вв. и доживают в отдельных местностях, в частности в Юго-Восточном Приладожье и Волго-Окском междуречье, до X–XII вв. (Кирпичников, 1966б, с. 17). Третий черешковый наконечник имеет ланцетовидное перо с упором для древка. Многочисленные аналогии ему обнаруживаются в Бирке и среди находок IX в. в Финляндии (Arbman, 1943, Taf. 11, 12; Kivikoski, № 854).

Рис. 41. Железные наконечники копий.

1 – 7, А-56; 2 – 5, Н-41; 3 – 5, Т-55; 4 – 5, П-56; 5 – 6, IV-35; 6 – 6, Б-37; 7 – 6, Д-50;
8 – 5, 3-30; 9 – 5, М-55.

Рис. 42. Железные наконечники стрел.

1 – 5, И-47; 2 – 5, 3-49; 3 – 8, Э-51; 4 – 6, Ж-50; 5 – 5, Ш-55; 6 – 5, Н-41; 7 – 7, Г-56;
8 – 6, К-50; 9 – 5, Д-47; 10 – 6, В-53.

Железные наконечники стрел в нижнем слое Изборского городища более многочисленны по сравнению с копьями. Сразу же следует заметить, что все они найдены в окраинной западной части поселения, что дает основание говорить о неизборском происхождении их. По всей вероятности, стрелы были направлены против изборолян с запада, со Словенского поля.

Наибольшее число находок (10) образуют черешковые наконечники шиловидной формы, квадратного сечения с простым упором (рис. 42: 2, 4). Такие стрелы появились в Восточной Европе еще в начале нашей эры и употреблялись до XIV в. (Медведев, 1966, с. 83, тип 90). Еще три наконечника с острием такой же формы имеют втулки (рис. 42: 3, 7). Близким по облику является наконечник с массивным пирамидальным острием и короткой втулкой. Аналогичные наконечники стрел, но с длинной втулкой, бывшие в употреблении в X–XI вв., описаны А. Ф. Медведевым (Медведев, 1966, с. 58, тип 9).

Четыре черешковых наконечника стрел имеют перо лавролистной формы и узкоромбического или линзовидного сечения. Это – тип VIII по В. Казакиявичюс, датируемый по материалам Литвы VIII – началом IX в. (Казакиявичюс, 1988, с. 57–59). А. Р. Артемьев отнес рассматриваемые изборские стрелы к IX–X вв.

Три наконечника стрел из напластований IX – начала X в. относятся к ланцетовидным черешковым (рис. 42: 1, 8). Подобные стрелы встречены во многих древнерусских памятниках, где датируются IX–XI вв. (Медведев, 1966, рис. 13: 9). Более поздние ланцетовидные черешковые стрелы имеют иные соотношения между пером и черешком. Еще один черешковый наконечник из Изборска имеет треугольное перо ромбического сечения и круглую шейку с уступом, переходящую в черешок (рис. 42: 10).

Найдены в Изборске и двушипные наконечники стрел. Один из них имеет короткое перо и длинный черенок (рис. 42: 9). В Финляндии известно около 60 таких наконечников и датируются они временем от 550 до 800 г. (Kivikoski, 1973, № 553).

Другой изборский наконечник имеет двушипное острие и втулку (рис. 42: 5). Такие стрелы получают распространение в Средней Европе в латенское время, в римский период они были весьма характерны для пшеворской культуры (Elantowska, 1961, табл. III: 2). Очевидно, из ареала этой культуры двушипные втульчатые стрелы проникают в регионы балтских племен. В Литве они относятся в основном к III–V вв., Латвии и Эстонии наиболее ранние находки датируются VIII в. (Казакиявичюс, 1988, с. 73–74). На древнерусской территории подобные стрелы были в употреблении с VIII до середины XIII в. (Медведев, 1966, с. 56).

Один из крупных ножей из изборского нижнего слоя, по всей вероятности, относится к боевым (рис. 24: 6). Правда, он несколько меньшего размера по сравнению с распространенными в Балтийском

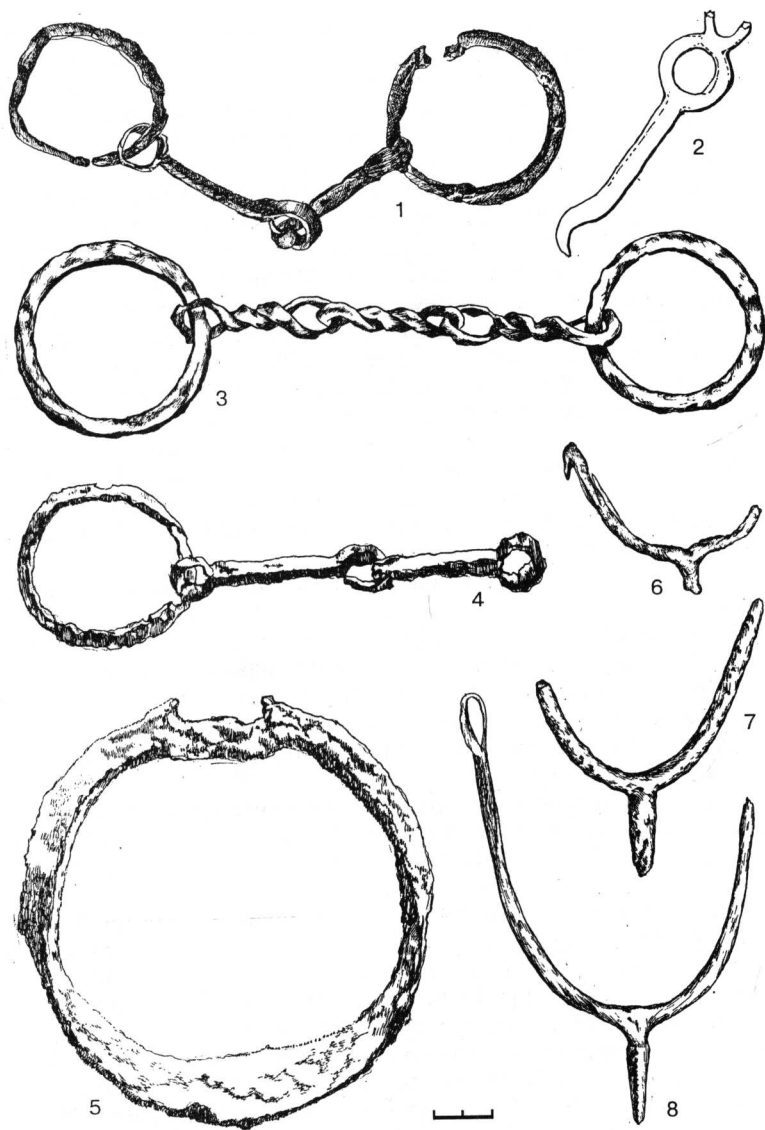

Рис. 43. Предметы конского снаряжения.

1-4 - удила; 5 - стремя; 6-8 - шпоры.

1 - 5, У-59; 2 - 5, XI-30; 3 - 5, XII-32; 4 - 5, У-69; 5 - 5, Б-7; 6 - 7, I-37; 7 - 5, Д-12;
8 - 8, Э-51.

регионе в докингское время. Общая длина его – не менее 26 см (конец острия отломан), длина клинка – около 20 см. В Северной Европе подобные боевые ножи более крупных размеров относятся к наследию римского периода, в Финляндии встречены в памятниках VIII в. (Kivikoski, 1973, №№ 285, 523). Боевые ножи характерны также для древностей Литвы V–IX вв.

Среди предметов конского снаряжения в Изборске нередки находки железных удилов и их отдельные фрагменты – звенья грызла и кольца (рис. 43: 1–4). Господствующей формой были двучленные удила с подвижными кольцами на концах. Реже встречались кольчатые трехчленные удила. Подобные изделия в лесной полосе Восточно-Европейской равнины появились в середине I тыс. н. э., они были привнесены сюда среднеевропейскими переселенцами. Удила, состоящие из двух подвижных звеньев и двух колец А. Н. Кирпичниковым объединены в тип IV. Это была, отмечает исследователь, наиболее многочисленная и универсальная форма удилов (Кирпичников, 1973, с. 16–17) Одним фрагментом в Изборске представлены удила, грызла которых имели восьмеркообразное окончание. Это – тип 1 по А. Н. Кирпичникову (1973, с. 13–14). На Руси наиболее ранние находки таких удилов датируются IX в. Кроме Изборска находки того же времени встречены в Ладоге, Саркеле и Федяшеве.

К числу интереснейших изборских находок принадлежат кольчатые удила с довольно крупными дугообразно изогнутыми роговыми псалиями, украшенными плетеными узорами (рис. 44). Такие крупные роговые псалии характерны для удилов IX–XI вв., наиболее ранние из которых происходят из дружинных курганов Гнездова и Чернигова, а также из хазарского Саркела. Способы соединения псалий с грызлами идентичны удилам типа I, поэтому А. Н. Кирпичников объединил их в тип Ib и отметил, что такие находки указывают «...на связь с воинами, горожанами и принадлежность (во всяком случае в X в.) к богатым княжеско-боярским верхам» (Кирпичников, 1973, с. 15). Еще один роговой псалий с поперечными нарезками и циркульными узорами упомянут был выше.

Наиболее ранней шпорой в Изборске является находка небольших размеров с простейшим шипом, плоскими дужками, отогнутыми крючкообразно наружу (рис. 43: 6). Такие шпоры появляются в лесной полосе Восточной Европы в самом конце IV – V в. когда в эти земли хлынули потоки среднеевропейских переселенцев. В римское время шпоры подобного типа имели распространение в Средней Европе, в частности в Висло-Мазурском регионе. В Восточной Европе шпоры рассматриваемого облика бытовали в V–VII вв. (Седов, 1999а, с. 93–96). В Изборске эта шпора найдена в предматериковых отложениях, свидетельствуя о начале отложения культурного слоя не позднее VII в.

Одной целой и единичными фрагментами представлены в изборском слое IX – начала X в. шпоры с шипами и скобой, лежащими в

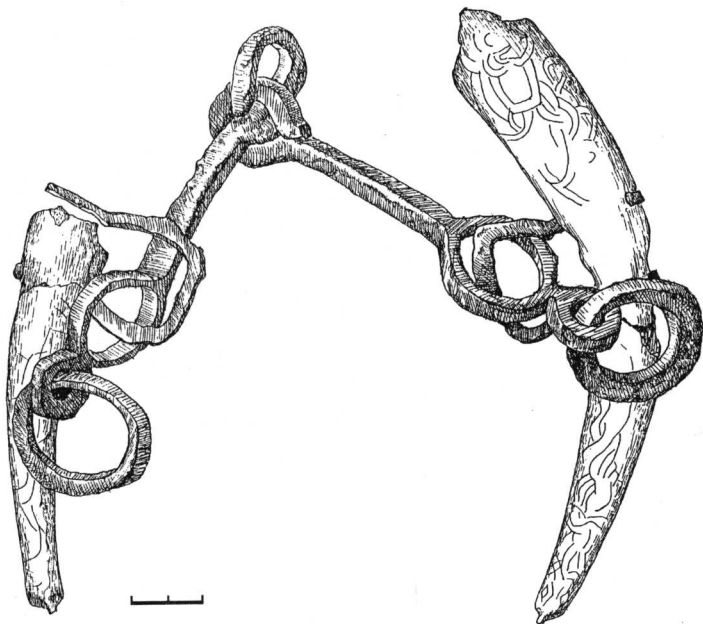

Рис. 44. Железные удила с роговыми псалями (8, Е-54).

одной горизонтальной плоскости (рис. 43: 7, 8). Это так называемые каролингские шпоры, распространенные в Средней, Северной и Западной Европе в IX–XI вв. В Восточной Европе наиболее ранние, датируемые IX в., происходят из Алчедара (Медведев, 1966, № 508).

В нижнем слое Изборского городища найдено одно почти полностью сохранившееся стремя (рис. 43: 5) и несколько фрагментов, тип которых установить невозможно. Стремя принадлежит к типу III по классификации А. Ф. Медведева (Медведев, 1966, с. 48). Изборская находка, скорее всего, южнорусского происхождения. Подобные стремяна обычны в Подонье начиная с X в.

В завершении характеристики воинского снаряжения следует упомянуть находки ледоходных шипов. Их в нижнем слое Изборска встречено около десятка (рис. 24: 5, 8). Такие шипы крепились к обуви или копытам лошади и не позволяли скользить при передвижениях по льду. Появились эти приспособления в Скандинавии в VII в. и оттуда распространились по всей Северной Европе. В Бирке раскопана около 160 погребений с ледоходными шипами. На северо-западе Восточно-Европейской равнины они появились не ранее IX в. (Кирпичников, 1973, с. 79–81).

ЭКОНОМИКА И ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

Находки в нижних слоях Изборского городища железных наконечников пахотных орудий, мотыг, серпов и кос указывают на то, что обитатели его не порвали связей с земледелием. Зерновой материал обнаружен при раскопках только в самых верхних горизонтах характеризующихся напластованиями, датируемых первой половиной X в. В четырех скоплениях обугленного зерна, изученных Н. А. Кирьяновой, резко преобладает рожь, на ее долю приходится 72,6%. Второе место занимает ячмень (19,8%), далее следуют пшеница (5,1%) и овес (2,5%). Такое соотношение сельскохозяйственных культур, как полагает Н. А. Кирьянова, не было характерно для памятников второй половины I тыс. н. э. в лесной полосе Восточно-Европейской равнины. Исследовательница утверждала, что на первом месте в это время обычно стоит пшеница, затем ячмень, просо и весьма небольшими частями представлены зерно овса и ржи (Кирьянова, 1992, с. 17–20).

В настоящее время выясняется, что рожь и овес вместе с каменными жерновами и относительно совершенными серпами были привнесены в лесные области Восточной Европы еще в середине I тыс. н. э. переселенцами из провинциально-римского ареала Средней Европы (Седов, 1999а, с. 110–113). Распространение этих культур в новых землях было, безусловно, постепенным и географически неравномерным. Зерна ржи и овса обнаружены при раскопках девяти поселений V–IX вв., принадлежащих культурам псковских длинных курганов, тушминской и новгородских сопок. В большинстве случаев они весьма немногочисленны. Однако в отдельных пробах зерна названных культур образуют значительный процент. Так, на селище культуры псковских длинных курганов Юрьевская Горка в одной из проб рожь составила 33,3% зернового материала, на поселении культуры сопок Бережок – 50% (Кирьянова, 1992, прил. 1). Это – показатель постепенно возрастающей роли ржи в земледелии кривичско-словенского населения. Только этим можно объяснить заметное доминирование ржи в сельском хозяйстве лесной Руси уже в X–XI вв. (в Новгороде в слоях X в. на ее долю приходится свыше 99%, в Турове в слоях X–XI вв. – около 65%, Волковыске в слоях XI в. около 80% и т. п.). К числу регионов, где в возделываемых культурах значительная роль принадлежала рожь, нужно отнести и Изборский регион. Этим и объясняется ее большая доля в карпологической коллекции Изборска начала X в.

В нижнем слое Изборска найден каменный жернов (рис. 45) и несколько фрагментов других. При снятии седьмого пласта в кв. Ф-37 обнаружено обугленное яблоко.

О животноводстве свидетельствуют находки железных кос, а изучение костей животных, собранных в раскопках, показывает, что на долю домашних животных в мясном питании изборян приходится около 90%.

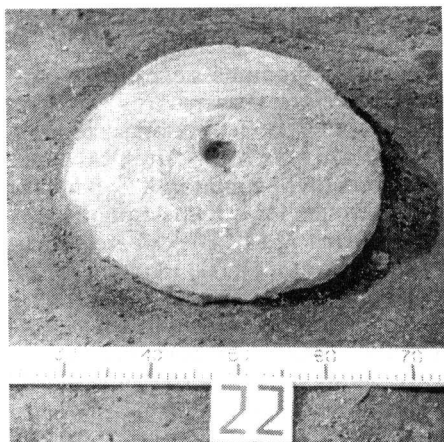

Рис. 45. Каменный жернов (6, III-40).

Изучением ихтиологической коллекции первых лет раскопок занимался Е. А. Цепкин. Им выявлены останки в основном четырех видов рыб – окуня, леща, щуки и плотвы. Позднее зафиксированы также кости и чешуя судака и ерша. Е. А. Цепкиным определены размеры некоторых рыб. Так, длина выловленных щук была преимущественно от 80 до 100 см, лещей и окуней – 35–50 см.

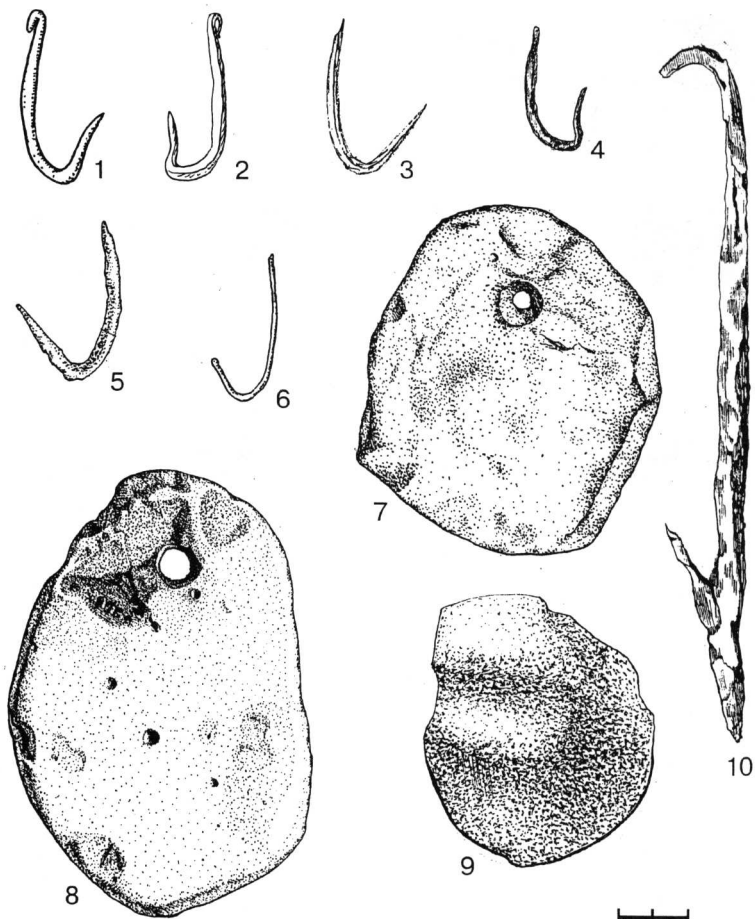
Важнейшей же частью экономики изборян были занятия ремеслами. Выше отмечалось, что на Изборском городище жили и работали кузнецы и бронзолитейщики, мастера косторезного дела, широко развита была специализированная обработка камня. Изделия изборских ремесленников, как можно полагать, находили спрос не только среди жителей самого укрепленного поселения, но и активно продавались населению округа Изборска в обмен на необходимую продукцию сельского хозяйства и лесных промыслов.

Помимо внутренней торговли изборяне постепенно, но довольно активно налаживали международные торговые связи. Выше при характеристике вещевых находок из цветных металлов, железа и кости назывались предметы, поступившие в Изборск из соседних прибалтийских земель, из Финляндии, Скандинавии и Фрисландии. Изборск водными путями связан был с Балтикой, поэтому преимущественные связи его со странами Северной Европой представляется вполне оправданным. О том же свидетельствуют и находки некоторых стеклянных бус.

Из Северной Европы завезены в Изборск боченкообразные бусы из заглушенного стекла красно-коричневого («печеночного») цвета (рис. 47: 1–3) и многочастная пронизка, покрытая серебряной фольгой (рис.

О занятиях рыбной ловлей изборян говорит находки железных крючков, однозубой остроги, более трех десятков каменных и менее многочисленных глиняных грузил (рис. 46). Среди грузил из камня доминируют подтреугольно-овальной формы с отверстием сверху, но есть и экземпляры с желобком. Глиняные грузила имеют распространенную на Руси боченкообразную форму. Достаточно очевидно, что доминирующую роль в рыболовстве играл сетевой лов. Многократно встречены также кости рыб и скопления чешуи. Изучением ихтиологической

Рис. 46. Рыболовные принадлежности.

1-6 – железные крючки; 7-9 – каменные грузила; 10 – железный гарпун.
 1 – 7, Ф-37; 2 – 6, Щ-54; 3, 5 – 8, Х-36; 4 – 6, П-50; 6 – 5, Д-54; 7 – 5, IV-29; 8 – 5, I-42; 9 – 6, И-34; 10 – 7, Л-53.

47: 8). Подобные бусы в VIII – начале IX в. были весьма распространены по всему североамериканскому ареалу, в том числе они имеются в Ладге, а на востоке встречаются в могильниках поломской культуры. Исследователи предполагают, что центр их производства находился где-то в Северной Европе. Однако каких-либо следов изготовления стеклянных бус в Скандинавии до сих пор обнаружить не удается.

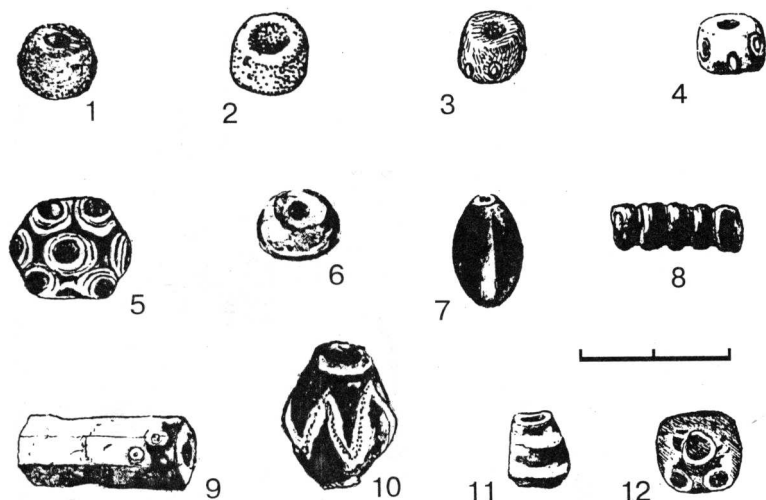

Рис. 47. Стекланные бусы.

1, 10 - 7, VI-32; 2 - 6, I-47; 3 - 7, Г-40; 4 - 6, VII-32; 5 - яма 10, V-37; 6 - 8, II-36; 7 - 4, I-31; 8 - 5, Ч-54; 9 - 4, X-52; 11 - 7, Ю-54; 12 - 7, I-34.

Многочастные пронизки (с золотой фольгой) проникли в Европу из Сирии и Александрии еще в первой половине I тыс. н. э. В VIII–IX вв. ими были наводнены все северноевропейские области, золотая фольга в это время заменяется псевдозолотой – серебряной с коричневым покрытием. В Ладоге они найдены в слоях горизонтов E1 и E2 (Львова, 1968, с. 65–70). В Бирке и в памятниках Северной Польши такие пронизки датируются IX–X вв. Из Скандинавии в Изборск поступила и удлиненно-шестигранная бусина из мраморного камня (рис. 47: 9), а также мелкие кольцевидные бусы желтого и зеленого стекла. Северноевропейское начало имеет и биконическая бусина черного стекла, орнаментированная черно-белой зигзаговой полосой (рис. 47: 10). В Бирке подобные украшения датируются IX в.

В Северной Европе находит аналогии также бусина желто-коричневого цвета со слегка округленными стенками (рис. 47: 6). В Скандинавии подобные украшения бытовали в VIII–IX вв., в Ладоге основная масса их найдена в слое горизонта E3, но единичные встречены и в вышележащих напластованиях до уровня построек горизонта Д (Львова, 1968, с. 72).

Северноевропейское начало имеет также цилиндрическая бусина светло-коричневого цвета с поперечными желтыми полосами (рис. 47: 11). Такие бусы известны на широкой территории и бытуют преимущественно

щественно в VIII–X вв. (Львова, 1968, с. 66–68). К тому же кругу древностей принадлежат найденные в Изборске две зонные бусы темно-зеленого, непрозрачного стекла. В Бирке они датируются VIII – началом X в., в Хельге – VIII–IX вв., в Ладогe появляются в слое горизонта E3, но особенно много их обнаружено в слоях Д (Львова, 1968, с. 78). Имеются такие бусы и в Новгороде, в напластованиях ярусов 21–27 (Щапова, 1956, с. 168).

Находки стеклянных бус в Изборском городище свидетельствуют, что торговые контакты осуществлялись не только с северноевропейскими землями. С Кавказским регионом связана, обнаруженная в Изборске в слое IX в. шарообразная бусина черного цвета (рис. 47: 5) с выпуклыми фиолетовыми глазками в виде круглого ядра, заключенного в белые концентрические круги (Ковалевская, 2000, с. 43–44, № 158). Подобное начало имеет и бусина черного стекла с тремя глазками в виде усеченноконических выпуклин, оконтуренных белыми полосами (рис. 47: 12). Такие украшения имели широкое распространение на юге Восточной Европы, но известны и в Средней Азии. Из юго-восточного региона Европы глазчатые бусы черного стекла поступали в словенско-кривичские земли. Кроме Изборска они найдены в Ладогe и Новгороде (Львова, 1968, с. 70–71; Щапова, 1956, с. 178). В Ладогe наибольшее число их встречено в слоях горизонтов E3 и E2, в Бирке – в могилах IX в.

Интересна боченкообразная бусина желтого цвета с коричневыми и синеватыми овальными глазками. Коричневые глазки обведены тонкими черными овалами (рис. 47: 4). Подобные бусы происходят из Средиземноморья. Оттуда они распространялись двумя путями: 1) по Дунаю и Эльбе – в области Северной Европы, где бытовали преимущественно в VIII–IX вв.; 2) по Дону – в лесные земли Восточно-Европейской равнины.

В нижних напластованиях Изборска найдены еще две цилиндрические бусины из голубого прозрачного стекла, аналогии которым обнаруживаются в археологическом материалах Великой Моравии. Оттуда же происходят стеклянная дутая бусина овальных очертаний стального цвета с синеватым оттенком (рис. 47: 7). Подобные украшения бытовали в IX–X вв. в Моравии и Германии. Великоморавское начало имеет и изборская пуговица, изготовленная из золотистой бронзы (рис. 25: 1).

О торговых связях с далекими странами говорят и находки в Изборске куфических дирхемов (Гайдуков, Фомин, 1986, с. 101–107). В нижнем слое городища найдено пять дирхемов, которые следует рассматривать как монеты, утерянные своими владельцами. Факт потери монет на поселении, как подметил В. М. Потин, свидетельствует о значительной концентрации дирхемов среди его жителей и о развитии торговли.

Самые ранние изборские находки – дирхемы африканской чеканки – один из Тугды (халиф б. Мода), другой из ал-Аббасии (халиф

Харун ар-Рашид). Обе изготовлены в 792/793 г. Согласно нумизматическим изысканиям, дирхемы африканской чеканки на территории Восточной Европы были в составе монетного обращения с 800 по 825 годы, после чего практически полностью вышли из обращения (Янин, 1956, с. 86–99). Нужно полагать, что оба изборских дирхема были утеряны и попали в культурный слой не позднее 20-х годов IX в.

Еще один дирхем из нижнего слоя Изборского городища чеканен в 805 г. в закавказской провинции Халифата – Арране (халиф Харун ар-Рашид). Учитывая время широкого функционирования закавказских монет в Восточной Европе – между 790 и 820 годами – попадание изборской находки в культурный слой определяется 810–820 гг. Еще два дирхема из Изборска отчеканены в Самарканде в 811/812 и 818/819 гг. при халифе ал-Мамуне. Время попадания их в слой – между 840-ми и 870-ми годами. Найден в Изборске и фрагмент весов для взвешивания монет.

В заключение характеристики торговых связей Изборска можно отметить, что в нижнем слое найдено несколько железных лодейных заклепок.

ДАТИРОВКА НИЖНЕГО СЛОЯ

Наиболее ранней находкой нижнего слоя Изборского городища является бронзовая булавка с головкой из двух утолщений, завершающих ромбовидным ушком, которая имеет аналогии в позднеримских древностях. Железные шпора с простейшим шипом и дужкой с крючкообразно отогнутыми наружу концами, и пластинчатые кресала широко бытовали в Средней Европе в позднеримский период. Привнесенные среднеевропейскими переселенцами шпоры и кресала этого типа бытовали в лесных землях Восточно-Европейской равнины в V–VII вв. Вещевых находок, определенно датируемых VIII в. или вышедших из употребления на рубеже VIII и IX столетий, в Изборске уже немало. Это, в частности, – булавка с раструбообразной головкой (общая дата бытования – VI–VIII вв.), булавки с треугольными головками (V–VIII вв.), равноплечная фибула (VII–VIII вв.), втульчатый наконечник копья с длинным, узким пером ромбического сечения (VI–VIII вв.). Еще больше найдено предметов, определяемых по аналогиям VIII–IX вв. Таким образом, можно полагать, что культурный слой на Изборском городище начал формироваться в течение VII в., и с уверенностью можно утверждать об основании поселения не позднее рубежа VII и VIII вв.

Верхняя дата нижнего слоя городища определяется второй четвертью или серединой X в. Надежные основания этому дают материалы вышележащих напластований. Если для нижнего слоя характерна исключительно лепная глиняная посуда, то следующий слой содержит как лепную, так и гончарную посуду. При изучении последнего встречено немало вещевых и монетных находок, достаточно определенно

датируемых X веком. Это, прежде всего, лунница «гнездовского типа», массивные подковообразные застезки, крупные стеклянные золоченые бусы боченкообразной формы, монетные находки. Одна из них – местное подражание самаркандской монете династии Саманидов. Такие монеты в Восточной и Северной Европе имели распространение только в X в. Вторая монета – дирхем, обрезанный в кружок. Как показал В.Л.Янин, круглые обрезанные куфические монеты появляются в восточноевропейских кладах около середины X в. и встречаются до второй четверти XI в. Это дало основание П.Г. Гайдукову и А.В. Фомину датировать изборский обренок второй половиной X – первой четвертью XI в. (Гайдуков, Фомин, 1986, с. 104).

ПРОТОГОРОДСКОЙ ХАРАКТЕР ПОСЕЛЕНИЯ

Достаточно очевидно, что Изборск в IX – начале X в. был далеко не рядовым поселением. Наличие площади, предназначенной, очевидно, для проведения вечевых сборов и культовых (языческих) празднеств и гаданий, свидетельствует о том, что поселение выполняло административно-политические функции, являясь племенным центром одной из крупных группировок кривичей. Экономическая жизнь Изборска имела отчетливо ремесленное и торговое направления. В отличие от Ладоги или Новгородского городища в Изборске рассматриваемого времени ни в домохозяйстве, ни в культовых элементах, ни среди вещевых материалах не обнаруживается явных маркеров, указывающих на проживание выходцев из Скандинавии. Ремесленниками и купцами в основном здесь были представители местного кривичского населения. Вместе с тем, Изборск безусловно посещался и норманнами из Фенно-Скандинавии (находка привески в виде молоточка Тора – один из ярких показателей этого), и торговцами из Русского каганата, локализуемого, судя по историко-археологическим данным IX в., в междуречье Днепра и Дона (Седов, 1999а, с. 50–90; 1999б, с. 54–81). Серия изборских находок, поступивших с Юга, включает, прежде всего, описанные выше стеклянные бусы, удила с роговыми псалиями, арабские дирхемы. Большое число изделий северноевропейского происхождения обусловлено географическим положением Изборска – его округа была составной частью обширного циркумбалтийского ареала.

Около середины X в. Изборское городище было поделено на две части. Его мысовая часть с вечною площадью стала детинцем, обнесенным деревянной стеной, в остальной части – окольном городе – концентрировались постройки ремесленников и торгового люда, за валом начало разрастаться посадское поселение. Таким образом, Изборск трансформировался в раннесредневековый город (Седов, 1999б, с. 244–252). Следовательно, Изборское городище предшествующего времени следует рассматривать как один из протогородских центров Восточной Европы.

Изборск был явно неаграрным селением с кучной застройкой и полиэтничным населением. Уже на первых порах с напольной стороны оно было защищено крепостной стеной, а крутые склоны мыса служили естественной защитой с других сторон. Материалы раскопок отчетливо говорят, что в экономической жизни изборян большое место занимали ремесла и торговля. Ремесленники и торговый люд, по-видимому, составляли основной костяк изборян. Немалое число импортных изделий и монетные находки – явное свидетельство участия Изборска в межплеменной и международной торговле. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня предполагают расслоение общества, выделение племенной знати и дружинного сословия. Судя по наличию площади, поселение выполняло также административно-племенные и культовые функции. Таким образом, в материалах Изборского городища налицо все элементы, свойственные европейским прото-городским поселениям раннего средневековья (Седов, 1987, с. 12–17; 1989, с. 6–55).

ЛИТЕРАТУРА

- Александров А.А., 1982. Полусферические курганы с сожжениями на Псковщине // КСИА. Вып. 171.
- Артемьев А.Р., 1978. Наконечники стрел из раскопок Изборска // КСИА. Вып. 155.
- Артемьев А.Р., 1982. Копья из раскопок в Изборске // КСИА. Вып. 171.
- Аун М., 1992. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн.
- Белецкий С.В., 1977. Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. Вып. 150.
- Белецкий С.В., 1979. Культурная стратиграфия Пскова (Археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160.
- Белецкий С.В., 1981. Раскопки Псковского городища в 1977–1978 гг. // Древнерусские города. М.
- Гайдуков П.Г., Фомин А.В., 1986. Монетные находки Изборска // КСИА. Вып. 183.
- Глазунов В.В., Плоткин К.М., 1978. Археолого-геофизическое изучение городища Камно // КСИА. Вып. 152.
- Голубева Л.А., 1965. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы // Новое в советской археологии. М.
- Голубева Л.А., 1973. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.
- Горюнова В.М., 1974. Новое в исследовании «Городка» на Ловати // КСИА. Вып. 139.
- Горюнова В.М., 1983. Об изменениях в домостроительстве Городка на Ловати в X–XII вв. // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига.
- Гроздилов Г.П., 1950. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. Т. XIV.
- Гроздилов Г.П., 1965. Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. Вып. 7.
- Давидан О.И., 1962. Грести Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4.
- Давидан О.И., 1966. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР // АСГЭ. Вып. 8.
- Давидан О.И., 1968. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 10.
- Ениосова Н.В., 2001. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара за 2000 год. Псков.
- Засурцев П.И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123.
- Исланова И.В., 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.
- Казакявичюс В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс.
- Каргер М.К., 1958. Древний Киев. Т. I. М.; Л.
- Кирпичников А.Н., 1966б. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1-36. М.; Л.
- Кирпичников А.Н., 1973. снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1-36. Л.
- Кирпичников А.Н., 1980. Новооткрытая Ладожская каменная крепость IX–X вв. // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1979 г. Л.
- Кирпичников А.Н., 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Кирьянова Н.А., 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М.
- Ковалевская В.Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.
- Кочуркина С.И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск.

- Краснов Ю.А., 1987. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.
- Кузьмин С.Л., 1987. Об одном типе жилища в лесной зоне Центральной и Восточной Европы в раннем средневековье // История и археология Новгородской земли (Тезисы научно-практической конференции). Новгород.
- Лебедев Г.С., 1973. Городец под Лугой (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 135.
- Лебедев Г.С., 1977. Археологические памятники Ленинградской обл. Л.
- Львова З.А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 10.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. (САИ. Вып. Е1-36). М.
- Минасян Р.С., 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 19.
- Миролюбов М.А., 1972. Пахотные орудия Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 14.
- Недошивина Н.Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Труды ГИМ. Вып. 43). М.
- Новикова Г.Л., 1991. Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М.
- Новосельцев А.П., 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.
- Носов Е.Н., 1977. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладogi // КСИА. Вып. 150.
- Носов Е.Н., 1981. Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее // КСИА. Вып. 166.
- Носов Е.Н., 1983. Новые данные о домостроительстве населения I тысячелетия н.э. в Приильменье // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига.
- Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Носов Е.Н., Конечский В.Я., 1975. Разведки на средней Мсте и раскопки поселения Золотое Колено // АО 1974 года.
- Носов Е.Н., Плохов А.В., 1989. Поселение Холопий Городок под Новгородом // КСИА. Вып. 195.
- Нукшинский могильник. Рига, 1957.
- Орлов С.Н., 1962. Городище эпохи раннего железного века в низовьях реки Ловати // КСИА. Вып. 87.
- Орлов С.Н., 1972. Славянское поселение на берегу р. Прость, около Новгорода // СА. № 2.
- Орлов С.Н., Аксенов М.М., 1961. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 10.
- Очерки, 1970. Очерки по археологии Белоруссии. Ч. I. Минск.
- Очерки, 1972. Очерки по археологии Белоруссии. Ч. II. Минск.
- ПВЛ, 1950. Повесть временных лет. Ч. I. М.; Л.
- Плоткин К.М., 1974. К вопросу о хронологии кородища Камно Псковской области // КСИА. Вып. 139.
- Плохов А.В., 1992. Лепная керамика центрального Приильменья и славянское расселение (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Пушкина Т.А., 1987. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. М.
- Равдоникас В.И., 1950. Старая Ладoga. Часть 2 // СА.Т. XII.
- Раппопорт П.А., 1975. Древнерусское жилище. САИ. Вып. Е1-32. Л.
- Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
- Рыбаков Б.А., 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.
- Седов В.В., 1970а. Новгородские сопки. САИ. Вып. Е1-8. М.
- Седов В.В., 1970б. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.
- Седов В.В., 1974. Длинные курганы кривичей. САИ. Вып. Е1-8. М.

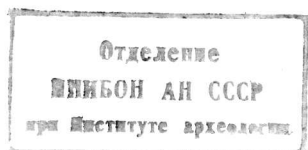

- Седов В.В., 1975. Жилища Юго-Восточной Прибалтики (I – начало II тысячелетия н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.
- Седов В.В., 1978. Лепная керамика Изборского городища // КСИА. Вып. 155.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М.
- Седов В.В., 1985. Изборск в 8 – 10 веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин.
- Седов В.В., 1987. Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Вып. 1. М.
- Седов В.В., 1989. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М.
- Седов В.В., 1998. Первые страницы истории Пскова // Історія Русі-України (історико-археологічний збірник). Київ.
- Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
- Седов В.В., 1999а. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.
- Седов В.В., 1999б. Изборск в конце X – начале XI вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.
- Седов В.В., 1999в. У истоков восточнославянской государственности. М.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Седых В.Н., 1992. Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Смирнова Г.П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (По материалам раскопок 1951–1954 гг.) // МИА. № 55. М.
- Смирнова Г.П., 1976. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. Вып. 146.
- Смирнова Г.П., 1978. К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского конца Новгорода // Древняя Русь и славяне. М.
- Спегальский Ю.П., 1972. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.
- Станкевич Я.В., 1950. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi // СА. Т. XIV.
- Станкевич Я.В., 1951. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi // СА. Т. XV.
- Станкевич Я.В., 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н.э. (МИА. № 76). М.; Л.
- Стубавс А.Я., 1959. Раскопки городища Кентескалнс в 1954–1956 гг. // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.
- Тараканова С.А., 1949. Раскопки древнего Пскова (1945–1947 гг.) // КСИИМК. Вып. XXVII.
- Третьяков П.Н., 1976. Городище Осыно // СА. № 3.
- Финно-угры. Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1987.
- Хавлюк П.И., 1974. Раннесредневековые поселения в бассейне Южного Буга // Ранне-средневековые восточнославянские древности. Л.
- Шахматов А.А., 1908. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.
- Шмидехельм М.Х., 1959. Городище Рьуге в Юго-Восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.
- Шноре Э.Д., 1959. Городища древних латгалов // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.
- Шноре Э.Д., 1961. Асотское городище. Рига.
- Щапова Ю.Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55.
- Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. М.
- Atlasas, 1978. Lietuvos TSR archeologijos atlasas. IV. Vilnius.
- Arbman H., 1940. Birka. I: Gräber. Uppsala.
- Donat P., 1980. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa von 7. Bis 12. Jahrhundert. Berlin.
- Elantkowska J., 1961. Uzbrojenia ludności kultury przeworskiej w okresie rzymskim na Śląsku // Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu. T. 32. Poznań.
- Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg.

- Indreko R., 1939. Asva linnus asula // Muistse Eesti linnused 1936–1938. Tartu.
- Kivikoski E., 1963. Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki.
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Kokowski A., 1985. Die Feuerstahlwerkzeuge der Przeworsk-Kultur // Memoires Archeologiques. Lublin.
- LA. Latvijas PSR arheoloģija. Rīga, 1974.
- LLM. 1958. Lietuvių liaudies menas. Kn. I: Senovės lietuvių papuošalai. Vilnius.
- Michelbertas M., 1986. Senasis geležies amžius Lietuvoje. I–IV amžius. Vilnius.
- Moora H., 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Teil II. Tartu.
- Moora H., 1955. Muistsete linnuste uurimise tulemustest Eesti NSV-s // Muistsete asulad ja linnused. Tallinn.
- Mugurevičs E., 1977. Olinalna un Lokstenes pilsnovadi 3.–15. gs. arheoloģiskie pieminikli. Rīga.
- Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- RK. Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga, 1986.
- Schmiedehelm M., 1930. Einige Funde der mittleren Eisenzeit aus Estland // Księga pamiątkowa ku uczczeniu siedemdziesiątej rocznicy urodzin Prof. Dr. Włodzimierza Demetrykiewicza (Biblioteka prehistoryczna. 1). Poznań.
- Selirand J., 1974. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (II. – 13. sajand). Tallinn.
- Selling D., 1955. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm.
- Stender-Petersen A., 1934. Die Varagersage als Quelle der altrussische Chronik // Aarhus.
- Stubavs A., 1976. Kentes pilskalns un apmetne. Rīga.
- Šnore R., 1930. Dzelzs laikmeta latvie u rotas adatas // Latvie u aizvestures materiali. I. Rīga.
- Tallgren A.M., 1922. Zur Archäologie Eestis. Bd. I. Dorpat.
- Tallgren A.M., 1925. Zur Archäologie Eestis. Bd. II. Dorpat.
- Tautavičius A., 1996. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius.
- Urtans V., 1977. Senākie depoziti Latvija (līdz 1200. G.). Rīga.
- Vassar A., 1939. Iru linnapāra // Muistse Eesti linnused 1936–1938. Tartu.
- Zariņa A., 1970. Seno latgaļu apģērbs 7. – 13. Gs. Rīga.

СОКРАЩЕНИЯ

- АО – Археологические открытия. М.
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
- ГИМ – Государственный исторический музей. М.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.
- СА – Советская археология. М.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Культурный слой городища	7
Домостроительство	9
Оборонительные сооружения	31
Застройка поселения	35
Керамика	37
Орудия труда и предметы обихода	47
Предметы из цветных металлов	57
Изделия из кости и следы косторезного ремесла	69
Изделия из камня	75
Предметы вооружения, снаряжение коня и всадника	78
Экономика и торговые связи	85
Датировка нижнего слоя	90
Протогородской характер поселения	91
Литература	93
Сокращения	96

Валентин Васильевич Седов
Изборск – протогород
Научное издание

Техническое редактирование и верстка: Н. В. Лопатин

Подписано в печать 11.03.2002. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 6,0. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 300 экз.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
ЛР ИД №03062 от 18.10.2000

Отпечатано в типографии
ЗАО Агентство деловой информации «Бизнес-карта»
121002 Москва, Гагаринский пер., 20